

**Летопись происходящих в расколе
событий за 1890 год
профессор Николай Иванович Субботин**

1. Умножение печатных и иных раскольнических сочинений. – Нечто о подпольных раскольнических типографиях. – Перечень новых швецовских изданий. – Продолжение распри между Пафнутием и Паисием. – Неудача стародубского попа Ефима. – О противоокружниках Иосифе и Иове. – Письмо Иосифа. – О присоединении Т. И. Касилова

Начинаем Летопись раскола в новом году, но не за новый еще год. Этот новый год лишь только народился, и что скрыто в его таинственной дали, – те ли же безобразные проявления раскольнической лжи, лукавства и лицемерия, благовидно прикрыты преданностью мнимому древлеправославию, то же ли наглое попирание закона служителями и покровителями раскола, о чем так часто приходилось говорить нам с великою скорбию, те же ли мрак и тьма великая будут господствовать в темном царстве раскола, или более и более будут проникать в него лучи истины, большее и большее число блуждающих в этой тьме будут выходить к свету православия, под благотворным воздействием добрых служителей православной церкви, проникнутых сознанием своего долга, и умножит ли Господь число этих добрых пастырей церкви, – все это известно Ему единому, и мы должны только молить Его благость, да подаст нам утешение в наступившем году видеть более этих светлых и радостных явлений из раскольнического мира, нежели темных и печальных, о которых большею частию приходилось говорить доселе. Но теперь еще нужно кончить с старыми, прошлогодними делами раскольников, и прежде всего следует поговорить о следах, оставленных в Москве недавним, в конце

ноября прошлого года, пребыванием здесь Онисима Швецова. Этот зловредный разноситель раскольнической заразы, которым большею частию приходится и начинать и кончать нашу Летопись, где ни побывает и когда ни побывает где-либо, везде и всегда оставляет ясные следы этой заразы, большею частию в виде своих еретических сочинений, отпечатанных на гектографе, или же в заграничных и подпольных типографиях. Так и теперь, вслед за последним его приездом в Москву, появились здесь в великом множестве и свободно распространяются его почитателями-братчиками разные его сочинения, и печатные и гектографированные.

Пользоваться гектографом и типографским станком, особенно последним, у нас можно только с разрешения правительства и на основании точно определенных узаконений; противозаконное их употребление строго наказуется. Что же,— гг. Швецов, Перетрухин, Боев с комп., разве с разрешения правительства пользуются этими типографскими средствами для печатания и распространения разных сочинений, направленных против церкви, с клеветами и бранью на нее? Конечно, нет. Такого разрешения формальным образом никакое правительство в России дать не может, ибо это значило бы давать разрешение на действия воспрещенные законом. Итак Швецов и Перетрухин несомненно совершают противозаконное дело, печатая свои сочинения в тайных, подпольных типографиях. Почему же за это не подвергаются они никакой ответственности, никакому из положенных законом наказаний? Скажут, что правительство преследует тайные раскольнические типографии и подвергает законному наказанию их содержателей, как показывает даже недавно производившееся в Московском Окружном Суде разбирательство подобного дела о типографии. Правда, какой-то раскольник Панфилов, живущий в Рогожской части, судился и осужден за содержание типографии, в которой печатал Псалтири. Но разве в Москве один Памфилов? Разве нет и еще подпольных раскольнических типографий, в которых печатаются уже не Псалтири, а перетрухинские «Мечи» и другие подобные ему крайне вредные для церкви раскольнические сочинения? А собственная

швецовская типография, в его Безводном, или даже в самом Нижнем-Новгороде? Почему они работают безпрепятственно? Почему до них не смеют прикоснуться? Притом же, если судят содержателей тайных типографий, то почему не подвергают суду тех, которые обращаются в тайные типографии, чтобы печатать в них свои сочинения? Как сообщники типографщиков, они подлежат наказанию вместе с этими последними. И они всегда с полным удобством могут быть привлечены к ответственности, так как улика их преступных деяний всегда на лицо – самые сочинения их, напечатанные в подпольных типографиях. Почему же оставляют их в покое? Каждый год из подпольных типографий выходят в тысячах экземпляров зловредные сочинения Швецова и других раскольников, свободно продаются в Москве раскольниками торговцами и не торговцами, расходятся по всем местам российского государства, и как будто никто из власти имущих и не знает об этом, никому не приходит на мысль собрать эти сочинения, разыскать их авторов, всем хорошо известных (Швецов имеет смелость даже выставлять свое имя на некоторых книгах), потребовать у них отчета, где, в какой типографии, по какому праву они напечатали свои произведения, и положить конец их беззаконной деятельности? Нельзя не подивиться этому бездействию, или равнодушию власти, которое неизбежно приведет к тому, что один Швецов наводнит всю Россию своими еретическими сочинениями, и теперь уже причинившими неисчислимый вред православной церкви¹. А какой тяжкий грех на душу берут те власти, именующие себя православными, которые даже сознательно потворствуют печатанию и распространению швецовских сочинений, которые, и зная, будто не знают о существовании раскольнических типографий, которые намеренно покровительствуют расколу?

Как удобно из своего Безводного, или Нижнего, Швецов может наводнить Россию произведениями своей подпольной типографии, об этом можно судить по тому, сколько новоизданных сочинений он оставил для распространения в Москве, когда приезжал сюда последний раз. Перечислим их ради любопытства читателей, выписав точные их заглавия. 1)

«Разбор замечаний архимандрита Павла на книгу вопросов Никодима». 2) «Исповедание веры в символическую церковь священноинока Арсения». Примечательно, что в конце этой книжки Швецов говорит: «Сие исповедание читано на Нижегородской ярмарке в соборе и со стороны миссионеров господствующей церкви на него никакого возражения не последовало». Значит книжка эта издана уже после Нижегородской ярмарки 1889 г., на которой Швецов имел разглагольствие с профессором Ивановским именно о своем «Исповедании». Справедливо ли «возражения» г. Ивановского он считает как бы совсем не бывшими? – это другой вопрос. 3) «Рассмотрение чина неокружников». 4) «Оправдание старообрядствующей иерархии, данное на вопросы безпоповцев Першиных», – то самое сочинение, которое на тех же нижегородских беседах разбирал А. Е. Шашин. 5) «Исследование старообрядческой депутатии об митрополите Амвросии и о крещении греков». 6) Книга «об антихристе и о прочих действиях, иже при нем быти хотящих», о которой мы уже говорили². 7) Новая большая книга под заглавием: «Показание всеобдержности двуперстного сложения в древней православной церкви и погрешностей противу св. Евангелия в новобрядствующей грекороссийской церкви». Книга эта, как и предшествующая «об антихристе», напечатана тем же самым шрифтом, каким печатались заграничные швецовские издания, – и на ней, как на книге об антихристе, также значится: «Яссы, типография Б. Н. П... к». Эти «Яссы», повторим опять, несомненно находятся или в Безродном, или в самом Нижнем, вообще в тех пределах, где царит власть г. Бугрова, пред которою трепещет, или, по крайней мере, которой служит местная администрация. Надобно полагать, что Швецов успел перевезти сюда именно свою заграничную типографию, находившуюся в Мануиловском монастыре, где этим самым шрифтом напечатал он свою «Истинность» и «Поморские Ответы». Новая книга Швецова заслуживает особого внимания, и мы надеемся со временем представить подробный её разбор. А теперь достаточно привести её оглавление, чтобы читатель мог судить о том, как вредна она по содержанию. „Глава

первая: показание, что двуперстное сложение для крестного знамения и благословения есть апостольское предание во св. церкви и благочестно изобразует символ православной веры. Глава вторая: показание, что господствующая в России церковь в измене древних церковных преданий погрешила против св. Евангелия (?!): 1) во лжесвидетельстве (?) о троеперстии, якобы оно есть предание св. Апостолов, и св. отец и св. седми соборов (а сам он, г. Швецов, утверждая, что двуперстие есть «апостольское предание» не «лжесвидетельствует?»); 2) в преслушании учения прежде бывших благочестивых учителей (?); 3) в ниспровержении клятвенного связания православных епископов; 4) в поречении православных христиан еретиками; 5) в отлучении православных христиан от св. Троицы; 6) в проклятии православных христиан; 7) в телесном озлоблении ее преслушников; 8) в поречении шептанием сатаны учения истины; 9) в отстранении осмиконечного креста с печати просфор и поречении оного; 10) в осуждении за общее произношение молитвы: Господи Иисусе Христе Сыне Божий; 11) в поречении Христова имени Иисусе; 12) в постановлении присяги в противность Господней заповеди; 13) в учении о церковной непогрешимости³; 14) в признании самозванством старообрядческой иерархии и принятия от неё крещения. Глава третья: показание, что грекороссийская церковь и в допущении единоверия нарушила правду св. Евангелия» (?!)» Уже и по этому оглавлению можно судить, какою злобою на церковь проникнуто новое сочинение Швецова и сколько зла должно причинить оно, утверждая раскольников в большей преданности расколу и смущая православных, мало сведущих в писании и не твердых в вере. Любопытно, что здесь, в этой новой своей книге, Швецов полной рукой черпает свидетельства в защиту двуперстия и других мнимо старых обрядов у наших православных радетелей раскола, – приводит длинные выписки из сочинений распопы Верховского, Филиппова, Каптерева. Вот новое, наглядное подтверждение того, как вредны для церкви известные каптеревские и филипповские «исследования», о чем мы говорили столько раз. И должно отдать справедливость Швецову, – он умеет искусно пользоваться г-ми Филипповыми и

Каптеревыми: относясь к ним с раскольнической брезгливостью, как все же к никонианам и щепотникам, он придает значение их свидетельствам, собственно как свидетельствам врагов раскола, невольно признающих за ним справедливость, невольно оказывающих ему предпочтение перед церковью. Так напр. приводит он то пресловутое открытие Каптерева, с которым этот последний носится «как известная домашняя птица», – рассказывает словами Каптерева, что «в 1029 году константинопольский патриарх, вместе с другими греческими епископами, требовал на соборе от яковитского патриарха Иоанна⁸ Абдона и его спутников, чтобы они крестились двумя перстами», повторяет сделанный отсюда Каптеревым вывод, что будто бы греки, при самом принятии русскими веры христианской, научили их знаменовать себя в крестном знамении двумя перстами, и вслед за сим прибавляет: «итак если и не содержатели двоеперстия, но сообщники изменникам оного дают такое о нем свидетельство, то за древнюю церковную всеобдержность двоеперстия не остается никакой тени сомнения. Ибо когда не свои, а чужие, со стороны врагов, свидетельствуют о истине, то свидетельства их достопиятнейша суть» (Толк. Еван, на Рож. Христ.). Другом раскольников г. Каптерев таким образом сделаться не успел; но зато, в качестве признаваемого ими (совсем несправедливо) врага, принес расколу тем большую пользу своей защитой древности двуперстия, якобы принятого нами от греков при самом крещении Руси, и своей совсем не «научной» бранью на православных «полемистов».

Итак в самое короткое время Швецов пустил на свет семь новых, только нам известных, сочинений, большей частью напечатанных в его подпольной типографии, – и сочинения эти, наполненные великими клеветами на церковь, распространяются в Москве, расходятся по всем раскольническим уголкам России. Если не положен будет конец этой наглой, противозаконной и в высшей степени вредной его деятельности, этой пропаганде раскола чрез распространение произведений подпольных раскольнических типографий, она

примет громадные размеры, и тогда уже поздно будет бороться с причиненным ею злом.

Скажем о течении и других прошлогодних дел у раскольников.

Наибольший интерес, особенно в глазах московских правителей раскола, возбуждает известная распря между Пафнутием Казанским и Паисием Саратовским. Мы говорили уже, что Духовный Совет, встревоженный угрозою Паисия переселиться в Москву, если Пафнуй не выедет из его епархии, послал этому последнему строгое предписание – оставить находящийся в епархии Паисия Черемшан, где он жительствует доселе. Пафнуй, как и следовало ожидать, не обратил никакого внимания на приказание Духовного Совета, и не думает расставаться с Черемшаном и его владетельницей. В свою очередь и Паисий не перестает грозить оставлением Саратовской епархии, если не будет удален из Черемшана Пафнуй. Чтобы выпутаться из затруднения, Шибаев и Перетрухин, недавние друзья Пафнутия, придумали для удаления этого последнего из Черемшана прибегнуть к пособию никонианской власти: они научают врагов Пафнутия дать хорошую взятку местной полиции, чтобы она выгнала силой старика Пафнутия с Черемшана. Примет ли на себя местная власть такое поручение, не известно; но то весьма интересно, что раскольники, когда им нужно расправиться с неугодными им епископами, не брезгают обращаться с доносами и с просьбами о насилии, к никонианским властям. Какую же несчастную, какую жалкую роль в руках раскольников играет эта власть! – Как низко думают о ней раскольники! Какие-нибудь Шибаевы и Перетрухины вполне уверены, что за деньги можно заставить ее делать что им угодно, – и прикрывать раскольников, и, когда нужно, преследовать! Об их намерении выгнать Пафнутия из Черемшана с помощью местной полиции известно многим из московских старообрядцев, и они сильно осуждают за это особенно Перетрухина (г. Шибаева должно быть бояться осуждать). Весть об этих замыслах дошла и до Пафнутия. Он, конечно, примет свои меры, и богатые покровители его не поскупятся со своей стороны также ублаготворять местную

власть. И останется таким образом только эта власть в барышах, а замыслы Шибаева и Перетрухина будут разрушены: Пафнутий по прежнему останется на Черемшане, а Паисий не оставит своего намерения выехать из Саратова в Москву. И так как одна мысль о том, что Паисий будет жить в Москве, не дает покоя Савватию, Петру Драгунову, Шибаеву, Перетрухину и прочим, то дело о распре между Пафнутием и Паисием остается по прежнему наиболее важным для московских раскольников.

Прибывший в Москву стародубский поп Ефим, жаждущий московского прихода, на этот раз, как мы говорили тоже, успел снискать себе расположение г. Шибаева и самого Петра Драгунова. Поэтому дело о назначении ему прихода в Москве готово было устроиться, — оставалось только испросить благословение от его местного епископа, Сильвестра Балтского. Чтобы лучше исхитить у Сильвестра это благословение, Ефим упросил съездить к нему самого Перетрухина. И Перетрухин ездил в Черниговские слободы к Сильвестру хлопотать за попа Ефима; но Сильвестр, как и прежде, не согласился отпустить Ефима в Москву. Перетрухин возвратился ни с чем. И пришлось полу Ефиму с большой неохотой выехать из Москвы обратно в стародубские слободы. Это случилось перед самым праздником Рождества Христова. Почему же Сильвестр не отпустил Ефима? Разве так дорожит им? И дорожит конечно, так как Ефим, хитрый и лукавый человек, все же выдается среди остальных раскольнических попов, отличающихся крайним невежеством: а больше уступил на этот раз, как надобно полагать, просьбам московских раскольнических попов, которые крайне не довольны были приездом Ефима и ожидающим переводом в его Москву, основательно опасаясь, что он отобьет у них много доходов, а потому и обратились к Сильвестру с просьбою — не пускать Ефима в Москву, так как и без него попов здесь слишком много и без нужды наставлено Савватием.

На праздник Рождества в Москву приезжал к здешним противокружникам их епископ Иосиф Нижегородский. Иосиф остается теперь единственным епископом у противокружников его партии; поставленный им другой лжеепископ Смарагд умер летом прошлого года. Есть у них правда еще епископ Симеон,

проживающий в Куреневском монастыре; но тот уже очень стар и болен, к тому же недавно принял схиму. Чтобы не остаться без епископа в случае смерти Иосифа, его сторонники хлопочут теперь, чтобы он поставил в преемники себе нового епископа, и ищут уже подходящего человека. Человек найдется конечно, и Иосиф не замедлит поставить его в епископы. Примириения двух противокружнических иерархий состояться по этому не может, тем более, что и противник Иосифа – лжеепископ Иов тоже приготовляется поставить у себя нового епископа на Черниговскую епархию; у него есть уже и человек для этого приготовленный, некий поп Григорий, – появление совершится в непродолжительном времени.

Кстати, – нам прислал недавно из Вятской губернии один наш корреспондент подлинное, собственной руки, письмо Иосифа к вятским противокружническим попам его партии. Письмо на большом листе почтовой бумаги, писано почерком бойким и довольно красивым, напоминающим почерк Антония Шутова, и хотя совсем безграмотно, без всякой орфографии (почти каждое слово Иосиф начинает прописной буквой), но складно и толково. Из всего этого видно, что Иосиф не чета Савватию, – из людей ловких и не глупых. Так как письмо это может служить свидетельством и документальным доказательством, к каким вымыслам и лжам прибегают раскольнические архиереи для удержания своих пасомых в расколе и для отвлечения их от собеседований с православными миссионерами, то мы считаем неизлишним привести его здесь вполне. Письмо писано еще в 1886 году, по следующему случаю. Иосиф поставил в попы некоего Самуила Наймушина. Но так как этот Самуил ранее поучился в школе о. протоиерея Кашменского, то и питал сомнения относительно раскола –, он задумал даже вместе с своими прихожанами перейти в церковь, и чтобы подготовить их к этому, начал приглашать православных миссионеров для собеседований о вере с противокружническими попами, смело рассчитывая, что попы осрамятся на этих беседах и народ увидит несостоятельность раскола. Эти замыслы Наймушина не удались. Потом он перешел к Савватию, который послал его в

попы к сибирским раскольникам. Извещенный об этом своими попами Иосиф и пишет им письмо в предостережение и от Наймушина и от православных миссионеров. Вот письмо его, которое на первых строках мы приводим, любопытства ради, с соблюдением орфографии подлинника:

«Честным отцем Александру Антиповичу И стефану Карповичу И лукияну Константиновичу И григорью Анисимовичу И со всеми Вашими Боголюбивыми общества Ми Мир Божий И благословение; И при Сем Проздровляю Вас Сосвятою текущею Пятидесятницею; И уведомляю Вас.

«Письмо ваше я получил и содержание оного видел. Вы пишите, что отец Самойла возмущает святую соборную и апостольскую церковь и простосердечные души христиан. Вы евтому не дивитесь; волку чего больше делать, точно стада Христова распужать. А Самойла покрывает своего внутреннего волка кожею овчою и пред овцами Христова стада показывает себя пастырем. А сам совершенный волк. И он в прошлую Макарьевскую ярманку присоединился к окружникам и в Москве у Савватия взял бумаги на руководство. И по своей бесстыдной наглости взялся у вас распужать стада Христова, как хищный волк. А что он возбуждает великороссийских вас вызывать и производить с вами беседы, это потому, что я получил из Петербурга письмо 26 числа сего месяца, пишут, что в Петербурге от окружников был послан Онисим Швецов п производил четыре беседы с профессарами единоверческой церкви, и Швецов признал единоверческую церковь истинною церковию и священство правильным. И после евтих бесед окружники которые присоединяются к единоверческой церкви. Потому и Самойла обязан признавать великороссийских священников за истинных пастырей. Вот он их и возбуждает вас беспокоить. И если может и опять вас будут (беспокоить), то вы требуйте обязательно указ Его Императорского Величества Государя, который издан во время коронации. В указе совершенно отказано старообрядцам производить публичные беседы и за что подвергаются суду, и вы можете вполне от бесед отказаться. А о Самойле я еще раньше писал отцу Лукьянну, чтобы объявить всем священникам, чтобы не имели

никакого общения с таким врагом и хищным волком... И затем призывал на всех вас благословение Господне всегда ныне и присно и во веки веком аминь. Смиреный Иосиф епископ Нижегородцкий. Апреля 27 дня 7394 года».

Если рассказы о петербургских беседах Швецова «с професарами единоверческой церкви» только курьезны, хотя и придуманы с целью повредить окружникам, то эта распространявшаяся раскольническим архиереем ложь, что во время коронации издан Высочайший указ, воспрещающий старообрядцам вступать в беседы с православными, достойна внимания. Вот, к каким бессовестным вымыслам прибегают эти раскольнические владыки, чтобы отвлечь старообрядцев от опасных для раскола бесед с православными миссионерами! Как жалки старообрядцы, окормляемые такими пастырями, и как блаженны те из них, которые, уразумев ложу раскола, бросили их водительство! В конце прошлого года мы говорили об одном из таких, освободившемся из-под власти подобного Иосифу клеветника на церковь – Силуана, именующегося епископом Кавказским, – о Т. И. Касилове. От него мы получили описание его присоединения к церкви, которое считаем неизлишним привести здесь.

«Родился я (пишет Т. И. Касилов) в 1856 году, в посаде Воронке, Черниговской губернии, в то время населенном исключительно раскольниками-беглопоповцами, к числу коих принадлежало тогда и наше семейство. В Воронке беглого попа не было, и меня погружал (крестил) стариk, нарочно назначенный исправлять требы для раскольников посада Воронка. На третьем году от моего рождения, отец наш увез семейство в землю войска Донского и поселился сначала на реке Доброй, а потом через несколько лет переехал на реку Чир. Местность эта заселена казаками, раскольниками разных сект: среди этих-то сектантов я и провел свое детство до 10-летнего возраста. Потом в 1866 году отец переехал с нами на жительство в Черноморскую область, где прожили мы до 1868 года, а в этом году уехали в Кубанскую область. Здесь проживали в нескольких станицах; а в 1871 году навсегда поселились в ст. Белореченской. В это время мне было уже 14

лет. Грамоте, читать и писать, я был обучен матерью, и не дурно по старообрядчески; изредка бывал в часовне ст. Ханской, в которой служил поп, поставленный лжеепископом Кавказским Иовом, из казаков ст. Ханской, — он крестил меня вновь и помазал стоим мнимым миром. Родившись и живя до 20-летнего возраста в раскольническом семействе и среди раскольников разных сект, о православной церкви я имел понятие обще-раскольническое, т.-е. считал ее еретическою, а принадлежащих к оной погибшими.

«В 1876 году я поступил на военную службу, в которой прослужил четыре года. В течение этого времени находился 9 месяцев в бригадной учебной команде, где хотя и преподавали (в классе) Закон Божий, но различия между религиями не объяснялось никогда; а так как в настоящее время в войсках существует веротерпимость, то каждый и держался собственного убеждения, — той веры, в какой родился и воспитан. И я воротился со службы раскольником.

«В 1880 году я отчислен в запас армии, прибыл на Кавказ к родителям и через год женился, — взял жену из раскола австрийского лжесвященства: сочетал нас браком тот же раскольнический лжеиерей Пахомий (в ст. Ханской), который и крестил меня. В 1882 году я отошел от родителей и открыл торговлю в ст. Гиагинской, где жил и вел торговлю мой старший брат Ф. И. Касилов. В 1883 году умер Пахомий, и на место его в попы ст. Ханской новый Кавказский лжеепископ Силуан прислал крестьянина Екатеринославской губернии, села Городища, И. Зуева. Этому-то лжепопу несколькими лицами из старообрядцев было подано послание, коим требовалось доказать правоту Австрийского лжесвященства. Зуев передал послание мне, и я выступил в качестве защитника раскола, начал переписку сначала с подателями послания, потом со священником станицы Ханской о. Евгением Соколовым (Подробнее об этом говорится в моей статье, напечатанной в журнал «Братское Слово», за 1889 год т. II, стр. 136—151). Но потом, из защитника раскола волею Божией я сделался защитником православной церкви и словесно, в беседах с старообрядцами, и печатно в ведомостях и журналах. Наконец

21 ноября сего 1889 года совсем разорвал узы связующие меня с расколом. Вот подробности моего присоединения к православной церкви.

«Томясь душевно своим пребыванием в расколе, я долго былдержан от присоединения к церкви мыслью, что нанесу этим удар родителям, которые занимают не последнее место между старообрядцами. В феврале месяце настоящего года я приезжал в Москву, где думал покончить счеты с расколом; но и там не мог победить этой мысли, так что возвратился домой по прежнему раскольником. По возвращении из Москвы еще семь месяцев провел я в тяжких колебаниях; но потом, 13 ноября, в бытность свою в г. Майкопе, зашел к о. протоиерею Евгению Соколову, всегдашнему моему благодетельному собеседнику, и объявил ему о моем намерении оставить раскол. О. Евгений посоветовал мне приехать 21 ноября в Майкоп для совершения присоединения. Возвратившись из Майкопа, я долго не решался объявить родителям о своем окончательном намерении оставить раскол; но наконец 19 ноября, все-таки не решаясь лично объясниться с ними, написал им письмо, в котором ясно изложил причины, побудившие меня выйти из среды старообрядчества, и объявил, что намерен присоединиться к церкви 21 числа. Накануне этого дня пришла ко мне в дом моя мать и мы с ней беседовали весьма много. Она разумеется, не советовала мне оставлять старообрядчество, и даже поносила дерзко православие, обвиняя при этом патриарха Никона; видя же, что нельзя более удержать меня в расколе, даже несколько прослезилась. Я сказал ей: «напрасно вы так беспокоитесь обо мне; я поступаю весьма осмотрительно, по истинному убеждению в правоте греко-российской православной церкви, и буду по присоединении молить Бога, дабы и вас избавил от заблуждения и сподобил быть членами св. соборной апост. церкви». На эти мои слова мать, махнув рукой, сказала: «Бог с тобой! На кого была надежда, и тот оставляет и порочит нас»! А к жене моей обращаясь, сказала: «и в прежние времена было так: жена верная, а муж неверный; ты не унывай». Итак, по словам матери, присоединясь к православной церкви, я оказываюсь «неверным»! О, заблуждение! Господи, просвети

сердце моих присных, да познают они истинный путь ко спасению!

«20 ноября, я отправился в Майкоп. По дороге заехал к о. диакону единоверческой церкви ст. Ханской Алексию Ивлеву, и он показал мне записку от о. протоиерея Евгения Соколова, которому тот приглашал о. диакона прибыть на 21-е число в Майкоп для сослужения с ним по случаю моего присоединения. Я весьма был рад такому распоряжению о. протоиерея, – пригласил о. диакона ехать со мною, и мы продолжали путь вдвоем, напутствуемые добрыми пожеланиями и благословением единоверческого священника о. Дометиана Ивлева.

«По приезде в г. Майкоп, мы явились к о. протоиерею за распоряжениями. В это время начали в соборе благовестить к вечерни, и о. протоиерей приказал нам идти в церковь. По окончании вечерни он сам исповедывал меня и приказал, чтобы я, вместе с о. диаконом, исполнил приготовление ко святому причащению. Всенощное бдение мы слушали в новом, еще не оконченном соборе (служат в настоящее время в приделе, ибо главный иконостас не окончен), а чин присоединения моего к церкви о. протоиерей назначил совершить в старом Александро-Невском соборе, в котором он должен был служить литургию.

«По приходе моем в собор я поставлен был в приделе. По совершении проскомидии о. протоиерей вышел в полном облачении, и начал чиноприятие по положенному уставу. Когда потом он ввел меня в собор к аналогию, который стоял перед амвоном, то тысячи глаз обратились на меня, желая посмотреть небывалое в Александро-Невском соборе действие присоединения раскольника к православной церкви. По окончании чина присоединения о. протоиерей взошел на амвон, и обратясь к народу, сказал весьма поучительную речь, в которой изобразил пагубность отделения от православной церкви; в заключение упомянув о присоединившихся на правилах единоверия в соседней с городом станице Ханской раскольниках, он сказал, что в этой станице имеется единоверческий причт и временная церковь, находящаяся в

наемном доме, что епархиальное начальство разрешило постройку дома, в котором впредь, до устроения настоящей церкви, должна находиться временная единоверческая церковь, и обратился к народу с следующими словами: «Православные прихожане храма сего! принесите вы вашу лепту на построение единоверческой церкви, в которой, быть может, Бог благоволит не одному из наших заблудших братий присоединиться к общей матери нашей святой православной кафолической восточной церкви! Помните: аще кто и единого возвратит от пути заблуждения, много покроет грехов своих». После такой умилительной речи о. протоиерея, прихожане Александро-Невского собора пожертвовали на имеющую строиться единоверческую церковь в станице Ханской более 15 руб. сер., и я был очень утешен, что виною этого доброго дела было мое присоединение к святой церкви. Праздник 21 ноября, Введение во храм Пресвятой Богородицы, будет для меня памятен навсегда.

«Итак остается только мне благодарить Господа Бога, даровавшего мне силы побороть раскольническое заблуждение. Ибо, родившись и воспитавшись в среде раскола, трудно оставить то, с чем сжился и что обратилось в привычку, и потребна для сего особенная помощь благодати Божией.

«И потому от всего сердца моего благодарю Господа Создателя моего, что не оставил меня своею милостию и возвратил от пути заблуждения к познанию истины. Еще же молю Его, да вразумит и моих собратий старообрядцев и особенно присных – познать созданную Им святую соборную и апостольскую церковь».

2. История с попом Июдой.– Грамота к Июде противуокружнического лжеепископа Иова. – Негодование, возбужденное этой грамотой среди окружников.– Разбор ее, составленный Перетрухиным

Передадим еще одно из прошлогодних событий в расколе, с особенной ясностью разоблачающее взаимные отношения двух партий в Австрийщине, – окружников и противуокружников, и хорошо знакомящее нас с характером и качествами раскольнических ложных попов и архиереев.

Среди великого множества этих раскольнических мнимых попов, которых наплодили разные Савватии, мнимые архиереи раскольников, и распустили по всему лицу обширной русской земли заражать ее ядом раскола, есть некий поп Иуда, и Июда, как зовут его раскольники. В попы его поставил Савватий, и дал ему приход в деревне Яичковой (Сычевского уезда, Смоленской губ.). Июда – настоящий раскольнический поп, из-за дохода готовый идти куда угодно и делать что угодно, к тому же и крайний невежда, как все раскольнические попы. Между прочим он нимало не стесняясь, за деньги, венчал браки в близких степенях родства между женихом и невестой. Таким явным нарушением правил возмутился наконец один из местных раскольников, сычевский купец Сорокин, попечитель раскольнической церкви в деревне Малые Липки, и послал жалобу на попа Июду в Духовный Совет. Совет всегда внимательно принимает купеческие жалобы. И по жалобе Сорокина Совет определил немедленно произвести следствие, назначив следователями двух московских попов, Константина и Алексея. Следователи донесли Совету, что извет Сорокина правilen, что поп Июда действительно венчает браки в недозволенных степенях родства. Вызвали в Москву, на суд, самого попа Июду. Он сознался, что по неведению повенчал

один такой брак. За это Совет подверг его запрещению от священнослужения. Суд состоялся 4-го сентября прошлого 1889 года. Июда возвратился крайне оскорбленный таким судом и в отмщение Савватию с его Духовным Советом задумал перейти к противокружникам партии Иова московского. У него перед глазами был пример такого перехода, исполненного весьма удачно: в той же местности окружнический поп Ефим, недовольный порядками, или вернее беспорядками в ведении церковных дел у окружников, перешел со всем своим приходом под власть Иова, в ведении которого состоит и доселе. Переходу местных раскольников в неокружники способствовало особенно распространявшееся тогда между окружниками учение о присутствии благодати в церкви греко-российской, чем и пользовались неокружнические проповедники, чтобы выставить окружников зараженными никонианством. И между прихожанами Июды были недовольные таким учением окружников. Этим воспользовался Июда, и уговорил нескольких прихожан своих перейти под паству противокружнического епископа Иова. Он отправился в Москву вместе с доверенными от своих прихожан, Григорием Смирновым и Василием Акинишиным, и подал Иову прошение о принятии его с приходом в число своих пасомых. Иов, конечно, был весьма рад такому приобретению, и 12-го октября выдал Июде грамоту, которою благословлял его «быть пархиальным пастырем и исправлять все духовные требы попрежнему в той же деревне Яичкиной», а от запрещения, наложенного Савватием и Духовным Советом, разрешал, вменяя это запрещение ни во что, при чем и самый Духовный Совет окружников назвал мерзостью запустения. Между тем и враг Июды, купец Сорокин, не бездействовал: в его отсутствие он успел убедить его прихожан, чтобы оставили намерение перейти в неокружники, так что, когда Июда возвратился с грамотою Иова и открыл службу, никто за службу к нему ходить не стал. Увидев, что затея его не удалась, что остался без прихода и дохода, Июда не задумался бросить Иова и искать милости опять у Савватия. Отправился с повинной в Москву, и здесь, как пришедшего от неокружников, его уже приняли благосклоннее прежнего, простили все вины и восстановили в

прежних правах «прахиального пастыря». В благодарность за это, Июда передал Духовному Совету и полученную от Иова грамоту. Грамота, наполненная резкими замечаниями против окружников и Духовного Совета, до крайности уязвила этот якобы Духовный Совет и его секретаря Перетрухина. Совет даже поручил Перетрухину написать замечания на грамоту Иова, что и было исполнено Перетрухиным, как видно, с особенным усердием. Мы имеем список этого нового перетрухинского произведения и печатаем его вполне, как любопытный документ, особенно ярко изображающий непримиримую рознь между двумя отраслями, на которые разделилась новоизмышленная раскольническая иерархия, именуемая Австрийскою, или Белоクリницею: пусть видят читатели, и православные и старообрядцы, как члены этой иерархии поносят друг друга, – противокружник Иов величает Духовный Совет окружников мерзостию запустения, а мнимый окружник Савватий с Духовным Советом, устами своего Перетрухина, называет самого Иова мерзостию, и все общество противокружников – бесовским собранием...

Мы не станем подробно разбирать грамоту Иова и перетрухинские на нее замечания: читатели сами оценят их по достоинству. Ограничимся несколькими словами.

Нельзя не согласиться, что грамота Иова, составленная одним из приближенных к нему лиц, написана искусно, с знанием слабых сторон в учении и управлении именуемых окружников; совсем не таковы широковещательные замечания лукавого защитника окружнической партии, – они отличаются только высокомерным, презрительным тоном и неудачными притязаниями на остроумие. Подражая автору «Жезла Правления», или вернее автору «Окружного Послания», Перетрухин каждое замечание начинает каким-нибудь текстом из священного писания, или отеческим изречением, или сравнением, применяя их к своему противнику; но при полном отсутствии талантливости Полоцкого, или даже Ксеноса, и при значительной малограмотности, у г. Перетрухина эти приемы его оказываются жалкими и смешными. А самый главный недостаток его замечаний состоит в том, что здесь он

становится в противоречие с самим собою,— противоречит им же сказанному в других сочинениях, и что заведомо говорит неправду.

В грамоте Иова, составитель ее, очевидно, знакомый хорошо с возникающими у окружников разными мнениями, обвиняет их в признании у еретиков 2-го и 3-го чина благодати Святого Духа. Перетрухин, не вход в подробные объяснения, замечает только, что Иов говорит неправду, напрасно взводит на окружников такое обвинение. Но сам же Перетрухин писал в своем «Мече», что епископы грекороссийской церкви, от которой приходящих и окружники принимают как еретиков второго чина, имеют рукоположение преемственное от самого Христа, т.-е. благодатное, и что будто бы «святые отцы на соборах не отрицали у еретиков второго и третьего чина, присутствия преемственной хиротонии и прочих благодатных даров Святого Духа» («Меч», л. 128). Итак Перетрухин, говоря об одном и том же предмете, противоречит себе,— в «Мече» своем говорит одно, а в замечаниях на грамоту Иова — другое, и несправедливо обвиняет Иова в том, что будто бы он напрасно упрекает окружников в признании благодати Святого Духа у еретиков второго и третьего чина.

Особенно резко Иов обличает Духовный Совет окружников за участие в нем мирских лиц. На этот пункт в грамоте Иова Перетрухин отвечает с особенным старанием, желая, очевидно, подслужиться господствующим в Совете светским лицам, г-ну Шибаеву с товарищи. Он ссылается на то, что даже на вселенских соборах участвовали сенаторы, как будто есть что-нибудь общего между сенаторами и разными Новиковыми и Шибаевыми! А затем он говорит уже совершенную ложь, что будто бы в Духовном Совете без воли Савватия мирские члены не дерзают произносить суждения. Кому же неизвестно, что Савватий есть послушное орудие в руках Шибаева и Арсентия Морозова? Мы напомним г. Перетрухину, что писали сами старообрядцы-окружники, так именуемые братчики, к своему же попу Иоаннику. «Святительская власть,— писали они,— в московской епархии бессильна, потому порабощена властию мирского произвола. А взгляните, какие лица есть в числе

поработителей, – такие, о которых срамно есть и глаголати, о чем и его святительство не только знает, но, думается, не один раз под их кровлей с ними вел компанию в день именин этого поработителя... Чем бы давать таковым лицам распоряжаться властию священноначальника, играть архиепископом и московским духовенством, как детской игрушкой, не лучше ли бы взяться архиепископу за дарованную ему власть св. церкви и стряхнуть с себя тяжелое и постыдное иго поработительских рук». «Братчики» на этот раз писала правду; а г. Перетрухин, в угоду г-дам Шибаевым и Морозовым, стараясь обличать Иова в неправде, сам сказал очевидную ложь, что будто бы мирские лица в Духовном Совете без владыки Савватия не дерзают произнести суждения по церковным делам...

Но вот произведение Перетрухина в полном его виде.

Критический разбор письма раздорнического епископа Иова Московского, выданного им священнику деревни Яичкино, Смоленской губернии, Июде Трифоновичу Строгонову.

Письмо епископа Иова.

Г. И. Х. С. Б. п. н.

От Московского епископа Иова священноиерею Июде Трифоновичу Строгонову объявление.

Как вы лично, а равно и ваше общество поданным прошением через доверенных, Григория Смирнова и Василия Акинишина, изъявили согласие быть в нашем подчинении и присоединиться к св. древлеправославной Христовой церкви, конечно, соблазнившись новшествами окружнических, а в особенности чрез признание вне церкви, то-есть у еретиков 2 и 3 чина, благодать Св. Духа.

Замечание (окружников).

«Язык лжив ненавидит истины: уста же непокровена творят нестроение» (Прит. Сол. гл. 26, стр. 28). Из чего заимствовал епископ Иов, что будто бы поп Иуда и депутаты соблазнились якобы окружническими новшествами а в особенности проповеданием благодати Св. Духа у еретиков 2 и 3 чина? И когда именно им об этом заявляли пришедшие для соединения с ним? Не явно ли здесь видится, что епископ Иов несправедливо написал в своей грамоте; ибо депутатов от

общества, посылаемых к епископу Иову никогда не было, о чём нам лично говорили жители того места Ермолай Иванович, Клим Анисимович и Афанасий Тимофеевич московскому Савватию; и священник Июда никогда не соблазнялся Окружным Посланием, но единственно прибег лжеговением к епископу Иову, избегая от церковного суда, о чём и послушание его показало: так как по приезде от епископа Иова священника Иуды во свою местность, тамошнее общество, как только увидело, что грамота у него не от архиепископа Савватия, то и никто из сынов истинной церкви Христовой не принял его; почему священник Июда 20 октября прибыл в Москву к архиепископу Савватию с одним депутатом Ермолаем Ивановым от общества и просил архиепископа со слезами простить ему грех отпадения под власть раздорнического епископа Иова. И грамоту, данную Иовом, отдал архиепископу. Из этого достаточно видно, что поп Июда никогда не соблазнялся окружническими новшествами и прочим. Зачем же было лгать епископу Иову в своем объявлении? Или сего он не знает: яко всяка ложь есть от диавола. Да и к чему же Иов упомянул об окружнических новшествах, а в особенности за признание благодати Св. Духа у еретиков 2 и 3 чина? Поелику он не указал в Окружном Послании никаких новшеств. Не показавши же законных причин к отпадению, они не имели права отторгать от своего митрополита по 13 и 14 правилу перво-второго собора, бывшего в церкви св. Апостол. Да к чему же епископ Иов упрекает, яко бы наша св. древлеправославная церковь признает вне церкви у еретиков 2 и 3 чина благодать Св. Духа? Может быть он нас в том зазирает, как мы, а равно и наши предки, не отвергали хиротонию и крещение от приходящих к нам еретиков 2 и 3 чана? То в этом он должен винить не нас, но все семь вселенских соборов и учителей церкви Христовой? Да при том же, вспомнил бы составитель того письма, что их раздорническое общество признает господствующую церковь под именем Иисус верующую во иного бога антихриста, а между тем от таковых имеют происшедшее епископство и священство. Пусть о этом нам докажут, что святые правила повелевають не второкрещать и не пересвящать

приходящих к церкви от тех еретиков, которые веруют в антихриста, Да и могут ли быть у верующих в антихриста епископы и св. крещение во имя Св. Троицы?

Продолжение из письма епископа Иова.

А посему мы, видя ваше чистосердечное желание и раскаяние, не можем вам отказать от приятия к церкви согласно 52 правила св. Апостол, а благорассудили быть вам также парахиальным пастырем, как и у окружников, и исправлять все духовные требы попрежнему в той же деревне Яичкиной; а поэтому данною мне благодатию от Святого и Животворящего Духа, разрешаю и благословляю тебя на всякое священнодействие.

Замечание.

В книге большом Катихизисе во главе 25, л. 122 на обор, пишется: «Соборища же бесовского блюдися, зане и собрание нечестивых обычъе такожде нарицатися церковио Божио, но ты виждь и бегай от бесовского Вавилона, сиречь от сонма злых и нечестивых людей, и приимет тя Господь Бог». От сего ясно видно, что и общество злобных людей также называется церковио, но христианам подобает бегати таковых яко бесовского Вавилона. Сему, как я полагаю, что неминуемо подвергается общество раздорников, потому что у них епископы запрещенные сами от всякого священнодействия, как их родоначальник Антоний от собора епископов, так и Иов запрещен от епископа Иосифа, и прочие, и таковые-то, прияв во свое общество запрещенного священника Иуду, за что они подлежат осуждению следующих правил: «не приобщенному приобщался и сам не приобщен» (9 прав. Карфаг. соб.). То же заповедует и 11 правило Карфаг. соб. 6 Антиох. 15 Сардик. соборов. Отселе каждому становится ясно, что епископ Иов не может со своими последователями нарицатися церковио соборною и апостольскою, но сонмом злых и нечестивых людей, как сказано в большом Катихизисе.

Продолжение из письма Иова.

А что касается, так называемый окружнический Духовный Совет, состоящий более из мирских, вас, запретил священнодействовать, основываясь на доношении какого-то

Николая Сорокина, который согласно 6 прав. втор. всел. соб. 21 чет. всел. соб. и 128 Карф. соб., как светским правительством розгами быв наказан, а равно и самим Савватием от окружников быв отлучен; и как не оправдавшись от всего этого не может быть принятым за достоверного послуха и свидетеля на презвитера и епископов.

Замечание.

«Иже утверждается на лжах, сей пасет ветры» (Прит. Солом, гл. 9). Пророк уподобляет тех людей совершенно глупым, которые основываются на лжах, они подобны тем людям, которые пасут ветры. Спрашивается, на каком основании епископ Иов высказал в своем определении, что господин Сорокин был отречен от церкви архиепископом Савватием? Значит, он этим оклеветал человека совершенно напрасно. За оклеветание же духовные лица подлагаются сицевому осуждению «благоговейные же презвитеры и диаконы, аще обрящутся о вине, еже есть о имени должно свидетельствовавше, довлеет им в муки место три лета отлученном быти божественные службы, и в монастыри преданным быти. Аще же о греховных винах должно свидетельство рекут, первое причта обнаженным бывшим, законными муками казнити повелевают, прочие же, иже в иных церковных чинах суть, аще должно свидетельство нанесут, в коей-либо вещи, или во именной, или в греховной, рекше, обличены будут не токмо от притча и от церковного чина изврещи, но и муками казнити повелевает» (Кормч. л. 324, гл. 42). Вот какому осуждению удостоился епископ Иов за оклеветание Сорокина. Поелику он, Сорокин, архиепископом Савватием отлучен от церкви никогда не был. Что же касательно до гражданского над ним суда, то сего нам неизвестно, был ли он судим когда, или нет, да и надобности нам нет о этом знать, потому что очень хорошо известно, что господин Сорокин состоит церковноприходским попечителем молитвенного храма в деревне Липках, который только донес и выяснил причины за священником Июдою, а доказывали при следствии о каждом предмете прихожане – христиане той

местности. Значит, основались не на одних показаниях Сорокина, но от достоверных послухов уверились.

Продолжение из письма.

Да при оном и совет, устроенный из мирских, как явное богопротивное дело, которые судьями быть святителем не могут, что видно из Номоканона, где о святительском суде, на л. 179 так сказано: «яко не подобает князем и боляром и всяким мирским судиям священнического и иноческого чина на суд привлачити, ниже таковым судити». (Ниже лист 180) «Божественные писания и священные правила и законы не позволяют мирским судиям судить священников и прочих причетников и иноков». (Ниже лист 184) «Аще кто от них же не верует быти сему и безстуж сей от сих вечным да держим будет осуждением и вечным мукам повинен будет, а в преисподнем аде мучен будет, и да исчезнет со диаволом и со всеми нечестивыми». А св. Афанасий Александрийский тако вещает: «сия истинная есть мерзость запустения, якоже есть у Даниила, егда властелин мирской епископским судом предсудит» (Бар. л. Госп. 355. ч. 2)

Замечание.

Благо есть ревновати по Бозе, но с разумом: инако бо жезлом платима ревность. Ревнует епископ Иов, но безумне: ибо не видя, и не постигая силы и разума словес, написанных в книге Чиновник о святительском суде, того ради и устремився поразить св. соборную и апостольскую церковь за устройство Духовного Совета с присутствием мирских лиц. Но дабы нам не затруднить читателя мы вкратце скажем епископу Иову, что в Номоканоне сего правила не обретается, еже бы воспрещалось где-либо мирянам участвовать при архиерейских или иерейских суждениях, исключая токмо секретных предметов, бываемых сообщенных на духу. Что же касательно приведено здесь из Чиновника о святительском суде, то этим запрещается мирским судиям творити то, что прежде бывали такие случаи, как например епископ, или презвитер, или диакон, или мних сотворит какой-либо грех, блуд, убийство или воровство. И вот за такие то вины гражданская власть подвергала их ответственности согласно гражданским законам, якоже видим в

65 гл. в кн. Стоглав следующее: «А се что судят миряне попов и казнят их и осуждают. Се аз Киприан митрополит Киевский и всея Руси, что есть слышал яже во Пскове миряне судят попов и казнят их в церковных вещах. Ино то есть кроме христианского закона, не годится мирянам попа ни судити, ни казнити, ни осудите его, ни слова на него не молвити, но кто их ставит святитель, тот их судит и казнит и учит» (стр. 289). И паки: «Епископом, презвитером и диаконом не подабает отрицатися церковного судища, аще кто от них оклеветаем о грехе церковный оставит суд и ко градским приступит судиям и пред теми исповест и судится» (там же гл. 56). От сего очень ясно видно, что иногда даже и сами епископы оставляли церковный суд, и прибегали под защиту гражданских судей, что строго воспрещалось канонами св. церкви, или бывали иногда между епископами какие-либо препирательства, и им надлежало бы судиться от собора епископов, но они оставляли соборный суд над собою, и обращались к царям или князьям, или к судиям мира сего и от них принимали суд, как это говорится в том же Стоглаве в гл. 55 от 9 прав. Халкид. соб.: «аще о чем прятся причетники, да не приходят к мирским судиям, но к своему епископу». Вот каковое запрещение полагалось в священных правилах о святительских судах, таковое же точно высказано мнение и в Баронии, от слов св. Афанасия Александрийского, иже мирские судьи осуждали клириков помимо церковного суда. А еже при судах и рассуждениях епископских, мирские люди, или князья, или граждане могут участвовать, то я в этом постараюсь доказать в нижеследующем. В книге Кормчий видим, когда собор епископов рассуждал относительно незаконных браков, то на оном соборе присутствовали следующие лица: «сидяще на первом месте патриарху Николаю, святейшему и вселенскому в Фоманте, соседяще сенатором благородным и гражданским судиям (имя рек), благочестивым митрополитом (имя рек)» (Кор. гл. 51). Не точию граждане участвовали в одних рассуждениях по церковным делам, но даже в суде соборном над епископами, как это происходило на четвертом вселенском соборе, еже показуется нижеследующим, деяние двенадцатое

Халкидонского собора: «в третий день ноябрьских календ, в то же консульство, в той же святейшей церкви, когда заседали прежде означенные знатнейшие и славнейшие сановники и тот же св. и вселенский собор, славнейшие сановники сказали: необходимая забота об общественных делах государства оставлена, потому что Высочайшею властию нам повелено на св. соборе постоянно заниматься верою... Заботясь о скорейшем решении вопросов, просим св. собор прежде всего сказать, придумал ли он, что лучшее о святейшей церкви Ефесской, иного ли нужно рукоположить ей епископа, почтеннейшему ли Вассиану снова принять епископство, или почтеннейшему Стефану быть епископом» (стр. 120). Когда же по многом рассуждении собора о этих упоминаемых епископах, кому из них именно определить владение Ефесской церкви, то сановники сказали: «так как на неоднократные наши просьбы и требования произвести мнения об епископстве святейшей церкви

Ефесской, решительного ответа от всех не дано, то пусть вынесено будет на средину святое и честное Евангелие ». После того, как св. Евангелие вынесено было, славнейшие сановники сказали: «мы снова предлагаем св. собору подобную просьбу пред лицем достопокланяемого Евангелия, п просим вас не оскорбить ни кого-либо из двоих, если кто из них достоин опять получить епископство на упомянутую церковь; если тот и другой недостоин, то поставить определение, угодное Богу и достойное, приличное и полезное этой святейшей церкви» (стр. 120). По окончании суждения собора епископов по этому предмету, те сановники сказали: «святому собору угодно рассуждение боголюбезнейшего архиепископа Анатolia и боголюбезнейшего епископа Посхозина, занимающего место римского апостольского престола, выраждающее, что оба как поставленные вопреки канонам должны быть устраниены, и должен быть рукоположен другой; упомянутые будут иметь епископское достоинство и получать содержание от св. церкви Ефесской. Св собор воскликнул: это рассуждение благочестиво; оно согласно с канонами». Из этого видно, что и на вселенских соборах участвовали граждане, подавали свой голос в

суждении церковных дел вместе с епископами, но само собой видно, что епископ Иов не понимает смысла священных правил, которые привел к осуждению Московского Духовного Совета, пусть уже он осудит и четвертый вселенский собор, на котором также присутствовали мирские судьи. И неужели они за это также уподобились мерзости запустения? Вот до чего довело неведение и грубость раздорнического общества, они не устыдились осудить и всю вселенскую Христову церковь, что в оной участвовали в судах церковных иногда и граждане.

Продолжение из письма.

Согласно сему видится, где мерзость запустения, тамо не может быть свято, и ожидать оттуда истинного или справедливого было бы несправедливо и даже нечестиво по реченному: идеже бывает света лишение, тамо тьме пришествие.

В заключение сего благодать Господа нашего Иисуса Христа и наше архипастырское прощение мир и благословение да пребудет на вас с паствою присно, аминь.

Дано в царствующем граде Москве, и в удостоверение прилагается святительская печать, в лето от сотворения мира 7397, месяца октября в 12 день. Смиренный Иов епископ Московский.

Замечание.

Здравое сырище всякую пищу добре варит, и пользу деет плоти, немощное паки и здравотворными ядьми повреждается, не могуще их сварити; тако и ум благоразумный всякое писание душеполезно читая благопользуется, ум же неискусный и в душеполезных вред себе обретает, не мгий добре тонко писание рассудити. Сице неискусный и развращенный ум епископа Иова, который не понимая смысл изложенных правил о святительском суде, то и дерзнул Московский Духовный Совет порицати мерзостию запустения за то, что в оном иногда при рассуждениях церковных дел участвуют граждане, ибо участвующие граждане в Духовном Совете не дерзают кроме святительской воли епископов и иереев судити, но якоже и на четвертом вселенском соборе граждане творили, мнение свое высказывали пред собором, и правильного определения

требовали, так точно и в Духовном Совете творится, токмо мнение и совет верховному святителю предлагается, суд же и решение всех духовных дел самим архиепископом учиняется, коему согласию соучаствуют и честные презвитеры, еже собором епископов на то уполномоченные. Ибо св. Златоуст в совещаниях о благе церкви такой дает совет: «послушай, как иногда Апостолы к участию в своих распоряжениях допускали подчиненных, ибо когда они поставили семь диаконов, сообщили о сем прежде народу. Когда Петр избрал Матфея, предложил о этом всем тогда с ними бывшим мужам и женам. В церкви не имеют места ни высокомерие начальствующих, ни раболепство подчиненных».

Из всего вышесказанного нами видится, что утверждение старообрядческого Московского Духовного Совета собором боголюбивых епископов, с участием граждан, не есть богопротивное учреждение и не есть мерзость запустения, стоящая на месте святе, якоже пишет раздорнический епископ Иов, но есть учреждение законное и святое, понеже церковь совокупно духовенство с мирскими связует, единомыслие и мир церковный тем утверждается, и вся полезная о святей церкви промышляется. Ибо, по сказанию св. Киприана Карфагенского, ясно зрится, что народ христианский иногда настолько может входить в дела церковные, что неудобных клириков может окончательно из церкви изгоняти, слыши что глаголет: «Итак народ повинующийся

Божественным заповедям и боящийся Бога, должен отделиться от грешника предстоятеля и не участвовать в жертвоприношениях святотатственного священника, тем более, что он имеет власть избирать священников достойных и низлагать недостойных» (стр. 369, 56-е письмо к клиру и народу испанскому). Из практики нашей святой древлеправославной церкви видно, что приходившие к нам священники от господствующей церкви, которые иногда оказывались не совсем удобны в причте служения, тогда таковые советом христиан и церковных попечителей, с согласия духовных отцов, неудобных клириков отстраняли от службы; и неужели все это было

богопротивное действие ваших предков? Вот до чего довели неискусность и гордость раздоротворцев епископа Иова.

Заключение.

В св. писании пишется: «но аще не вемы составити оружие и оборужити добре рати им, оружие имать свою крепость, приемлющему же, ничто же пользовати могут. Положим убо быти броня крепки, и щит, и шлем, и копие, таж да приимет кто оружие се и бронями убо обвием нозе, и шлем вместо главы на лице, щит еже и пред собою держати, но да любопрется, привеситп его к ногам, убо может ли что оружием сим пользовати, а не повредитися; всякому яве есть, яко повредитися; но обаче не от немощи оружия, но от неискусства неведящаго се содержати добре» (Ник. Черног., л. 14). Сему изречению уподобился епископ Иов, придумал обличить в неправильности Московский Духовный Совет за участие в нем граждан, и уготовал оружие свое против себя, ибо бронями ноги себе связал, и священные правила втуне изготовил, также на свою главу, нарек мерзостию и запустением Духовный Совет, но неправильно, ибо мерзость запустения по сказанию св. Феофилакта сице изображена есть: «может же ся разумети и по обычаю, мерзость бо запустения есть всяко разумение сатанинско, стояй на месте святе, нашем разуме; темже тогда сущий в Иудеи, да бегают на горняя, сиречь, исповедаяся да восходит на горы добродетелей» (от Марка, лист 80, в Благов. Еванг.).

От сего показуется, что за отделение от св. соборной и апостольской церкви прежнего их родоначальника изверженного Антония и от него происшедших епископов, от нихже есть: Иов, Кирилл, Пафнутий – воистину есть мерзость запустения, стояще на месте святе за развращенное их ложное толкование и за хулу на св. соборную и апостольскую древлеправославную церковь, и проч... ибо о таковых раздорниках и прежде писал св. Киприан Карфагенский следующее: «и аще Господь во Евангелии своем делает следующее постановление: аще же и церковь преслушает, тебе буди, якоже язычник и мытарь (Матф.). Если же те, которые не слушают церкви, почитаются язычниками и мытарями, то гораздо более должно считать

между язычниками и мытарями возмутителей и врагов, выдумывающих ложные алтари, недозволенное священство, святотатственные жертвы и обольстительные названия, когда по приговору Господа нужно судить, как о язычниках и мытарях, о тех, которые менее согрешают и только не слушают церкви» (св. Кипр., письмо к Магну 62, стр. 312). От кого получили раздорники дозволение составлять различные собрания и устраивать епископские кафедры, когда их родоначальник Антоний извержен от епископского сана? И какую вину они показали за митрополитом Белокриницким и прочими епископами? и чего ради отделились от единства церковного и доселе пребывая нераскаянно в таковом гнусном разделении? пусть покажут и оправдят свое положение, воистину плачу достойное и погибельное⁴.

Москва, 1689 г. 14 ноября.

3. Публичная беседа противокружников и окружников в гуслицкой деревне Мисцево – Повод к составлению беседы – Поражение на ней Перетрухина. – Несколько слов по поводу этой беседы. – Описание её, составленное старообрядцем

И опять приходится говорить о вражде между окружниками и противокружниками, снова обостряющейся, к прискорбию ревнителей Австрийской ложной иерархии и к вящему обличению ее лживости и неправды всего раскола, раздираемого на части его многочисленными сектами и толками, ненавидящими друг друга.

Окружники с некоторого времени начали делать довольно решительные попытки привлечь к себе гуслицких противокружников, т.-е. подчинить их под паству своего плохонького Савватия, восхитив их из паства не совсем плохого Иова. Этого особенно желает, об этом грезит и во сне и наяву сам главный властитель гуслицкого раскола – богослов Австрийского фабриканта Арсентия Морозова, крайне досадующий, что гуслицкие противокружники не преклоняются пред ним. А чего желает Арсентий Иваныч, о том заботится и владыка – Савватий, послушное его орудие, то делает по их приказу и состоящий на службе у Савватия Климент Перетрухин – первый в Москве раскольнический богослов Австрийского толка. По приказу Морозова, или, что то же, владыки – Савватия, Перетрухин истекшей зимой не один раз ездил беседовать в наиболее изобилующую противокружниками гуслицкую деревню Мисцево. Его беседы, на которых мисцевские противокружники не могли выставить достаточно сильного ему возражателя, имели успех: противокружники расстроились, стали подумывать – уж не перейти ли и в самом деле к Савватию, да и Арсентию Иванычу не поклониться ли. Морозов

ликовал уже победу и с своей обычной заносчивостью хвалился уже пред богатыми противокружниками, что уничтожит их в конец,— вероятно, выбирал уже сновальщика или красильщика на своей фабрике, чтобы поставить в попы для новой паствы своего владыки — Савватия. Но тут встрепенулись и главные противокружнические деятели, — пожелали дать Перетрухину, как представителю и Савватия, и Морозова, и всей мнимо-окружнической партии, генеральное сражение, чтобы решить, кто правее и сильнее, — окружники или противокружники, и должны ли последние уступать первым. Перетрухину послано было приглашение — явиться на беседу в деревню Мисцево 8-го апреля, в Фомино воскресенье. Местные богатые фабриканты Бочины предоставили для беседы обширный двор своей фабрики, — прекрасная весенняя погода давала полную возможность беседовать на открытом воздухе, на всем просторе. Для собеседников поставлен был по средине двора длинный стол, за которым они должны были восседать, народу предоставлено было все остальное пространство, — и в назначенный день гусятки из разных деревень — и окружники, и противокружники, и отчасти православные — толпами шли в Мисцево послушать любопытной беседы, о которой заранее были повещены, и быть свидетелями, на чьей стороне останется победа. Перетрухин явился в сопровождении своего помощника Оленина и нескольких других; со стороны противокружников выступили совопросниками состоящие при Иове: именуемый диакон Кирилл, бывший прежде приказчиком у Морозова (увы, у самого Арсентия Иваныча!), и причетник Пуговкин. Беседа началась в 12 часов и продолжалась до 7-го часа пополудни.

Нам доставлено описание этой беседы. Оно сделано одним из присутствовавших и, очевидно, старообрядцем, — можно догадываться даже, что составитель принадлежит к партии противокружников; однако, мы полагаем, что беседа описана в главных чертах справедливо, — это слышится и чувствуется как-то само собою при чтении. Поэтому мы решились напечатать это «описание беседы» вполне, сопроводив его только некоторыми примечаниями. Из этого описания читатели увидят, что противокружники одержали решительную победу, а

Перетрухин с Савватием и Арсентием Морозовым потерпели полное поражение. Здесь мы скажем лишь несколько слов о том, почему во взаимных спорах противокружники легко берут верх над окружниками.

Сила противокружников заключается в том, что они твердо стоят на раскольнических началах, крепко держатся от предков, от самих первых расколоучителей наследованного нечестивого учения о церкви, что якобы она повреждена ересями, заражена скверною антихристовою, верует под именем Иисуса в иного бога и проч. Поэтому раскольникам, какими остаются и окружники, сбить противокружников с этой истинно-раскольнической основы невозможно. А бессилие окружников заключается в том, что родоначальник их, в своем Окружном Послании, сделал решительный шаг к уничтожению этих основных раскольнических учений, но не имел смелости довести свою попытку до конца, остановился на полпути, отстал от одного берега и не пристал к другому, стал одной ногой на твердую церковную почву, а другую оставил завязшой в расколе, о чем мы говорили ему лично, и в разговорах с ним, и в печати, вскоре же по издании Окружного Послания, еще в 1863 году. Ксенос имел смелость сказать, вопреки общему раскольническому мнению, что церковь православная догматов веры ни в чем не повредила, никаких ересей не содержит, тем паче не заражена антихристовою скверною и под именем Иисуса верует не в иного бога, а в истинного Спасителя мира; но он не имел смелости докончить это признание, не решился сделать прямо, непосредственно истекающий отсюда вывод, — сказать, что, отделившись от церкви, ни в чем не повредившей догматов веры, старообрядцы поступили несправедливо и незаконно, что они повинны в расколе и, покаявшись пред церковию в этой вине, должны войти с нею в общение; напротив, он, в явное себе противоречие, стал доказывать, что будто бы «вины отделения» старообрядцев от церкви, неизменно сохраняющей православную веру, «суть важныя и благословныя», указывая эти мнимые вины в соборных клятвах и поречениях полемических книг на именуемые старые обряды, и таким образом одну ногу оставил глубоко погрязшую в

расколе. Эта раздвоенность, эта непоследовательность, это колебание между церковию и расколом, – вот что именно составляет главный недостаток, самую слабую сторону в Окружном Послании и в окружниках, – и этою слабою стороною всегда искусно пользовались и доселе пользуются противокружники для поражения своих противников. Они весьма основательно требуют от окружников прямоты и последовательности, – требуют, или прямо стать на сторону церкви, если признают ее не погрешившую в доктринах веры, или всецело держаться раскола, со всеми его лжеучениями, если сами же признают, что отделение старообрядцев от церкви имеет «важные и благословные вины», – заставляют их или обеими ногами стать на церковную почву, или обеими ногами и с головою погрузиться в тину раскола. Окружники, по понятным причинам, не могут решиться на первое, но и второе страшит их, так как, благодаря Окружному Посланию, они сознают уже нечестие противокружнических, или, что то же, беспоповских, или, что то же, общераскольнических, от первых расколоучителей наследованных, понятий о церкви, – и этим дают противнику полную возможность поражать их. Так случилось и с Перетрухином, против которого Пуговкин действовал именно указанным, издавна практикуемым, способом нападения. Правда, – обличить возмутительную ложь и все нечестие противокружнических учений о церкви левыми и убедительными доказательствами весьма легко, и Перетрухин прибегает к некоторым из этих доказательств; но они имеют силу только в устах православного, а когда приводит их Перетрухин, будучи и сам раскольником, они оказываются не только бессильными, но и ставят самого употребляющего оныя в немалое затруднение, как действительно и случилось с Перетрухиным.

Еще сильное орудие против себя окружники дали противокружникам своими собственными отношениями к Окружному Посланию в течение двадцатипятилетних с ними споров. Известно, что окружнические мнимые епископы в это время несколько раз уничтожали Окружное Послание, вменяли яко не бывшее, и опять восстановляли его, хотя принести

повинную пред противокружниками за издание оного, согласно их желанию и ради полного с ними воссоединения, не хотели. И здесь противокружники справедливо видят у них противоречие самим себе, — справедливо говорят им: если в Окружном Послании содержится правое учение, — зачем его уничтожали? а если неправое, — зачем держитесь его доселе и не отвергнете решительно, с проклятием на него и с принятием пред нами покаяния за издание и содержание оного? — И этот «довод» против Окружного удачно выставлен был Пуговкиным против Перетрухина.

Над Перетрухиным же, кроме того, Пуговкин еще с большим удобством мог одержать победу и потому, что мог пользоваться для сего собственными его сочинениями, особенно его «Мечом», наполненным противоречий, которые, действительно, он и поставляет своему совопроснику на вид с беспощадной настойчивостью,— разит его его собственным оружием, его собственным «Мечом», не похожим впрочем на голиафовский, как и сам Пуговкин в этом ратоборстве нимало не напоминает Давида.

Вот почему мы вполне расположены верить, что и на беседе в деревне Мисцево противокружники нанесли поражение окружникам, и что предлагаемое вслед за сим описание этой беседы не возбуждает сомнения относительно верной передачи происходившего на ней.

Сделаем еще одно замечание по поводу этой беседы. На ней раскольники двух партий беспощадно бичевали друг друга и обличали друг друга в лжеучениях; но при этом, разумеется, те и другие старались особенно поносить православную церковь, — свою правоту каждый доказывал именно тем, что не имеет ничего общего с мнимым никонианством: вражда к церкви, к тому, что раскольники зовут «никонианством», стоит здесь на главном плане, проповедуется прежде всего. И вот такая беседа открыто и публично происходит в большом селении Московской губернии, в присутствии нескольких сот, из окрестных деревень собравшихся, раскольников и нераскольников! А наши старообрядцы все еще жалуются на притеснения от правительства! Пора вам, г-да Швецовых и

Перетрухины, г-да Морозовы и Бочины, оставить эти пустые сетования. Раскол имеет у нас такую свободу провозглашать о себе, где только пожелает, какой больше и желать уже, кажется, нельзя.

**Описание беседы, происходившей между
окружниками и противокружниками в деревне
Мисцево, во дворе фабрикантов братьев Бочиных,
в неделю Фомину, 8-го апреля 1890 года, в
Гуслицах.**

На беседу со стороны окружников из Москвы прибыли секретарь Духовного Совета Перетрухин с помощником Егором Олениным. С их стороны присутствовали местные начетчики Никита, Яков и Меркул Ивановы. Со стороны же противокружников вели беседу иеродиакон Кирилл и Пуговкин, Иван Иванов.

Начетчики разместились по обеим сторонам длинного стола, поставленного посреди двора Бочиных; народу было множество из разных деревень. Сначала противокружники обратились к Перетрухину с сими словами:

— Причина нашего собрания есть изданное вашими епископами в 1862 году Окружное Послание; в нем во многих статьях изложенное учение мы сомневаемся признать за истинное, а считаем написанным от своего смышления. Посему просим вас дозволить нам познакомить слушателей с автором Окружного Послания: каких он держался воззрений и какую имел цель при составлении оного.

Об этом у противокружников составлена была целая тетрадь, которую и предполагали прочесть слушателям.

Перетрухин прочесть тетрадь им не позволил, говоря, что дело автора посторонне, нужно смотреть не на пишущего, но на писанное.

Диакон Кирилл. Об лжеучителях в Евангелии сказано, что от плодов их можно познавать: посему и об вашем Иларионе, составителе Послания, следует слушателям пояснить, кто он был такой.

Перетрухин прочесть тетрадь окончательно не согласился.

Противокружники уступили ему, заявив, что желают теперь Окружное Послание разобрать по существу, и Пуговкин из Послания прочитал всю вторую статью, в коей вначале вера

господствующей церкви признается правой, а в конце говорится об ней же совсем другое, – что она имеет вины важные и богословные, жестокие клятвы изрекла и злохульно нарекла имя Спасителя нашего Иисус: равноухим, чудовидным и иным богом.

Прочитав эту статью, Пуговкин сказал Перетрухину: Из прочитанной мною статьи видится, что Окружное Послание признает веру господствующей церкви правою, которая имя Господа обругала. Посему скажите: признаете ли вы, что эта церковь с поречением имени Иисус ругает одно лицо от Св. Троицы?

Перетрухин ответил: Да; признаем, что ругает действительно.

Пуговкин. Правда, – вы и в своей книге «Меч духовный» на 44 листе утверждаете, что великороссийская церковь пишемое «с одного йотою имя Иисус признает не за Спасителя, а простым человеком»; и о пастырях церкви господствующей сказали, что они проклинают имя Иисус, и уподобили их за это волхвам и чародеям. Но мы желаем знать: так ли вы и теперь мудрствуете о церкви господствующей, как об ней написали в своем «Мече?»

Перетрухин. Так и посейчас признаю.

Пуговкин. А когда вы так ее признаете, то укажите от св. Писания, чтобы хулители одного лица от Св. Троицы признавались церковию за правоверующих, как вы признали Окружным Посланием церковь грекороссийскую; докажите нам об этом от писания, а не голословно.

Перетрухин вычитал из 15 слова книги «Просветитель» Иосифа Болоцкого следующие слова: «Суть же и другие еретики, аще и зле мудрствуют, но не тако, яко же первые, иже суть новатиане и донатиане, средницы и четверонадесятницы, и воздоржницы и иные таковые: сии убо исповедают Святую единосущную Троицу и Господа нашего Иисуса Христа истинного Бога нарицают, и плотскому смотрению Его веруют, имут же некоторые ереси в себе; и аще сии восхотят приступить к православной вере и ересь их прокленут, их убо не повелевает божественное писание крестити, но яко же крещены приимати

вскоре и божественных тайн общению тех сподобливати». Вот, братие, сказал Перетрухин, мой вам ответ, — слова преподобного Иосифа, которые прямо решают ваш вопрос. А посему я обращаюсь к вам со своим вопросом: скажите, какую ересь находите вы в Окружном Послании и какого еретика?

Пуговкин. Вы спешите нам предлагать вопросы. Сперва ответьте на наш вопрос, тогда и вопрошайте и нас. Вы привели слова преподобного Иосифа, которые я повторю. О каких еретиках преподобный Иосиф говорит? Преподобный в прочитанном месте говорит именно об еретиках новатианах, донатианах, средниках и пр. Скажите, перечисленные еретики признавались ли ругателями одного лица от Св. Троицы и погрешали ли в чем в вере, как погрешает церковь грекороссийская, обвиняемая самим тобой в «Мече духовном?»

Перетрухин с неохотой ответил: нет, не погрешали.

Пуговкин сказал: хорошо, и попросил слушателей обратить внимание на оговорку преподобного Иосифа о помянутых еретиках: «аще и зле мудрствуют, но не тако якоже первые». Потом сказал: Из прочитанного ясно, что преподобный Иосиф говорит не о таких еретиках, которые хулили бы одно лицо от Св. Троицы (и) не погрешали; почему слово преподобного Иосифа не может служить вам оправданием, а скорее подкрепляет наш вопрос тем, что и не погрешивших в вере преподобный называет зле мудрствовавшими, а не как вы Окружным своим потаковничаете той церкви, которую вы сами признали хулительницею имени Спасителя нашего. Посему, прошу паки прямо ответить нам на предложенный вопрос: где еретики хулители одного лица от Св. Троицы признавались правоверующими, как-то: ариане, македониане, несториане и прочие им подобные?

Перетрухин, повидимому, не ожидал встретить такого вопроса; пустился в ораторство и долго ораторствовал, и об имени Иисус совсем другое стал говорить, подражая сочинителю книги «Жезл правления», оправдывая господствующую церковь по примеру её миссионеров; при чем забыл и свои слова, высказанные ранее в «Мече духовном», говоря, что церковь господствующая не есть хулительница

одного лица от Св. Троицы, а был один спор только из-за незнания орфографии; а существа Сына Божия она не касалась: вопросите ее последователей, и услышите, что веруют они во Св. Троицу и Господа нашего Иисуса Христа. Если собеседники хотят сравнять ее с арианами, то это не подойдет, потому что те существа Сына Божия хулили, а эта точию имя; и это не хула, соблюдение орфографии.

Пуговкин. Вы, милостивый государь, заговорились. Вам предложен вопрос, и отвечайте на него; а философия (!!) ваша не дает нам ответа. Она прилична никонианским миссионерам, а не тебе. Вы пустили ее здесь как чужую, да не в дело. И ты сам же от ней сейчас же откажешься, если будешь говорить с миссионерами господствующей церкви, и с нашим понятием выступишь против них, и наши доказательства будешь приводить против них, и всю орфографию забудешь, как ты уже и поступал ранее⁵. А если вы такого понятия об имени Иисус, то выслушайте, что Большой Катихизис глаголет. И прочитал об этом на 3-м листе Катихизиса, какое это имя Иисус, и слова толкового Апостола, 21-й лист, где сказано: «имя Иисусово Бог есть, Ему же бо существо едино и имя едино»⁶. Да и само Окружное Послание нас учит, что имя Иисусово означает Спаса, врача и избавителя душ и телес наших⁷; а простые буквы не могут спасать, и проч Поэтому еще просим тебя сказать нам от св. Писания, где имя Иисус не бог, а только одно существо (?) – доказывай писанием, а не от себя.

Перетрухин взошел в характер (?), собеседников укорил незнанием богословских сочинений и прочитал из Благовестного Евангелия от Матфея вначале, а потом из Кирилловой книги Символ Афанасия Александрийского, 48-ю главу, сказав: вот ариане против чего шли; но у никониан сего не имеется.

Пуговкин. Что ты нам приводишь Символ св. Афанасия! Мы и без тебя всему этому веруем в точности. Ты отвечай на наш вопрос: о хулителях одного лица от Св. Троицы, – имеют ли они правую веру?

Перетрухин отвечать на этот вопрос не стал, а стал укорять противокружников в тупости и незнании богословия. Пуговкин отвечал ему тем же, и между ними произошла деревенская

брань; но Перетрухин вызвал это прежде своими укорами. Перетрухин, укоряя Пуговкина, грозился засвидетельствовать; а Пуговкин сказал: «я не от себя взял, а г. Субботин об тебе напечатал такое письмо(?), его прежде суду и предавай, а потом и ко мне придирайся». Тут посторонним людям удалось их помирить, и они помирились. После этого Перетрухин стал опять укорять противокружников, что они имя Иисус признают иным богом, антихристом, как это Кирилл епископ Бессарабский в своей тетрадке, имеющейся у Перетрухина, признает.

Пуговкин сказал: И ваш епископ Анастасий учит с вами несогласно о перстосложении; да что же вы таковых не судите?⁸ Мы ваши пустые слова не примем; а ты нам покажи, где у нас соборно о сем подтверждается; мы у себя этого не видим, а только вы привыкли на нас плесть всякую чепуху, в роде небывалого собора, на коем якобы наши епископы прокляли пять российских патриархов. Да, благодарность г. Субботину, который о соборе ложь вашу обличил и подлог ваш изобличил; а без него и теперь бы с ложного собора Арсентий Морозов рассыпал копии по разным местностям. Наше понятие такое, что все еретики, по св. Афанасию, веруют в свою ересь, как ниже укажем; а в Кирилловой на листе 40 говорится: «о чем писано, о том глаголем; а о чем, не писано, о том не смеем и рещи». Из писания видим мы, что хулителей св. церковь, в роде Ария, Македония, Нестория, не признавала за правоверующих, а ариан именует многобожниками и еллинство вводящими (Кир. л. 509). Македониан тоже безбожниками называли и говорили так: «аще что едино от трех тварь есть, имиже просвещаемся, ничтоже ниже прочая чиста суть от досаждения» (там же, л. 510). О Нестории окончательно говорили, что в человека верует (Кормч, о 3 соборе). Не смотря на это, церковь от сих еретиков крещение и хиротонию принимала, а последних (как учит 95 прав. 6-го всел. соб.) и третьим чином к церкви присовокупляла. Согласно сему понимали о св. отцы 7-го вселенского собора, которые, разбирая лжеседьмый собор иконоборческий и приведенные ими же, иконоборцами, слова св. Григория Нисского, который писал об арианах, называя их прямо идолопоклонниками, что признали и отцы седьмого вселенского

собора, так справедливо выразившемся об них, и с ним согласились (Деян. всел. соб., т. VII, стр. 443). А Дамас, папа Римский, так учит: «аще кто о Отце и Сыне добре верует, а о Святом Духе неправо, еретик есть, зане все еретици о Сыне Божии и о Святом Дусе зловерующе, в иудейском и во иноязычном неверии пребывают» (Кормч. л. 426). Посему опять просим вас: скажите нам прямо, как вы понимаете об имени Иисус?

Перетрухин. Конечно, новостью считаем.

Пуговкин. А новость что знаменует и содержит?

Перетрухин. Конечно, ересь и неправость⁹.

Пуговкин. Отопрешься от своих слов!

Перетрухин. Не отопрусь; да у нас и Окружное учит, что Иисус есть имя новое.

Пуговкин сказал народу: Вот, братие, слушайте, наш собеседник имя Иисус признал за ересь.

Из толпы народа послышались голоса: слышим, слышим! и благодарим за прямое сознание! Между тем Пуговкин отыскивал слова Афанасия Великого о ереси, что она есть и кто в ней находится; а со стороны народа во много голосов кричали противокружники Перетрухину: «Хорош соловей, да пропелся!» Этим криком народа Перетрухин встревожился и закричал громко: «Я не так говорил! я говорил только, что хулы на имя Иисус в Жезле, Прашице и Розыске я признаю ересью!» А народ ему кричал обратно: «Что ты двоедушничаешь! – говоришь то так, то иначе! Или увидал, что тебе капкан подставили? Зачем же ты в него лез? Теперь посиди тут! Тебе прочтут, кто в ереси и что он есть». И Пуговкин прочитал следующие слова: «Диавол не имел убо сам дерзновения, ведьй же ко истине рачительство человеческое, лицемерствует убо самым привидением, свой же яд влагает в последовавших ему... таков бо образ противного действия, такова же и ересей сплескания суть. Отца бо ересь каяждо своего премышления имуще изначала превращася и бывша человекоубийцу и лжеца диавола, и стыдящися его ненавистное имя произносити, лицемерствует доброе, и паче всякаго имя Спасово, в писания же речения облачится, и глаголет убо глаголы, крадет же разум истинный.. Темже в

коейждо ересей тако образуяся диавол речения подлагати с лестию. О сих бо Господь рече: яко востанут лжехристи и лже пророцы даже прельстити многия. Убо диавол прииде, глаголя коегождо (ересию): аз есмъ христос, и у мене истинное есть, и все особь, и обще сотвори лгати обводник» (Сл. 1, л. 2). Из прочитанного явно, сказал Пуговкин, (что) в каждой ереси образуется диавол: поэтому твои слова нам дают понятие об вере еретиков, какую они содержат веру.

Перетрухин. Афанасий так писал дерзко и не согласно с церковию!

Пуговкин. Вам, почтенный собеседник, так выражаться о писании такого великого светильника церкви, акибы он писал дерзко и не согласно с церковию, дерзко и не извительно. Ты кто есть? и можешь ли унижать св.отца, которого вся церковь почитает за великого учителя?

Перетрухин этим очень был пристыжен, в лице изменился; желая оправиться перед народом, взял в руки Беседы Апостольские, где напечатано имя Иисус, и стал показывать сие имя народу, объясняя, что Беседы напечатаны еще раньше патриарха Никона, а в них имеется имя Иисус: поэтому пусть Пуговкин скажет, ересь ли церковь православная печатала и распространяла в народе.

Пуговкин. Имя Иисус ты признал сам ерестью; мы тебя за язык не тянули, и твое признание весь народ слышал. А о Беседах Апостольских ваш учитель Швецов в 7 гл. своей книги «Истинность» выразился так, что оне печатаны «ополячившимся малороссом Захариею Копистенским, который издал Номоканон свой, и в нем вместо седми повелел иметь пять просфор на проскомидии, и вместо Иисус напечатал Иисус». Значит эти Беседы самими вашими учителями зазрены, которые и мы сознать правильными не можем¹⁰.

Перетрухин, вычитав из книги Швецова слова Тертулиана, сказал: Эта книга Швецова есть еретическая; она у нас соборно осуждена, и сам Швецов в неправильности своей книги сознался и раскаялся в своем заблуждении, и получил прощение от собора.

Пуговкин. Мы не видим, чтобы вы судили официально Швецова и признали книгу его еретической, а напротив ваши последователи имеют ее, как великое сокровище. Ты покажи нам об книге Швецова определение собора вашего, что она еретическая: а словам твоим не верим¹¹. А мы вам скажем, что тебя самого Швецов зазирает в ереси, что ты признаешь вне церкви присутствие благодати Св. Духа, что в своем «Мече» и печатно проповедуете, что бывшие священники нашей святой древней церкви благодать Святого Духа на совершение всех таинств, на связание и разрешение грехов, получали в церкви великороссийской. Этим ты признал всех нас связанными и отлученными благодатию Святого Духа. Вот ты в какую беду ввалил все старообрядчество своим учением неправым!¹²

Перетрухин. Меня в этом собор не осудил; я и сейчас не отрицаюсь, – что написано у меня, то все справедливо.— И вычитал из книги Никона Черныя Горы некоторые слова, которые к его оправданию о присутствии благодати у еретиков совсем не подходят.

Пуговкин. Ты здесь это утверждаешь; а придешь в Москву, пред своими же будешь отказываться от своего мнения, что мы в тебе много раз замечали. И не только ты о благодати двоедушничаешь, а и самые ваши владыки ныне Окружное уничтожают, завтра паки его утверждают, а на третий день и паки отвергают его! Вот и ты нас несколько раз уверял, что у вас теперь Окружного не существует: а с ревнителями Окружного, напротив, будешь говорить, что его совсем не уничтожали, а уничтили только одну бумагу. Проповедуешь пред одними благодать у еретиков, а пред другими отказываешься (говоришь), что благодать у еретиков не существует. Такой поступок свойствен только еретикам, а не христианам. Вас прилично именовать потаковником еретикам и хулителям Сына Божия, о коих пишется в Просветителе следующее: «На земного царя услышаши аще кого, еже сего убити, и аще не повеси, то со онеми примеши казнь. Еретицы же и отступницы Царя небесного, Владыку нашего Иисуса Христа, всегда убивают хулением и уничижением; ты же веси хулящего и уничижающего, ни коего же не показуешь тщания и

ревности, еже сии хулы утолити. Не явствено ли есть, яко и ты сие любиши. Темже в со онеми, иже сия творящими, огню вечному предан будеши» (сл. 14). И далее в слове 15 он говорит: «Егда невернии еретици никого же от православных прельщают, тогда не достоит им зло творити; егда же узрим неверныя же и еретики хотящих прельстити православныя, тогда подобает не точию ненавидети их, или осуждати, но и проклинати и язвити и сим руку свою освятити»¹³ (сл. 15).

Прочитавши это, Пуговкин сказал: Вот как св. отцы учат об еретиках; а Перетрухин, как и все окружники, потаковничает еретикам, а иногда и вовсе их защищает.

Выслушавши это, народ во много голосов закричал: «Верно, Иван Иваныч (то-есть Пуговкин)! окружники в своих словах непостоянны; а собеседники твои приехали из Москвы Рудненскую веру защищать¹⁴. Мы самовидцы, как он, защищая себя, вертесь, – то так скажет об имени, то иначе. Наверно научился этому у своих двоедушных пастырей!»

Перетрухин сказал: Беседы Апостольские с именем Иисус печатались Захарием Копистенским, который в «Книге о вере» называется ревнителем православия

Пуговкин. Этот ревнитель повелевает по миропомазании еретиков снова рукополагать. Если ему верить, то необходимо вашим и нашим архиереям и попам снять ризы.¹⁵

А народ продолжал кричать: приехали Рудненскую веру защищать!

Непостоянство Перетрухина на беседе заметили и самые окружники. Им очень неприятен был отзыв Перетрухина об уважаемом ими учителе Швецове, который зимой прошлой у них был, и учение его яко мед пияху; а теперь, спустя несколько месяцев, другой учитель их, при публике, именует его еретиком и книгу его еретической. Их поразило учение Перетрухина и о присутствии благодати у еретиков, а также и непостоянство Перетрухина, что имя Иисус сперва признал ересью, а потом отперся от своих слов; сначала признал церковь грекороссийскую еретическою за хулу на имя Иисус, а потом сказал, что только в книгах бранных ересь, как-то Жезле, Розыске. Чрез это потерял доверие в народе. Да и до самого

Перетрухина доходили многие голоса, очень неприятные ему. Поэтому он уже сел, ожидая окончания беседы, когда собеседники объявили, что беседа кончена

Когда успокоился народ, Пуговкин обратился к Перетрухину, с окончательным вопросом: Вы стало-быть не решаетесь нам отвечать на предложенный вопрос о хулителях одного лица от Троицы, что они имеют ли правую веру, как вы в своем Окружном Послании написали?

Перетрухин сказал: Я вам отвечал.

Пуговкин обратился к народу и возгласил, что Перетрухин отказывается нам отвечать. Поэтому мы считаем наш вопрос за ним не отвеченным, и в виду его безответствия приканчиваем беседу.

Беседа продолжалась более шести часов; народу было множество из разных деревень: она началась с 12 часов; многие слушали, не пивши, не евши, до самого вечера.

Один из бывших на беседе.

4. Новый лжеепископ у раскольников – Спиридоний и его первоначальные подвиги. – Московский Духовный Совет и его деяния. – Нечто о И. И. Шибаеве. – О раскольнических попах старых и новых. – Попы морозовского и швецовского поставления. – Невзгоды последних и злоключения самого Швецова

Осенью прошлого года, как мы говорили уже¹⁶, раскольники по Австрийскому священству обзавелись еще одним лжеепископом: Духовный Совет их избрал и поставил в епископы на Дон некоего Спиридония, наименовав его донским и екатеринославским; зовут его также калачевским, по месту жительства его близ Калача на Дону. Донские и екатеринославские раскольники-австрийцы состояли до этого в ведении кавказского лжеепископа Силуана. Силуан, как известно, был под судом и вообще находится в подозрении и в некотором загоне у Духовного Совета: у этого опального владыки и отрезали епархию для Спиридония, и, что любопытно, не только не спросили на то его согласия, но даже и не известили его о поставлении епископа на Дон. Силуан, конечно, не лучший, но и не худший среди мнимых архиереев раскола, – в этом жалком собрании умственных и нравственных ничтожностей, полуграмотных и распущенных по жизни крестьян, мещан и цеховых: поступок с ним служит ярким образчиком того, как раскольнические власти, выдающие себя за ревнителей и блюстителей церковных правил, обращаются даже со своими собратиями-епископами. Спиридоний, бравый казак Пятиизбянской станицы Семен Архипов, долгое время был протопопом у донских раскольников. Принадлежа к епархии Силуана, он к своему владыке относился тоже не с подобающим почтением. Когда Силуан в 1880 г. первый раз

приехал посетить свою донскую епархию, Семен Архипов не захотел и встретить его, а явился уже тогда, когда он приехал в хутор Ляпичев, Пятиизбянской станицы. Разгневанный Силуан принял гордого протопопа очень сурово, разбранил по-казацки (Силуан и сам из казаков), выгнал из комнаты, где собраны были все раскольнические попы донской епархии, и пригрозил извергнуть из сана за непочтение к епископу. Архипов, затаив обиду, должен был просить прощения. Силуан смиливался только тогда, когда все общество почетных казаков начало просить его за опального протопопа. Эту обиду от Силуана Архипов всегда помнил, и теперь, сам сделавшись архиереем, воспользовался первым же случаем отмстить за нее. Получив окольными путями известие о поставлении своего бывшего протопопа в епископы под именем Спиридония и хорошо понимая, что обстоятельства переменились, что самому приходится теперь заискивать пред разруганным когда-то протопопом, Силуан послал игумена своего скита приветствовать Спиридония ко времени его приезда из Москвы, где с обычной торжественностью рукоположили его Савватий, Пафнутий казанский, Паисий саратовский. Это было во второй половине сентября. Игумен ожидал прибытия Спиридония в Калаче. Но Спиридоний проехал прямо на хутор Качалинский, где есть у него собственный дом. Игумен поспешил сюда и велел доложить о себе владыке-Спиридонию, как о посланном от владыки-Силуана. И Спиридоний не только не принял этого владычного посла, но даже не велел пускать его и на двор, несмотря на то, что наступала осенняя ночь, и злополучному игумену негде было приютиться. Таково братское общение нового раскольнического епископа с своим собратом – старейшим епископом. Зато какими позорными ругательствами осыпал его злополучный посол Силуана, возвращаясь с Дона на Кавказ! Скоро бравый казак-епископ показал себя в настоящем виде и попам своей епархии: не каждого из них он удостоивал своего лицезрения, хотя иные приезжали к нему и с очень нужными делами, за то оповестил их, что каждый поп обязан доставлять ему на содержание по 50 руб. в год. Попам этот налог показался обременительным. Не смея сами спорить со

владыкой, они обратились к почетнейшим казакам из своих прихожан с просьбою — заступиться за них пред слишком притязательным владыкой, и благодаря ходатайству этих посредников Спиридоний понизил налог на попов до 30 руб. Другим из первых распоряжений нового раскольнического епископа был общий приказ всем уставщикам, начетчикам и особенно попам — не вступать ни под каким видом в беседы с православными миссионерами. «Им нет до нас никакого дела, — говорил казацкий лжеепископ о миссионерах, — нам дал Государь полную свободу, и они не смеют нас трогать, или требовать на беседы». Как бы в доказательство этой полной свободы, которую будто бы даровал расколу сам православный Царь, ложный епископ Спиридоний разъезжает теперь по Донской области и Екатеринославской губернии для торжественных архиерейских служений. В половине мая месяца настоящего года он осчастливили своим посещением самый Новочеркасск, и 20-го числа, в Троицын день, служил здесь обедню, с местным раскольническим попом Федотом Кругляковым и двумя дьяконами, в Косовской моленной. Раскольников собралось множество, — двери моленной были открыты для всех. Пользуясь этим, зашел посмотреть, как служит раскольнический лжеепископ, один из местных православных миссионеров Н. С. Федосов; но тут раскольнические проповедники религиозной свободы на Дону сейчас же обнаружили в себе дерзких самоуправцев и притеснителей: попечитель моленной Иван Елкин, увидев Федосова, в исступлении бросился к нему, взял за руки и вывел из моленной, осыпая его бранью. На тихом Дону, под покровом чиновных казаков-раскольников, Сиприоны и Елкины могут безнаказанно делать, что им хочется. Воспользовавшись пребыванием Спиридония в Новочеркасске, сюда явились к нему раскольники Манычской станицы, разделившиеся на две партии: одна явилась ходатайствовать о разрешении их запрещенного попа Алексея, другая — о поставлении на его место нового попа. Поп Алексей Андреев Карпов, более десяти лет занимающий эту должность у манычских раскольников при их молитвенном доме, человек смиренный и не пьющий (что

большая редкость между раскольническими попами), но подверженный другой слабости: его обличили в незаконном сожительстве с несколькими женщинами, которые, к удивлению, сами явились потом всенародно, иные даже при своих мужьях и с их дозволения, свидетельствовать, что действительно «грешили с батюшкой». По сему случаю наряжены были произвести следствие два попа – новочеркасский Карп Попадьин и ростовский на Дону Нестор. Как люди малограмотные, они взяли себе на помощь новочеркасского «адвоката» из раскольников, сотника Головкова. С следователями Карпов обошелся не как подсудимый, – даже в молитвенный дом их не пустил. Были присланы потом и еще следователи, два же попа, в том числе Цимлянской станицы поп Алексей Левченков. Но Карпов и этих следователей принял не лучше первых, – никаким требованиям их не подчинялся и не дал им также ключей от моленной. Однако из Духовного Совета последовало запрещение ему от священнослужения. Карпов перестал служить по-поповски, т.-е. в облачении, а начал отправлять службы как простец-уставщик. Теперь, расположенные к нему прихожане, пользуясь пребыванием Спиридония в Новочеркасске, и явились ходатайствовать пред «владыкою» о разрешении их отца Алексея; а нерасположенные приехали просить, чтобы поставил на его место другого попа. Спиридоний ни тем, ни другим решительного ответа не дал, – сказал, что дело попа Алексея зависит не от него, а от Духовного Совета. Впоследствии, именно в конце июня месяца, получено из Москвы уведомление, что «за дальностию расстояния Московский Духовный Совет не может понять, кто прав и кто виновен, а должен Карпов обратиться к ближайшему своему епископу, калачевскому Спиридону». Это ободрило Карпова: запасвшись приличным для владыки подарком, он отправился просить у Спиридония полного себе разрешения действовать по-прежнему, в той уверенности, что казачки не все же будут слишком откровенны, – и вероятно теперь действует в качестве действительного раскольнического попа. И это, говорят, поп еще из самых порядочных¹⁷. Но возвратимся к сказанию о Спиридоне. Из Новочеркасска он отправился в

Екатеринославскую губернию, и здесь, в раскольническом монастыре, устроенном при селе Городище и называемом «Селединка», произвел поставление игумена: прежний, Иоанн Блинов, навлек на себя его неудовольствие своей снисходительностию к православным и близкими к ним отношениями, – за это и отставлен от должности. В Селединку приезжали к Спиридонию городищенские раскольники жаловаться на своего попа Матвея, подверженного (как и большинство раскольнических попов) пьянственной слабости. Но явился и сам Матвей: он нашел средство умилостивить «владыку». Из Селединки Спиридоний проехал в Ростов на Дону, а отсюда возвратился в свой Калачевский хутор. Так свободно и торжественно обезжал свою, никаким правительством (кроме чиновного казачества) не признанную, епархию не признанный, фальшивый архиерей... Люди, искренно преданные православию, с прискорбием смотрят на это открытое, публичное обнаружение раскола на святой Руси под предлогом будто бы дарованной ему полной свободы самою Верховною властию, на которую нагло клевещут раскольнические фальшивые архиереи...

Посмотрим, что делают раскольнические духовные и недуховные власти в Москве, в самом средоточии всероссийского раскола, где он процветает и доселе под кровом и защитой сильных мира сего. Теперь осеннее время, – время обычного стечения в Москву раскольнических архиереев на их ежегодные соборы. Но вот уже несколько лет, как этих соборов не бывает: нет собора и в нынешнем году, хотя имеются дела, давно требующие соборного рассмотрения, – и нет вовсе не потому, чтобы московские заправители раскола опасались стечением епископов вызвать им и себе какую-нибудь неприятность со стороны благостного и им особенно благодеющего московского правительства (в этом отношении они вполне обеспечены), а потому собственно, что им не хочется подвергать соборному суду самые дела, хотя и важные, но неудобные для рассмотрения. Таково именно старое и главное дело о распре Пафнутия казанского с Паисием саратовским. Весною прошлого года, как мы писали в свое

время¹⁸, тот и другой одновременно были в Москве, и Духовный Совет, казалось, успел помирить их: Пафнутий согласился выехать из Черемшана и не вмешиваться в дела Паисиевой епархии, попрощался с Паисием, и в знак примирения оба совершили поставление Спиридона на Донскую кафедру. Но мир этот был писан на воде. Возвратившись на Черемшан, Пафнутий и не подумал оставлять его; начал попрежнему чинить и разные неприятности Паисию. Тогда этот последний сам приехал опять в Москву с жалобой на Пафнутия и объявил Совету, что если Пафнутия не заставят выехать из Черемшана, то он откажется от управления епархией и переедет на жительство в Москву. Поп Петр Драгунов, Шибаев и сам Савватий перепугались, как бы опасный для них Паисий и в самом деле не переселился в Москву. Они упросили Паисия не отказываться от епархии и ехать обратно в Саратов, а Пафнутию, согласно требованию Паисия, послали грозное предписание непременно выехать из Черемшана в свою, Казанскую, епархию. Но Пафнутий не обратил ни малейшего внимания и на это предписание Совета, а его почитатели прислали в Совет настоятельное требование, чтобы не смели беспокоить старика-Пафнутия. Савватий с своим Советом не на шутку струсил, начал извиняться перед Пафнутием, даже просил его сделать услугу для Москвы – выбрать нескольких достойных людей и поставить в попы для московской епархии. За эту странную просьбу даже хвалынские раскольники осмеяли Савватия, – они вслух говорили: «Что за дураки сидят у нас в Москве! ныне требуют, чтобы мы выгнали владыку-Пафнутия из Черемшана, а завтра того же владыку-Пафнутия просят, чтобы на Черемшане поставил им попов для Москвы! Должно быть Савватий разучился и попов-то ставить»! Были слухи, что Совет предлагал Пафнутию даже переехать на жительство в Москву и что в надежде оттеснить Савватия и сделаться московским архиепископом, т.-е. осуществить свою давнюю мечту, Пафнутий был не прочь согласиться на это предложение; но видно, вспомнив пословицу о журавле, которого суют в небе, предпочел более верное, – владеть синицей, оставаться попрежнему в теплом гнезде, которое свил себе у

черемшанских черниц и черничек. Вообще, московский Совет всячески ухаживает теперь за Пафнутием, а Савватий даже писал Паисию, чтобы принес повинную пред Пафнутием, как будто виноватый. Все это до крайности возмущает Паисия. Он ожидал, что нынешнею осенью в Москве собирается наконец собор и окончательно решит, так или иначе, его дело с Пафнутием. Но вот, из опасения именно коснуться этого дела, решили не созывать собора и в нынешнем году. Это заставило Паисия принять окончательное решение, – бросить все и переехать на жительство или в Москву, или в свою деревню, где есть у него собственная земля. Друзья Паисия со дня на день ожидают теперь его приезда в Москву. Любопытно будет видеть, как поступит с ним «Московский Духовный Совет старообрядцев», которого, очевидно, Паисий так же мало боится, как и Пафнутий казанский. Но в настоящее время этот жалкий Совет в большой тревоге; а достойный председатель его, скудоумный Савватий, только и говорит всем о Паисие: «Дрянь этакая, дрянь (обычная поговорка «владыки-Саватия»)! Все хочет в Москву! Я и в Сибири жил, да в другую епархию не просился и отказываться не думал: зато Бог и дал мне всей Россией управлять! А у него терпения нет. Дрянь этакая, дрянь!» Вот какие мудрые глаголы изрекает «всей Россией управляющий» владыка-Саватий!..

Кстати о Совете, имеющем такого мудрого председателя. Из его состава недавно вышел наиболее видный и сильный член – сам Иван Иванович Шибаев. Не знаем, какие важные соображения руководили при этом властным в расколе деятелем, или каким прискорбным обстоятельствам он должен был покориться, только И. И. Шибаев, действительно, сложил с себя звание и члена Совета и выборного по управлению Рогожским Кладбищем, – словом устранился (официально) от всякого участия в церковноиерархических делах австрийского раскола. Так ли будет на самом деле? – это еще не известно; но во всяком случае отсутствие его в Духовном Совете, где он властновал доселе, будет ощутительно и отразится на делах этого раскольнического ареопага, так как с выходом Шибаева утратит свое значение в Совете и друг его Петр Драгунов,

духовный отец К. Т. Солдатенкова, и сам г. Солдатенков не будет иметь здесь лида, искусно проводившего его предназначения. Теперь в Совете будет господствовать партия фанатиков раскола, т.-е. ревнителей его невежества, изуверства и всех худших его сторон: Новиков, Медведев, поп Прокопий. Шибаев не был фанатиком в этом смысле: в видах усиления и распространения раскола, он задавался широкими планами, хотел даже цивилизовать раскол, преследуя в нем безобразия и беспорядки, а особенно старался выставить его с наилучшей стороны пред правительством, являясь пред высокопоставленными лицами ходатаем за него, пока на этом пути нешел слишком далеко и пока ему не обрезали здесь крылья...

Из недавних распоряжений раскольнических властей, где заметно еще влияние Шибаева, упомянем о двух.

В видах ли пущей безопасности раскольнических попов, или в видах прикрытия чинимых ими публичных безобразий, старообрядческое общество предложило Савватию сделать распоряжение, чтобы их попы не носили более длинных волос и широких шляп, как это они делали в последнее время. Савватий действительно вызвал московских попов в свою квартиру, и здесь его секретарь Перетрухин вычитал им определение, чтобы не оказывали своего поповства ношением длинных волос и поповских шляп, в исполнение чего и взята от каждого из них подпись. Надобно полагать, что распоряжение «владеющего всей Россией» Савватия простирается не на московских только раскольнических попов, а и повсеместно должно иметь силу у них; во всяком случае этого распоряжения нельзя не одобрить: оно полезно и для раскольнических попов, так как они не станут более возбуждать негодование православных, являясь на улицах в таком виде, что трудно отличить их от православных священников¹⁹; полезно и для этих последних, так как публичные безобразия раскольнических попов не будут уже приписываться по ошибке православным священникам, для которых в этом отношении достаточно их собственной вины...

Другое, очевидно, не без участия Шибаева исполненное дело – работы по обновлению Рогожского Кладбища. В последние годы, неизвестно с чьего разрешения, на Кладбище воздвигнуты новые величественные здания и старые переделаны и обновлены. Нынешним летом производились именно большие работы по обновлению внутренности зимней обширной часовни, и после праздника Покрова Богородицы рогожские попы открыли здесь свои торжественные службы. А между тем давно пора бы и самих попов этих, незаконно пробравшихся на Кладбище и незаконно поселившихся в его зданиях, выпроводить отсюда в подобающие им места. Но московская власть смотрит снисходительно, даже с явным покровительством на производимые здесь противозаконности, в том числе и на торжественные службы этих попов, иногда при большом стечении народа, представляющие, очевидно, прямое оказательство раскола.

Так недавно происходили на Кладбище торжественные похороны некоего попа Якова. Этот Яков, гусляк из деревни Язвище, более 25 лет поповствовал в Москве. Отпевали его шесть раскольнических попов, и раскольников на похороны собралось очень большое количество. Умер и другой из старых попов, петербургский Фома, – тот самый, которого Шибаев и Драгунов прочили в Москву на место Савватия. Из Петербурга Фому привезли хоронить на родину, в Гуслицы, в деревню Авсюнино. Погребение совершил московский поп Савва с дьяконом Василем, который при сем удобном случае напился и произвел бесчиние, за что даже Савватий подверг его тяжкому наказанию.

Старые раскольнические попы, современники и ставленники Антония Шутова, начинают сходить со сцены: зато новые плодятся как грибы. Главным поставщиком их остается попрежнему фабрикант Арсентий Морозов. В Гулицах, в местечке Дулеве, находится, как известно, обширный фарфоровый завод Кузнецова. Владелец завода, сам старообрядец, построил для своих рабочих православного исповедания церковь, при которой и учрежден православный причт. Арсентий Иваныч почумял в этом опасность для любезного

его сердцу австрийского раскола и начал хлопотать о водворении в Дулеве раскольнического попа, и именно Савватиева производства, то-есть мнимоокружнической партии, хотя в Дулеве окружников очень мало, а гораздо больше между местными раскольниками противуокружников. У него, Арсентия Иваныча, на фабрике жил крестьянин гуслицкой деревни Мисцева Иван Ромадинов, бывший сначала беспоповцем, потом противуокружником и наконец, в угоду Арсентию Иванычу, превратившийся в окружника: сего-то Ивана Ромадинова Морозов и велел Савватию произвести в попы, а Кузнецова упросил принять в Дулево. После этого раскололюбивое сердце Арсентия Морозова успокоилось: он питает уверенность, что поп, воспитанный на его фабрике, может и православных отвлечь от построенного им храма и противуокружников привлечь под паству своего «владыки-Саватея». На противуокружников Арсентий Иваныч страшно зол, и, конечно, не за то, что они произносят возмутительные хулы на святую церковь (это г-ну Морозову даже и приятно), а за то, что смеют не повиноваться его владыке-Савватию, или, что то же, ему самому – властителю австрийского раскола в московских пределах и особенно в Гуслице. В той самой деревне Мисцеве, откуда произошел его поп Иван Ромадинов, все раскольники противуокружнической секты, окружников все два-три двора, – и Арсентий Иваныч сгараает желанием всех этих противуокружников обратить в окружников. Воспользовавшись тем обстоятельством, что идет вражда между двумя противуокружническими попами – титовским и мисцевским, он отправил в Мисцево депутатию с предложением, что он выстроит в этой деревне новый хороший молитвенный дом (это во власти Арсентия Иваныча) и поставит к нему хорошего попа, если только мисцовцы согласятся перейти под паству «владыки-Саватея». А чтобы лучше убедить их к этому, во главе депутатии послал к ним самого г-на Перетрухина, которому поручил произвести беседу с противуокружниками. Перетрухина сопровождал еще брат попа Ивана Ромадинова – Василий, тоже рабочий морозовской фабрики. Этого Василья Морозов хочет даже и совсем поместить в Мисцеве, как савватиевского

миссионера (несколько уроков миссионерства он должен был взять у Перетрухина), а затем поставить и в попы. Но замыслы Арсентия Морозова относительно противокружников большую частью не удаются: они так ненавидят окружников, что и к морозовским соблазнам относятся равнодушно. Только немногие из них, слишком лакомые на поживу и слишком замотавшиеся, ищут милостей Арсентия Иваныча, переходя в окружники, и таких-то он в особенности любит производить в попы и дьяконы. Мы говорили уже о Ромадиновых; вот и еще два примера. В гуслицкой деревне Запруденье был раскольник противокружнической партии Андрей: он занимался тем, что ездил по базарам играть в орлянку и в карты; но так как ремесло это оказалось не прибыльным, да и опасным, то он рассудил перейти в окружники и поступить сновальщиком на фабрику Арсентия Морозова, – и Морозов очень скоро произвел его в попы, сначала куда-то далеко, а потом перевел в Богородск на фабрику раскольника Шебаева. Из той же деревни другой неокружник, по имени Федор, почти безграмотный, перешел также в окружники и явился к Морозову на фабрику: здесь его подучили читать, и Арсентий Иваныч произвел его в дьяконы куда-то в Житомир, или в Киев. Сами старообрядцы дивятся и смеются, откуда и каких людей Морозов набирает в попы и дьяконы; а Саватей охотно ставит, кого бы ни прислал Арсентий Иваныч...

Гораздо разборчивее в этом отношении другой поставщик раскольнических попов, Онисим Швецов: он указывает таких, которые, действительно, могут с успехом пропагандировать раскол. В Городец, как известно уже, он поставил Иголкина, начитанного и ловкого раскольника; а в нынешнем году произведен в попы и ближайший сотрудник его в пропаганде раскола, постоянный его спутник, Д.М. Смирнов, о котором нам приходилось не раз говорить. Но избранников Швецова постигают невзгоды. Иголкин находится под судом, и хоть живет на чьи-то средства доселе в Городце, хоть рассыпает там обличительные послания к беглопоповцам²⁰, но положение его очень затруднительно, – не нынче, так завтра придется отбывать наказание по суду за противозаконные поступки; а

пропаганда австрийщины среди православных и беглопоповцев Городецких совсем не удается. Смирнову также не посчастливилось на первых порах. В попы он поставлен для Боровска и ближайших мест Смоленской губернии. Савватий поставлял этого ревнителя раскола с некоторою торжественностию, – при поставлении присутствовал даже сам Николай Александрович Бугров, хорошо знающий Смирнова по Нижнему (Зачем же г. Бугров, официально считающийся беглопоповцем, ротится и клянется, что никаких сношений с Саватеем и Кирилой, со Швецовым и Смирновым не имеет, когда он ходит даже за службы к Саватею?). Из Москвы новопоставленный раскольнический поп прибыл в одно селение Гжатского уезда, где, повидимому, для него назначено было пребывание, – и здесь-то с ним случилась неприятность. В город Гжатск, с передачею в село Семеновское, было адресовано к нему письмо известного московского братчика, стихоплета Брилиантова. По московским порядкам Брилиантов на адресе назвал Смирнова прямо священником. Письма с такими адресами в Москве доходят по назначению, – даже адресованные «Московскому архиепископу Савватию» приносятся прямо на квартиру этого, не признаваемого законом, фальшивого архиерея: если бы почтальон не знал его квартиры, то ее предупредительно укажет сама московская полиция, сия строгая блюстительница законов. Но полицейские и почтамтские чины города Гжатска еще не развились до такого широкого понимания религиозной свободы и формальной законности, как московские: справедливо полагая, что на святой Руси могут быть только православные «священники» Смирновы, почтамтский чиновник выдал письмо явившемуся в почтамт по своим делам священнику того селения, которое было означенено на адресе; а тот, уже зная о прибытии в его приход раскольнического лжепопа, представил письмо своему ближайшему начальнику, который в свою очередь предъявил его полицейской власти. Смирнова разыскали. На вопрос: ему ли следует письмо и кто он такой? – Смирнов отвечал смело, что он священник, поставленный «древлеправославным архиепископом Савватием», что письмо адресовано к нему, и

ЧТО ОН ПРИСЛАН СВОИМ «ВЛАДЫКОЮ» ДЛЯ ОТПРАВЛЕНИЯ СВЯЩЕННИЧЕСКИХ ОБЯЗАННОСТЕЙ ИМЕННО В УКАЗАННОЙ НА АДРЕСЕ МЕСТНОСТИ. Смирнову предложено было вскрыть пакет и предъявить, что в нем содержится. В пакете оказалось письмо из Уральска от некоего Андрея, служащего у Андрея Васильева Симакова, писанное 5 февраля 1890 г. и адресованное в Москву, откуда и переслал его Брилиантов при своей, писанной карандашом, записке. Уральское письмо интересно. Оно состоит большую частью из иносказательных, но довольно прозрачных, фраз, – а это одно уже показывает, что речь идет о щекотливых предметах, о которых прямо говорить не удобно в письме. Пишется именно: «Радуюсь духом, что все мои товарищи и участники в делании удочек годны в попы, т.-е. в рыболовы, и уже некоторые посланы ловить рыбу; а я, окаянный, недостоин и чистить ю. Прости, Христа ради, честнейший отче! Осмелюсь поздравить вас с принятием на ся священного сана... Не найдется ли и мне, окаянному, около вас дела, хотя из вашего материала плести мрежи, или платить? При сем честь имею уведомить, что брат моего хозяина, Павел Васильич, желает купить наш инструмент для удочек, послал письма к главному мастеру о. А.» (т.-е. отцу Арсению, Онисиму Швецову тож). Смысл аллегории понятен. «Рыболовы» – раскольнические миссионеры, группирующиеся вокруг Швецова – «главного мастера»; их «удочки» и «мрежи» – сочинения Швецова с компанией, напечатанные и повсюду распространяемые этими миссионерами; «инструмент для удочек» – это, очевидно, типографские станки и гектографы, на которых печатаются швецовские произведения. Итак вот несомненное подтверждение того, что мы не раз говорили, – вот один из самих делателей раскольнических «удочек» свидетельствует, что у Швецова есть подпольные типографии, – станки и гектографические приборы для печатания его еретических, направленных против церкви сочинений, которые потом распространяются повсюду состоящими при этом «главном мастере» раскольническими «рыболовами»... Приписка Брилиантова не представляет интереса, – в ней любопытно только следующее известие: «ответы (?)

никонианам рассмотрены и утверждены 101 вопрос, думаем прибавить еще два, или три». Речь идет, очевидно, о тех пресловутых вопросах, которые были поданы раскольническими «братчиками» православным собеседникам в Москве, и о которых столько шумели эти братчики, – даже шумят доселе, ибо напечатали их на гектографе (Должно быть и у вас, г. Брилиантов, имеется этот «инструмент для удочек»?). – Смирнов, несомненно, принимал участие в составлении вопросов: поэтому-то Брилиантов и уведомляет его, что вопросы (кем-то) «утверждены». Но что это за «ответы никонианам», о которых пишет амбrosианин-Брилиантов? Все эти любопытные известия от друзей Смирнову пришлось таким образом прочесть при полицайской власти, которою и составлен был по его делу акт. О дальнейшей судьбе Смирнова мы не имеем сведений. Да и что значат невзгоды этого раскольнического «рыболова» теперь, когда стряслась беда над самим «главным мастером» раскольнических «рыболовных сетей»?!...

Московские и всероссийские почитатели Швецова поражены известием, что этот неприкосновенный пропагандист раскола и распространитель ересей, ораторствовавший некогда в Петербурге, пред многочисленной и даже интеллигентной публикой, с почтением принимаемый всегда и тщательно охраняемый в Москве, покровительствуемый и раскольническими и православными властями в Нижнем, свободно разъезжавший по всем концам Российского государства и столько раз безпрепятственно путешествовавший за границу, все с одною целью – действовать против церкви и вредить православию поддержанием и распространением своих лжеучений, – что он совершенно неожиданно арестован где-то в Суражском уезде Черниговской губернии... С некоторого времени г. Швецов держал себя очень осторожно, – даже на Макарьевской ярмарке нынешнего года, которую, разумеется, он почитил своим присутствием, совсем не являлся на беседы, хотя на этих беседах в ярмарочном соборе читались ныне академические лекции, посвященные специально рассмотрению его догматических учений, и этим самым он уже вызывался на

возражения. Удивленным такою его сдержанностью друзьям и знакомым г. Швецов объяснял, что являться на беседы ему запретил будто бы генерал Баранов, нижегородский губернатор. Правду ли говорил г. Швецов, – это остается покрыто мраком неизвестности. Но если даже генерал Баранов предупредительно рекомендовал Онисиму Васильичу некоторую осторожность, то, казалось бы, он и должен был оную соблюдать. Однако же, по окончании ярмарки, г. Швецов отправился, по обычаю, «рыболовствовать», наполнив свои чемоданы рыболовными «удочками» и «мрежами». В самом конце августа он прибыл в Стародубские слободы, в которых началось между старообрядцами движение к союзу с церковию: для удержания в расколе этих колеблющихся и вообще для утверждения и распространения австрийской секты между слобожанами православного исповедания, также беглопоповцами и беспоповцами, – для этого и явился сюда г. Швецов. Прежде всего он прибыл в слободу Свяцкую, где колеблющихся в преданности расколу было, как извещали его, несколько человек. Здесь он беседовал целую ночь 31-го числа; а 1-го сентября выехал из Свяцкой вместе с раскольническим попом этой слободы – Максимом; но, :на пути отсюда, был остановлен полицейским чиновником, арестован и препровожден в город Сураж. В отобранным у арестованного паспорте значилось, что он крестьянин Владимирской губернии, Вязниковского уезда, Онисим Васильев Швецов, имеющий такие-то приметы; а в чемодане его оказалось много писем от разных лиц, в том числе от раскольнических архиереев, в которых он именуется не Онисимом Васильевым, а отцом и священноиноком Арсением, и идет речь о многочисленных поездках его по России и за границу с целью пропаганды раскола, т.-е. содержатся явные улики против него в обширной противозаконной сектантской деятельности. А что еще важнее, – в чемодане оказалось большое количество тех «удочек и мреж», о котором мы говорили выше, – во многих экземплярах известные еретические сочинения Швецова, напечатанные и за границей, и в своих подпольных типографиях, на собственных «инструментах». Итак, он взят с поличным, – этот чемодан с

книгами прямая улика, что Швецов не только сочинял вредные, наполненные клеветами на церковь и еретическими мнениями, книги, не только печатал их в заграничных и подпольных типографиях, но и сам занимается их распространением. Старообрядцы возопиют, и волилют уже, по случаю Швецового ареста, о новых гонениях на невинное якобы старообрядчество. Но послушайте, г-да старообрядцы, – будьте же справедливы и беспристрастны! Вы любите выставлять себя наилучшими гражданами Российского государства, наивернейшими слугами Царя и отечества, значит строже всех прочих россиян соблюдающими царские законы и распоряжения правительства. Рассудите же. Закон не дозволяет кому бы то ни было разъезжать во все концы России с проповедью раскола и писать сочинения, направленные против православной церкви; закон строго запрещает печатать такие сочинения за границей и оттуда провозить их тайно в Россию; закон строго запрещает иметь секретные типографские станки и гектографы и печатать на них даже не вредные, тем паче зловредные раскольнические сочинения; закон строго воспрещает продавать и вообще распространять запрещенные и противозаконно напечатанные книги. Оказалось теперь, что Швецов самым наглым образом нарушил все эти законы. Как верноподданнейшие из граждан, вы должны не сетовать, не роптать, а радоваться и благодарить правительство, что полагается конец преступной деятельности этого наглого попирателя законов, который позорил собою и все старообрядчество. Вам следует, вместе с нами, желать только, чтобы действительно и навсегда положен был конец его преступной деятельности.

Но будет ли положен? – это еще вопрос. Вот, напр., что касается наиболее важной улики, – этого чемодана с книгами заграничной и подпольной печати, мы имеем недавний пример совершенного пренебрежения такой же именно улики, – и против кого еще? – против самого «московского архиепископа владыки-Савватия!» Этот «владыка» занимается такими же темными, преступными делами, как и Швецов, – рассыпает в разные места к раскольникам книги подпольной печати. Такая посылка не очень давно попала в руки московского

правительства, – и с этой уликой в руках оно могло бы, разумеется, предать Савватия суду по точному смыслу законов. Но что же вышло? – Савватия попугали, – явились даже два чиновника произвести обыск в его квартире; но, встретив бледного, трясущегося «владыку», поспешили сказать ему, чтобы не пугался, – что все это делается для формы и кончится благополучно к обоюдному удовольствию. Относительно посылки удовольствовались отзывом Савватия, что он даже и не знает, какие книги посыпал, – что они кем-то пожертвованы, а он сам и не смотрел их. По обыску же (которого разумеется не производили) оказалось, что якобы у «владыки» Савватия никаких книг подпольной печати не имеется (даже и Перетрухинского Меча?). Дело кончилось таким образом благополучно. Ведь пожалуй и Швецов станет также говорить, что не знает, какие там книги нашли в его чемодане, да и чемодан то совсем не его... Полагаем, что старообрядцы, в качестве честнейших и верноподданнейших граждан Российского государства, были бы возмущены такою наглостию г. Швецова (хотя не возмутились наглостию Савватия), и, конечно, выразят, вместе с нами, отрадную надежду, что для сурожских властей московские не пример. Здесь столица, а там провинция...

5. Рассказ слобожанина о пребывании Швецова в слободе Свяцкой и об его аресте. – Хлопоты раскольников об освобождении Швецова

Упомянутое в предыдущей «Летописи» взятие Швецова правительством со всеми уликами многолетней преступной деятельности этого неутомимого и злейшего пропагандиста раскола, доселе занимает раскольнический мир и составляет в этом мире событие действительно крупное, так как и сам Швецов, несомненно, есть крупная величина в современном расколе. Мы полагаем поэтому, что наши читатели с интересом прочтут рассказ о пребывании Швецова в слободе Свяцкой и последовавшем здесь его аресте, полученный нами с самого места происшествия от одного бывшего старообрядца. Рассказ этот достоин внимания и в том отношении, что знакомит нас с нынешним положением раскола в Стародубских слободах. Приводим его почти с буквальной точностью.

Письмо из слободы Свяцкой.

...Нас до десяти человек усомнились в австрийском священстве. Двое ходим уже в единоверческую церковь, а остальные еще колеблются. Их старается расстроить здешний австрийской иерархии поп Максим; однако они каждый раз дают ему хорошую отповедь: для этого их снабжает книгами и наставлениями мой тесть, единоверец, сведущий в писании,— и я отчасти помогаю. У нас есть книги: Озерского Выписки, о. Павла сочинения и другие. Более трех месяцев Максим вел с ними борьбу (а меня на беседы не звал, зная, что я уже уверился в правоте грекороссийской церкви), — и все это время хлопотал, как бы залучить к нам, в посады, известного Швецова, чтобы он произвел здесь беседы и поддержал раскол.

31-го августа я собирался выехать на огород, верст за 60 от посада (я занимаюсь огородничеством). Приходит ко мне Мокей (один из колеблющихся) и просит, чтобы я отложил поездку до завтра, а ныне вечером пришел бы на беседу, так как о. Максим

говорит, что к нему приехал о. Лазарь, с Городни, и будет беседовать. Этого Лазаря я хорошо знаю, – он был даже моим духовником, когда я проживал в Варшаве, а он ездил туда исправлять требы у старообрядцев.

С Лазарем, говорю, мне беседовать не о чем. Года три тому назад я, вместе с тестем, послал ему 32 вопроса о церкви и иерархии, а он и по сие время не отвечает, даже о получении вопросов не уведомил. Я узнал однако стороной, что вопросы наши он переслал попу Ефиму Мельникову и просил у него совета, что ответить; Мельников передал их лжеепископу Сильвестру, а этот положил резолюцию: не отвечать русским унегятам на их вопросы! Потом я лично имел разговор с Лазарем в Варшаве же у одного купца, большого приверженца австрийской лжеиерархии, – настоятельно требовал ответа на вопросы; а он даже не сознался, что получил их. Тогда я прямо сказал ему: считаю вас безответными, и знайте, что я сильно сомневаюсь в законности вашей австрийской иерархии. Да и начал им рассказывать, как учредил ее беглый митрополит Амвросий за деньги, и прочее, – словом всю лживость их иерархии стал выводить наружу. Так на меня за это купцы, что тут были, бросились с кулаками, – не знаю, как спасся. Вот каков, говорю, этот поп Лазарь, – защищает свою иерархию не священным писанием, а купеческими кулаками. Не пойду я с ним беседовать, – не стоит!

Мокей же говорит мне: пойдем, пожалуста, – уж очень просит о. Максим!

Ну хорошо, говорю, уважу просьбу, не Максимову, а твою. Надобно только пригласить тестя.

Нет, – говорит Мокей, – его не велели звать.

Когда же приходить? спрашиваю Мокея.

По заходе солнца.

Хорошо, приду.

Смерклось. Пошел я с соседом, молодым человеком беглопоповской секты. Приходим к назенненному дому. Там никого еще нет; только на противоположной стороне улицы человек десять молодых людей стоят. Было уже темно; однако узнали меня. Спрашиваю: должно быть беседы не будет?

– Мы посыпали уже за ними, – отвечают; да что-то найдут!
Потом видим – прошли с фонарями.

Я говорю знакомым: Пусть начинают! – не любопытно Лазаря слушать; у него правды не добьешься. Мне, говорю, приходилось ночевать с ним и споры вести: ничего путного не вышло! Он предлагает мне читать книгу жида Карловича; а я говорю: на, – прочитай лучше сочинение о Павле Пруссоком. Он даже и в руки взять не хотел. Тогда я сказал ему: если вы не желаете читать сочинение православного человека, основанное на священном писании, так я тем более должен гнушаться жидовским сочинением, которое наполнено всякой ложью, бранью и небылицами!

Вошли мы в комнату. Вижу, – сидит за столом с попом Максимом и ведет разговор какой-то совсем не известный человек, как будто раскольнический монах, но больше походит на скопца: бледный, в лице ни кровинки! Говорит очень складно, на память, что-то о Моисее и пророках. Я думал встретить попа Лазаря, а вместо него оказался какой-то интересный незнакомец! – значит нас обманули! Слушателей собралось уже человек пятьдесят, все больше молодые люди и приверженцы Максима, а наших очень мало. Незнакомец говорил с полчаса один. Потом выступил молодой человек, беглопоповец, и завел с ним спор о мире, которым перемазали Амвросия. Молодой человек доказывал, что миро иосифовское не могло существовать 180 лет. Во время этого спора я спрашиваю потихоньку Ермила-Зайца, большого Максимова приверженца и фанатика: что это за монах такой речистый? – откуда вы выкопали такого?

Не скажу! – говорит.

Так как же нам, замечаю я, вести беседу с неизвестным человеком? Может, он какой-нибудь нехороший человек! Мы и беседовать с таким не станем!

Помялся, помялся Заяц, да и говорит: не сказывай никому, – это Швецов!

Так вот кто этот краснобай! Онисим Васильевич Швецов! Слыхал и читал я об нем довольно; а теперь пришлось вот самому увидеть и послушать! И я еще с большим любопытством

начал рассматривать Швецова. Он же в это самое время начал громким голосом кричать на молодого беглопоповца: врешь! врешь! – и раз десять повторил это «врешь!» Разобиделся тем, что молодой человек сказал ему: вы перемазали Амвросия простым деревянным маслом, потому что и настояще миро, если бы имелось у вас, разбавляемое маслом 180 лет, должно превратиться в простое масло. Видя, что Швецов выходит из себя и что все сторонники попа Максима выражают неудовольствие против беглопоповца, я стал говорить Швецову:

Вы, отец, должно быть не имеете и понятия о приличии! Ведь если это ваше слово «врешь!» обратить к вам самим, вам это не понравится! А вы, забывши ваш сан, позволяете себе так кричать и употреблять такие выражения!

Швецов после этого начал говорить спокойнее. Тут некоторые из наших стали предлагать ему вопросы об австрийской иерархии; но он так ловко отводил от вопросов разными ссылками на историю, что и не поймешь, о чем и к чему говорит. Точно адвокат какой, – у него и черное выходит белым, а белое черным. Нашим противникам это на руку, – слышу сзади толкуют: куда им сговорить! а еще берутся! Я не входил в беседу, – думаю: с таким увертливым человеком, и вправду, говорить трудно; он все уклоняется в разные истории, и как начнет речь, так слушай хоть два часа: у него все найдется о чем говорить, а тебе и возразить не позволит! Вот его уловка: я вам от истории и это докажу, и это докажу! А слушатели думают, что верно он прав, коли один говорит... Поэтому я сказал некоторым из присутствовавших: хорошо бы пригласить моего тестя; он лучше нас понимает, что ему сказать!

Пошлите! говорят.

А может быть о. Максим не согласится, чтобы тестя пришел на беседу?

Не надо, говорят, и спрашивать Максима!

Я вышел в сени и послал одного молодого человека за тестем, – велел сказать ему, что здесь на беседе Шведов из Москвы и чтобы шел скорее. Возвращаюсь в комнату, и что же вижу? Тут смятение: когда Максим узнал, что я посылаю за тестем, встал со Швецовым из-за стола и направляются к

выходу. Я остановил их, – говорю: Куда же вы, отцы? Мы еще ничего от вас не слышали о происхождении австрийской иерархии, и желаем слышать.

Максим говорит: мы не хотим, чтобы твой тестя был!

Так вы, значит, испугались одного человека? – боитесь, что не в состоянии ответить ему? Если уйдете, мы так и будем знать, что вы безответны.

Швецов понял, что уйти после этого неудобно. Воротились и сели опять за стол. Поп Максим даже представил меня Швецову: это, говорит, знакомец о. Лазаря, был духовным сыном его; а теперь бросил нас и ходит в церковь. Меня посадили даже с собою за стол в ожидании тестя. Познакомившись, я сказал Швецову, что много слышал и читал о нем: вы, говорю, человек известный, с учеными и профессорами ведете беседы; только вот на беседе с отцом Павлом вы остались безответны.

Ему, говорит, вольно писать, чего не было!

Я ответил: Нет, – отец Павел не такой человек, чтобы писать неправду; мы ему верим. И в сочинениях своих он все пишет коротко и ясно, защищает церковь на основании слова Божия и святоотеческих писаний; а вы все от разных историй приводите доказательства, все какие-то примеры представляете, заводите в Африку, да в Рим, к папе римскому. Нам этого не надо. Вы скажите вот прямо: где митрополит Амвросий получил благодать хиротонии?

И пошел, и пошел толковать от истории, да от примеров! Слушал я с четверть часа, а конца не предвидится. Я решился прервать Швецова, – скажите, говорю, прямо: где Амвросий получил хиротонию?

Да вы знаете ли, спрашивает, что такое хиротония?

Знаю, – ответил я, – и не требую от вас разъяснения; вы не уклоняйтесь от вопроса; говорите прямо: где Амвросий получил рукоположение?

Рукоположение получил в Константинополе.

А благодать при этом получил? – спрашиваю еще.

Благодати, – говорит, – не получил.

Значит, к вам пришел безблагодатный?

Швецов ответил: да!

Поэтому, говорю, ваша церковь безблагодатная и спастись в ней невозможно.

Нет, – возражает Швецов, – я вам докажу, что еретические епископы получали благодать чрез присоединение к православию и что Амвросий точно так же получил благодать чрез присоединение к нам!

И пошел опять от истории толковать. Я прервал и говорю:

Есть писано, что если церковь изгубит едину тайну от седми, то не есть святая, а еретическая; ваша церковь изгубила таинство священства: значит была еретическая. Теперь к вам, еретикам, приходит митрополит-еретик: кто же у вас мог его очистить? от кого у вас мог он получить благодать?

Швецов, точно адвокат, начал опять разные увертки. Но я не отставал.

Скажите прямо: от кого Амвросий получил благодать хиротонии?

От Христа! громко крикнул Швецов.

Я говорю: Каким образом? Где это писано, что Христос сам является восполнять еретическую хиротонию?

Швецов опять начал плести что-то; опять бросился к истории. Я говорю:

Вот вы все кружитесь, все хитрите; а брали бы пример с о. Павла: тот смотрит на дело прямо, без хитрости, руководится писанием, – поэтому и познал православную церковь.

Швецов говорит: он присоединился по нужде!

По какой нужде? – спрашиваю.

Он, говорит, бывши беспоповцем, печатал за границей книги, контрабандой перевозил их через границу и попался: ему угрожала Сибирь, если бы он не принял Единоверия. Вот что заставило его присоединиться!

Я сказал: Не верю вам! все это, что вы сказала сейчас, я считаю клеветою на о. Павла. И откуда вы это знаете? Сами лично были свидетелем этого, или говорите на основании слуха?

Швецов ответил, что слышал от других; но уверен, что было так.

А если все это неправда, – говорю, – так ведь мы должны вас понимать, как распространителя клеветы. Извините, – я не знаю, как другие, а сам даже и теперь признаю вас именно таким²¹.

Так протянулась наша беседа даже за полночь; а тесть все не приходил. Оказалось, что моего посланного обманули, – сказали ему, что тестя нет дома. Я вижу, что со Шведовым хоть целую неделю спорь, а толку ничего не будет; поэтому поднялся уходить и, вставши, говорю Швецову:

Спрошу у вас еще об одном, – только, ради Бога ответьте откровенно. Скажите: за что вы теперь отделяетесь от церкви?

Он сказал: за хуление имени Иисус.

Спрашиваю: а еще за что?

Еще, говорит, за проклятие двуперстия и введение троеперстия.

А еще за что?

Более ни за что! говорит.

А Ермил Заяц кричит: еще за трегубую аллилуйю; а больше уж ни за что!

Тогда я стал говорить: Г-да слушатели! Разбирайте сами, следует ли за эти три предмета отделяться от святой церкви. А я нахожу, что никак не следует. Имя Иисус церковь не хулит, и там, где вы видите хулу, содержится только объяснение этого слова в переводе; сложение перстов – обряд, и церковь имеет право изменить его; а о трегубой аллилуйи и говорить нечего: всякому понятно, что она поется во славу единосущной Троицы.

Сказав это, я простился и пошел домой. Был уже 3-й час ночи. Мне было досадно, что нас обманули, – не сказали, что будет беседовать Швецов, а не Лазарь: мы подготовились бы. Пожалел, что и тестя не было на беседе. Утром на другой день, 1-го сентября, мне необходимо было ехать на огород; а очень хотелось, чтобы наши побеседовали со Швезовым, да не ночью, украдкой, а днем и публично. Я стал просить об этом тестя, и тесть согласился. Зашел утром и к Мокею узнать, чем кончилась у них беседа накануне и не расстроил ли его Швецов.

Нет, – говорит, – не расстроил; по твоем уходе мы еще проспорили с час: он все увертывался, прямо не отвечает...

Я стал просить: вы, пожалуста, не выпускайте его, – еще соберитесь побеседовать, только днем, чтобы все знали о беседе. И тесть мой будет. Пригласите еще дядю Филиппа (беглопоповец, но большой защитник православной церкви). Да хлопочите об этом теперь же, поскорее. Так подите же, – просите Швецова, чтобы еще однажды побеседовал. А мне надобно теперь же ехать.

Тесть ждал меня с лошадью на базаре, и я поспешил туда. Пришел; разговариваем с тестем, – да и видим: поп Максим со Швецовым едут на лошади и проехали мимо нас к выезду из посада...

Вот, – говорю, – птичка и улетела! – опоздали. А очень жаль, что вы не послушали, как ораторствует этот Швецов, как разными уловками затемняет истину и оправдывает ложь. Прощайте.

И я уехал.

7-го сентября приезжаю с огорода и узнаю новость: Швецов арестован и отправлен в город! Оказалось, что утром кто-то сообщил надзирателю о продолжавшейся всю прошлую ночь какой-то шумной сходке, которую устроили раскольнический поп Максим и неизвестный приезжий монах. Надзиратель, с понятым, отправился к Максиму в дом, – но ни Максима, ни Швецова уже не было. Надзиратель поехал вслед за ними по дороге в Ветку, куда, как видно было, они направляли путь (Ветка от нас в 30 верстах; там есть и австрийские и беглопоповцы: их-то совращать, должно быть, и отправился Швецов). По рассказам понятого, когда надзиратель догнал интересных путешественников и вежливо попросил их возвратиться назад, в слободу, они хотели сначала оказать сопротивление, но потом раздумали и покорились своей участи. Обыск у Швецова произведен был уже в квартире попа Максима. Паспорт оказался правильный, на имя крестьянина Владимирской губернии. Надзиратель попросил Швецова отпереть чемодан, а сам в это время вышел из комнаты. Швецов, отперши чемодан, быстро вынул из него большой сверток и бросил под кровать, на которую сел потом, и закрыл брошенное полами своего широкого верхнего платья. Понятой

видел это и сообщил надзирателю: в свертке оказались книги подпольной печати. Ими же наполнен был и чемодан, в котором кроме того оказались разные документы и письма, – сотни две. Письма любопытные, – говорится в них о разных раскольнических делах и видно, с кем Швецов ведет сношения и какие у них замыслы; есть письма о Карловиче, с которым Швецов находится также в сношениях, – пишут ему, напр. из-за границы: «наш Карлович на жительство переехал в другую местность». Между тем как происходил осмотр, наши раскольники послали в разные места гонцов с известиями о постигшей Швецова беде, – в Клинцы к богатым раскольническим купцам, в Полосу – к Сильвестру, и в город к исправнику. Поп Максим прямо хвалился, что все будет обделано наилучшим образом, и Швецов выйдет невинным, даже с торжеством, как страдалец за веру. А когда отправляли Швецова в город, провожать его собралось человек до ста раскольников и раскольниц, – одна купчиха тут же вручила ему порядочную пачку кредитных билетов. Он взял, хотя при обыске нашлось у него до пятисот рублей.

8-го сентября, в праздник Рождества Богородицы, при выходе из церкви, мы трое, – я, Мокей и Егор, – объявили о своем желании присоединиться. Если бы не Швецов, мы еще может быть помедлили бы этим великим делом; а он, своими адвокатскими выходками и уловками, подвинул нас и утвердил в нашей решимости, – нам нестерпимо сделалось оставаться в этом расколе, для оправдания которого такие знаменитые его защитники, как Швецов, прибегают ко лжи и лукавству. 9-го числа написали в Покровский единоверческий монастырь к о. архимандриту Пафнутию, чтобы приспал священника – присоединить нас к церкви, и, – дай ему Бог всего хорошего! – он немедленно исполнил нашу просьбу. Под праздник Воздвижения честного креста, после всенощной, присланный им о. Варсонофий совершил над нами чин присоединения и исповедал нас, а в самый праздник за литургией мы удостоились приобщения святых и животворящих тайн Христовых. Как было это трогательно для нас, и описать нет возможности! Скажу о себе: я будто переродился в другого

человека! Теперь раскольники смотрят на нас очень враждебно, а особенно на Мокия, – ему и на улицу выйти нельзя. Он перед этим не более двух раз был в церкви: поэтому, как новичку, ему и достается больше; а мы давно уже ходим в церковь, так присмотрелись к нам.

Впрочем, надобно сказать, что раскол у нас больше держится стариками, а еще больше женщинами; молодой же и грамотный народ сильно колеблется, – не ходят ни в церковь, ни в моленную, а идут по праздникам на базар, да и толкуют о церкви, – одни толкуют, другие слушают. Моленныя (у нас их две) стоят пустые; одни бабы да хлопцы ходят за службу. Спросишь: что, в моленной много было мужчин на клиросе? Нет, – говорят, – один, или два. А я помню, когда был подростком, так на клиросах по 20 мужчин стояло, и в праздники ни одного человека на базаре не увидишь до выхода из моленных. А теперь, идешь в церковь, и видишь их около лавок, – сидят и стоят, да о церкви толкуют. Церковь тут же, на базаре; а нейдут. И пошли бы, да боятся баб. Были примеры, что жены бросали мужей за то, что хотят идти в церковь. Этому разврату учит их поп Максим. Как узнает, что кто-нибудь колеблется в преданности расколу и склоняется к церкви, то выберет время, когда мужа нет дома, придет к жене, и так ее расстроит, что она даст обещание бросить мужа, если он перейдет в церковь. Вот чем держатся у нас раскол; а действительной преданности ему в народе нашем уже нет. Не даром же приезжал Швецов. Нужен бы нам хороший миссионер, который мог бы основательно поговорить с народом о церкви...

Дозде письмо.

Этот любопытный рассказ о Швецове, обязательно присланный вам с самого места происшествий и ближайшим их свидетелем, достаточно ясно показывает, с какою целью г-н Швецов пожаловал в Стародубские слободы, как держал он себя на беседе в слободе Свяцкой и какой печальный исход имела эта его беседа. Людей, усомнившихся в расколе, ради которых главным образом и приехал в слободу, он не только не убедил в мнимой правоте раскола, но и окончательно расположил идти в церковь: его лукавство и изворотливость

были поняты и оценены по достоинству. Это было уже весьма значительным неприятным для него последствием ночной беседы его в Свяцком; а другим, еще более неприятным, был последовавший на утро его арест. Относительно ареста подтверждается, что при Швецове найдено большое количество писем, которые должны послужить явной уликой широких размеров преступной деятельности Швецова, как пропагандиста раскола, состоящего в тесных связях с главными раскольническими деятелями и за границей и в России, не малое также количество запрещенных книг заграничной и подпольной печати, которые должны служить такой же уликой преступной его деятельности, как автора, печатника и распространителя их. Надлежит ожидать, что при таких уликах законная кара не минует давно заслужившего ее преступника, доселе нагло издававшегося над законами. И однажде с места извещают нас, что там раскольники уже начали попытки в оправдание Швецова, если не освобождению от суда, – что местный раскольнический поп, открытый сообщник Швецова, самоуверенно говорит: «все обделаем! Онисим Васильевич останется невинным!» Это на месте; а здесь, в Москве, как слышим, началась еще более сильная агитация в том же направлении: раскольники, почитатели Швецова, собирают деньги, чтобы внести их в виде залога и взять Швецова на поруки, освободив из заключения. Быть может, с этою именно целию, уже отправился в Сураж родственник, друг и сотрудник Швецова, поп Димитрий Смирнов, – тот самый «рыболов», о котором мы говорили прошлый раз. Значит, его собственная невзguna кончилась ничем, и он не только на свободе, но и хлопочет об освобождении другого преступника-пропагандиста. Не мудрено, что и г. Швецов окажется на свободе, выйдет сух из воды. Но какое это будет поражение и оскорбление для всех ревнителей православия, с такою радостию принявших известие, что злейший враг церкви, самый опасный и самый дерзкий распространитель раскольнических и еретических мнений среди русского народа, попал наконец в руки правительства с явными уликами его преступной деятельности,

и питающих надежду, что закон восторжествует над беззаконием?...

5. Еще об Онисиме Швецове. – Свидание и беседа с ним православного миссионера. – Наши личные с ним объяснения

К московским раскольникам скоро приходят вести об их знаменитом заключеннике – Онисиме Швецове. У них толкуют уже и о том, что к Швецову приходил православный миссионер беседовать с ним, при чем, разумеется, с торжеством рассказывают, что якобы Онисим Васильич совершенно загонял миссионера, и тот не знал даже, как уйти от него. Это обычные речи раскольников о всех беседах Швецова, даже и о тех, где этот оратор оказывался решительно посрамленным. Конечно, и описанная перед сим ночная беседа Швецова в слободе Свяцкой, выдается раскольниками за образцовую и победоносную. Поэтому раскольнические толки о сурожской беседе Швецова с православным миссионером мы приняли бы во всяком случае с крайним сомнением, как обычное хвастовство. А между тем сам беседовавший со Швезовым миссионер, довольно известный нашим читателям иеромонах Пимен, прислал нам описание своего свидания и разговора с ним, вполне подтверждающее эти наши предположения. Приведем и это описание. Вот что именно пишет нам о. Пимен:

«Проезжая из Малино-Островского монастыря через посад Свяцкой, я узнал здесь об аресте Онисима Швецова и нарочно отправился в Сураж, чтобы повидаться с ним и побеседовать. Местные начальники не только дозволили мне это свидание, но и сами пожелали присутствовать при моей беседе со Швезовым. Это было 17-го сентября. Я поздоровался с Онисимом Васильичем и напомнил ему, что мы знакомы, – оба за границей бывали, оба принадлежали к Белокриницкой иерархии. Только, говорю, это незаконное, безблагодатное священство я оставил уже, за что всегда благодарю Бога; а вы все еще пребываете в этом священстве, и я удивляюсь, как вы, человек сведущий в писании, не только не хотите понять совершенную незаконность вашего священства, но и защищаете его, проповедуете о нем в ваших сочинениях, утверждаясь на

ложных, извращенных свидетельствах, повсюду распространяете эти сочинения. Вот за такие дела и приходится вам отвечать пред правосудием. Швецов заметил: это ничего, что здесь потерплю; только бы в будущем веке получить за сие свободу. Я сказал: Если бы вы терпели от неверных и за правую веру, тогда действительно могли бы надеяться на воздаяние в будущем веке. Но вы, старообрядцы, в течение двух столетий, не указали в православной греко-российской церкви ничего неправого, никакой ереси, а между тем отделились от нее, несправедливо осудили ее именно как еретическую, и проповедуете свою особую церковь, а недавно завели и свою иерархию через беглого греческого митрополита, лишившего себя благодати священства своим удалением от церкви. Православное правительство, по примеру древних православных императоров, должно защищать православную церковь от таких хулителей ее и распространителей раскола, увлекающих от церкви простодушных людей. Итак вы страдаете не от неверных и не за правую веру, а потому и награды за страдание в будущем веке получить не можете, по слову Апостола: «аще и страждет кто, не венчается, аще незаконно мучен будет». Швецов начал защищать Амвросия и свою иерархию. Я спросил: как вы признаете наших епископов, – православными, или нет? Швецов ответил: мы признаем их существами в ереси. Я спросил: где же ваш митрополит Амвросий получил благодать хиротонии? Швецов начал говорить сущие несообразности, – что благодать невидима, и потому нельзя указать, где и как она подается, что благодать действует только в тех, кто достоин ее, – и вообще начал явным образом уклоняться от вопроса, прибегая к своим обычным уверткам и хитростям. Я прервал его и спросил: скажите, – согласно ли каноническим правилам действовал Амвросий, переходя к вам от православной церкви. Швецов ответил: Амвросий сделал доброе дело, – он пожалел людей, остававшихся без епископа. Я сказал: доброе или не доброе дело сделал Амвросий, об этом я не спрашиваю; я спрашиваю: соблюл ли он канонические правила, переходя к вам в митрополиты? Так как Швецов опять стал уклоняться от вопроса, то я привел правила, нарушенные

Амвросием. Швецов заметил: мы приняли митрополита Амвросия по 8-му правилу 1-го вселенского собора. Я сказал: 8-е правило говорит о присоединяющихся к святой соборной апостольской церкви; а разве могло составлять соборную апостольскую церковь ваше общество, к которому пришел Амвросий, не имевшее священноначалия, находившееся при одном беглом иеромонахе, лишенном благодати священства? Тут Швецов пустился в свои обычные разглагольствия о том, что церковь может оставаться церковию и не имея епископов, причем сослался, по обычаю, на времена иконоборчества. Я заметил ему на это: Зачем вы извращаете историю? Зачем утверждаете, чего не было? История свидетельствует, что и во время иконоборчества были православные епископы в самой патриархии Константинопольской, а на западе и в Африке составлялись из них даже целые соборы. Пора бы вам перестать проповедывать такое нечестие, что будто церковь может существовать без епископа, тело может жить без головы! Перестаньте проповедывать такую чудовищность и отвергать всемогущество Христа Спасателя, якобы Он не мог сохранить свою церковь невредимою! После этого присутствовавший на беседе воинский начальник спросил Швецова: чем наша религия не нравится вам? В ответ на это Швецов с наглостию начал обвинять и порицать патриарха Никона и собор 1607 года, толкуя по-своему его определения, и наконец, подняв высоко руку с двуперстным сложением, резко произнес: и это святое крестное знамение тоже предали проклятию! Воинский начальник сказал: вот о. миссионер вам ответит; а я не понимаю, как вера может заключаться в пальцах! Швецов начал было продолжать свои обвинения на церковь, но я остановил его. Погодите, – говорю, – надобно рассмотреть что вы сейчас наклеветали на церковь. Вы сказали, что церковь прокляла двуперстие. Это неправда. Церковь отменила двуперстие, а не прокляла. Проклятие положено на расколоучителей – Аввакума, Лазаря и прочих, которые страшно злословили церковь, проповедывали, что церковь не церковь, архиереи не архиереи, тайны церковные не тайны, что двуперстие есть неприкосновенный догмат веры и проч. Вот на этих хулителей

церкви и непокорников положены клятвы, а не на обряд, не на персты. Швецов стал доказывать, что двуперстие есть древний греческий обряд; я напротив проводил свидетельства, что греки издревле употребляли троеперстие. Потом Швецов начал жаловаться, что о. архимандрит Павел издал на него книгу, где обличает его в еретичестве. Я сказал: вам нужно благодарить о. Павла, что он указал вам ваши еретические мудрования, может быть, по неведению, или по неосмотрительности вами допущенные в ваших сочинениях, а не обижаться этим и не жаловаться на это. Швецов продолжал: если бы у нас была свобода, я написал бы ему возражение и напечатал. Я сказал: Какой же вам нужно свободы? Ведь вы, кажется, писали ваши возражения о. Павлу и распространяете их? Только как же вы могли возражать о. Павлу, когда вас сами ваши епископы привлекали к ответственности за те же самые ереси, которые указал в ваших сочинениях о. Павел? Швецов ответил: я, в чем следует, попрощался пред своими епископами. Я заметил: А если вы попрощались пред своими епископами, обвинявшими вас в ереси, так нечего вам сетовать и на отца Павла, еще раньше указавшего у вас эти ереси. Вам бы следовало даже поблагодарить его за то, что предостерег старообрядцев от уклонения в такую злую ересь, что «Сын Божий родился под леты», – ересь, которую вы начали проповедывать. Потом Швецов стал жаловаться на вас. Вот, говорит, и г-н Субботин обо мне много лишнего печатает. Но Бог с ним! Я буду с ним судиться в будущем веке, на суде Божием! Я ответил: Мы читали статьи в «Братском Слове», и об вас ничего лишнего там не встречали, – говорится все правда; и сами старообрядцы не отвергают этого. Напрасно вы обижаетесь на о. Павла и Н. И. Субботина. Затем я советовал Швецову оставить заблуждения раскола и обратиться ко святой церкви – соборной и апостольской. Швецов сказал: я не могу этого сделать, пока сердцем не расположен к вашей церкви. Я заметил на это: Дух противный воюет на церковь Христову; и людей разумных он держит в заблуждении, заставляя противиться церкви. Нужно молиться Богу, чтобы смягчил ваше сердце, ибо Христос сказал:

«никто же может прийти ко Мне, аще не Отец небесный привлечет его». Мы беседовали часа три и расстались мирно».

Вот сущность беседы со Швецовым, переданные самим православным собеседником. Ничего особенно победоносного Швецовым не сказано, — повторяются все старые его хитросплетения в защиту раскола и Белокриницкой иерархии, все те же жалобы на собор 1667 г. и все то же извращение произнесенных им клятв. Не в том ли разве раскольники видят торжество Швецова на этой беседе, что он и в заключении, при светских властях, даже этим самым властям смело и горячо излагал свои клеветы на церковь? По раскольническим понятиям это, может быть, действительно подвиг и торжество; а по нашим — это одна лишь дерзость фанатика, которой и следовало ожидать от г-на Швецова и которую он покажет еще не раз, пожалуй, при обстановке более торжественной. Новое, хотя и не совсем, в его беседе с о. Пименом — только его жалобы на о. архимандрита Павла и на нас. Что обличениями о. Павла глубоко уязвлено сердце г-на Швецова, это он показал и на беседе в Свяцкой, где не посовестился даже прибегнуть к самым наглым клеветам на своего обличителя. И теперь устами г-на Швецова двигало то же оскорбленное чувство гордого, но обличенного ересеучителя. Указание и обличение еретических мнений в «Истинности» Швецова сделано отцом Павлом печатно: каждый поэтому может сам рассудить, верно ли и справедливо ли обличает он Швецова в ереси; а суждение г-на Швецова, как ближайшим образом заинтересованного лица, здесь не имеет значения. Г. Швецов жалуется на стеснение его свободы, — на то, что не может писать и печатать своих возражений против замечаний о. Павла. Напрасно. Кажется, довольно таких возражений написал он и сам, и прикрываясь именем своих «братчиков», а эти последние, напечатав их на гектографе, кажется, в достаточном количестве распространяли повсюду, чему с своей стороны способствовали и мы, напечатав самозашиту Швецова в нашем издании, дабы яснее показать читателям, как самозащищающийся г. Швецов больше и больше погружается в тину еретичества, увлекая с собою туда же и своих малосмыслящих «братчиков». Итак совсем напрасно г.

Швецов жалуется на о. архим. Павла. Не напрасно ли жалуется и на нас, говоря, что мы много лишнего (несправедливого?) о нем печатали? Мы печатали, что г. Швецов повсюду разъезжает для пропаганды раскола, что он пишет сочинения, наполненные клеветами на церковь, печатает эти сочинения в заграничных и в своих подпольных типографиях, развозит и рассыпает эти противозаконно напечатанные книги. При его аресте найдены вещественные доказательства, неопровергимо подтверждающие все то, что мы писали о нем. Казалось бы, что именно теперь не по времени и не у места г-ну Швецову говорить, будто мы писали о нем много лишнего, т.-е. несправедливого. Но всего важнее эти, обращенные ко мне, слова г-на Швецова: «я буду судиться с ним в будущем веке, на суде Божием». О, почтенный Онисим Васильевич! Страшен «суд Божий», ожидающий нас за пределами нашей временной, скоропреходящей и суетной жизни! Я трепещу этого страшного дня судного, помышляя великое множество содеянных мною лютых... Но на суд, к которому вы влечете меня, готов идти беспрепетно, и даже дерзаю иметь надежду, что здесь получу некую ослабу наказания за содеянные мною грехи... А пока не настал еще тот страшный час, приглашаю вас вместе со мною размыслить, призвав Бога на помощь и совесть во свидетеля, кто действительно может надеяться получить оправдание на суде Божием, – тот ли, кто скажет праведному Судии – Христу, создателю, хранителю и Главе церкви: «Господи! я ратовал, сколько имел силы, за святую Твою церковь против врагов ея, – за ту церковь, которая, по неложному Твоему обещанию, должна пребыть и пребывает неодоленною, должна пребыть и пребывает в том виде и устройстве, как Ты основал ее и положил ей быть до скончания мира, – со всею полнотою священномоначалия и таинств: суди, за правду ли я ратовал?» или тот, кто будет говорит: «Господи! я ратовал за святую Твою церковь всеми моими силами, и десными и шуими, – за ту церковь, которую Ты обещал сохранить неодоленною, однако не сохранил, ибо патриарх Никон со своими слугами одолел ее, лишил священномоначалия, тайны священства а прочих тайн, разрушил то устройство, которое Ты дал ей и, обещавши

сохранить, не сохранил, но которую зато восстановил опять в этом полном ее устройстве митрополит Амвросий, пришедший к Твоей церкви из церкви еретической и этим возвративший ей, на два века утраченную ею, иерархию: суди, за правду ли я ратовал?» Подумайте, – для этого последнего не находится ли ответ в словах самого же Господа: «мнози рекут Мне в день он: Господи! Господи! не в Твое ли имя пророчествовахом?... Я тогда исповем им, яко николиже знах вас: отъидите от Мене...»

6. Новое сочинение Перетрухина. – Новая книга жида – Карловича. – Нечто о беглеце Геннадии. – Воспоминание об Алимпии. – Аркадий Беловодский и любопытное письмо о нем старообрядца

«Главному мастеру» современных раскольнических писаний, Онисиму Васильевичу Швецову, на некоторое время по крайней мере, положены препятствия к составлению оных, печатанию и повсюдному распространению; за то другой мастер, или подмастерье сих дел, г. Перетрухин, секретарь московского Савватия и любимец Арсентия Морозова, продолжает беспрепятственно писать, печатать и распространять свои, подобные швецовским, сочинения против церкви и в защиту фальшивого раскольнического священства. Недавно он составил и спешно распространяет новое такое сочинение под заглавием «Врачество духовное». В предисловии к этому «Врачеству», которое послужит совсем не к исцелению недугующих расколом, а к вящему усилению их болезни, Перетрухин говорит: «Сию малую (в действительности не очень малую) книжицу потщахся составити для уяснения истины. Ибо (?) две суть заповеди, показанные во святом Евангелие, и в сей книжице две также главы имеется, да чтущий узрит, яко беседословие простирах не от своего умышления, но от святого писания о святей соборней и апостольстей церкви». Трудно доискаться какого-нибудь смысла в этом наборе слов; понятно и справедливо в них только то, что «книжица» состоит из двух глав, каковые действительно и обретаются в ней. В первой говорится «о вечности трехчинного священства, где оное находилось у старообрядцев в течение ста осмидесяти лет» (т.-е. в то время, когда именно у старообрядцев не существовало «трехчинного» священства); вторая имеет заглавие: «доказательства о небытии личности епископства в старообрядчестве» (на что и доказательств никаких не требовалось, так как и без них всем известно, что епископа у

старообрядцев не было в течение 180 лет). В новой книге Перетрухина, очевидно, повторяются все те же, большей частью у Швецова заимствованные, попытки оправдать именуемую старообрядческую церковь в лишении епископства, которые приводил он и в своем «Мече». Излагать и рассматривать содержание перетрухинского «Врачевства» здесь не у места; мы упоминаем об нем только затем, чтобы показать, как усердно стараются Швецовы и Перетрухины распространять свои измышления в защиту раскола с его фальшивой иерархией, повторяя их на разные лады все в новых и новых сочинениях.

Для печатания этих сочинений авторы их перестали обращаться в свои заграничные типографии, убедившись после нескольких удачных опытов, что с полным удобством могут заменить эти типографии своими подпольными, тайно заведенными у них в самой России, в московских и нижегородских пределах. И сам Швецов давно уже не ездил за границу с этой целью, – устроенная им в Мануиловском монастыре типография, в которой он напечатал свою «Истинность» и «Поморские Ответы», с тех пор бездействует и быть может перевезена уже куда-нибудь в те же нижегородские пределы, где гораздо удобнее пользоваться этим «инструментом для удочек». Однако и за границей издаются еще книги в защиту раскола. Купленный раскольниками жид – Карлович напечатал там новую книгу под заглавием: «Критический разбор Окружного Послания и все оттенки направления самого автора его». Книга имеется уже в Москве и охотно покупается раскольниками, особенно противокружниками. Новое сочинение жида, подобно прежним, проникнуто, во-первых, страшной ненавистью к православной церкви, глубоко уязвившей его сребролюбивую душу тем, что не оправдала его расчетов на наживу, с которыми он принял в ней крещение. Именно в досаде за эту неудачу он передался раскольникам и начал печатать ругательные сочинения на православную церковь, верно рассчитав, что этим наживет хороший гешефт с раскола. И любопытно, – что, осыпая церковь всевозможными ругательствами за мнимое «нарушение веры» и за мнимые гонения на раскол, он невольно проговорится, за что

главным образом ненавидит церковь, – каждый раз упомянет и о своих личных неприятностях, которым подвергся в России за служение расколу. Так и в прежних сочинениях, так и в новом. Для образчика мы приведем одно место из его книги,— заключительные слова ее: «Можем ли даже малейшим признаком согласиться с такой церковью, которая от лет Никона патриарха отступила от начал и идей (?) древлевосточной церкви, была и есть одно из заразительнейших явлений под всем русским небосклоном? Сколько десятков тысяч (?) безвинных старообрядцев пали один за другим под ударами этой церкви? Можно ли дать поблажку такой церкви, которая грозит огнем и мечем каждому дерзнувшему отрицать ее к небу вопиющие злоупотребления (здесь, под этим отрицающим, и далее, Карлович разумеет именно себя)? Можно ли дать поблажку такой церкви, которая, чувствуя свое умственное бесплодие, чувствуя на себе тяжелую руку святой истины (?), чувствуя себя лишенной руководства сверхъестественного (?) управителя, для укрепления своего папского авторитета, пришла к более решительным (?) мерам положить запретительную цензурную печать на всякое разумное (!) убеждение и свободное исследование (разумеется «разумное убеждение» Карловича, променявшего церковь на раскол ради гешефта, и его же «свободное исследование», т.-е. его книга: «Исторические Исследования»...), и суровыми учреждениями насилино связывает всякое православномыслие (?), основанное на фактическом и практическом изучении христианской истины, и чувствуя себя бессильной духовной жизнию публично возражать добросовестному исследователю (т. – е. «добросовестному» жиdu-Карловичу), излагающему на бумаге в ярком свете справедливый (!) протест старообрядчества, без всякого судопроизводства, произносит над самим исследователем (т.-е. надnim, Карловичем) тяжелый приговор тюремного заключения и высылкой за пределы русской территории (вот в чем, по мнению Карловича, главная вина, совсем не виноватой, впрочем, церкви, и вот за что главным образом Карлович призывает на нее всякие кары!)? Можно ли дать поблажку такой церкви, которая изменила форму и образ

чистоты древлеправославности, опошила (!) в русской церкви все прекрасное и возвышенное? Можно ли дать поблажку»... И далее еще раз десять повторяется эта фраза «можно ли дать поблажку», с прибавлением все таких же бессмыслиц и нелепостей, – и в заключение произносится следующая угроза: «наконец сто раз утверждаем, что такая церковь не заслуживает ни тени поблажки!» Итак неумолимый и ужасный жид – Карлович без пощады, без «поблажки» казнит православную греко-российскую церковь! Какие страсти! И как, должно быть, услаждает он этой казнью раскололюбивые души Савватиев, Морозовых, Бугровых и даже Морокиных с компанией (ибо в речах Карловича нередко слышатся отзвуки речей Верховского, главы мороки некой партии)! На сей раз однакоже Карлович ополчился не на одну православную церковь, – он разразился бранью, во-вторых, на Окружное Послание и на его автора – злополучного Ксенона, которому и по смерти не дают покоя его враги, – ополчился за то, что нашел в Послании и у Ксенона следы сочувствия православной церкви, сближения с нею. Но ужели и в самом деле Карлович так озлоблен на Послание и Ксенона? Что ему Послание и что ему Ксенона? Дело совсем не в них; дело вот в чем: Карлович чисто жидовским чутьем пронюхал, что Послание и Ксенона теперь в загоне у раскольников и что бранью на них, значит, всего скорее можно угодить теперь раскольникам, а следственно и зашибить копейку. И он не ошибся. Противоокружники, как мы сказали уже, охотно раскупают его книгу. Кстати, – вот что писал вам о Карловиче из-за границы, в конце июля нынешнего года, человек, хорошо знающий дело: «Жид-раскольник Карлович проживает в настоящее время в г. Радоуцах. Его гешефт идет повидимому хорошо. Так как он своим последним сочинением стал на сторону противоокружников, то они, как и мнимые окружники, стали присыпать ему время от времени порядочные суммы. Так недавно получил он из Румынии несколько сот франков, присланных, конечно, от российских противоокружников чрез формосского противоокружнического попа, единственного их представителя за границей. Среди здешних раскольников Карлович не пользуется уважением: они

хорошо понимают, что его старообрядчение не что иное, как комедия, разыгрываемая им ради гешефта с тою бессовестностию и наглостию, которая свойственна по преимуществу жидам».

Коснувшись заграничных раскольнических деятелей, скажем нечто о подобном же Карловичу ораторе и «ученом» писателе – Геннадии, лжеепископе Пермском, бежавшем за границу по освобождении из суздальского заключения²². Этот, как он показывает себя, «страдалец за веру Христову», написал за границей какую-то «Паноплию», исполненную такой учености, такого туману и стольких нелепостей, что раскольнический духовный совет в Москве послал Белокриницкому владыке – Афанасию приказ – всеми способами воспрепятствовать доступу этого бессмысленного сочинения в Россию. Геннадием, как видно из полученных нами известий, крайне тяготятся раскольники и за границей (известно, что российские были очень довольны, когда правительство заключило этого бегуна и безобразника в Суздальский монастырь и когда он убежал потом за границу): Афанасий, у которого в Белой-Кринице он поселился на некоторое время, не знал, что с ним делать, так как Геннадий, в качестве «страдальца», требовал себе особого внимания и почета. Как-то, уезжая в Румынию, Афанасий, чтобы польстить Геннадию, поручил ему управление Белокриницким монастырем на время своего отсутствия, – и бедные белокриницкие монахи не знали, куда деваться от нового управителя, возненавидели его все до единого. Наконец Афанасий нашел место для знаменитого «страдальца», – определил его в настоятели Тисского монастыря. Здесь, на всей свободе, Геннадий вполне обнаружил свой нрав и свои дикие наклонности. Нам сообщают такие подробности об отношениях Геннадия к набранным у него будто-бы для обучения мальчикам и об его подвигах во время сенокосов, о коих срамно есть и глаголати... Ими возмутился даже привитающий в Румынии старый раскольнический поп, ставленник Кирилла, Кирилл Масляев (ужели он еще жив?), и донес об них правительству. Примарь (волостной старшина) просил с Геннадия 1000 франков, чтобы скрыть дело. Однако дело не скрылось и

производили следствие. Таковы-то нынешние писатели, ораторы и «страдальцы» раскольников!

Помянем еще об одном раскольническом деятеле недавнего прошлого. 31-го марта сего 1890 года в Белой-Кринице окончил жизнь пользующийся своего рода известностию и даже знаменитостию в новейшей истории раскола, сотрудник Павла в учреждении Австрийской иерархии, разделявший все его странствия и приключения, пресловутый инок Алимпий Милорадов, — и, примечательно, российские старообрядцы не обратили на это событие никакого внимания. О заслугах Алимпия для белокриницкой иерархии никто из них и не вспомнил по случаю его смерти. Ни торжественных поминовений, ни панихид, ни сорокоустов не было на Рогожском кладбище и у «владыки» Саватия. Это должно быть не Морозов! А инок Алимпий, несомненно, своего рода знаменитость в расколе; его заслонял только собою ближайший его сотрудник — Павел, человек тонкий, хитрый и лукавый, стяжавший поэтому великую авторитетность среди раскольников. Алимпий же отличался больше отважностью, страстию к приключениям и разгульной жизни. Он ораторствовал даже, вместе с Бакуниным, на революционных сходках в Праге, когда Австрийское правительство, по требованию Российского, в 1848 г. сослало Амвросия и закрыло Бело-Криницкий монастырь. Его-то имел в виду Герцен, когда в своих воспоминаниях о Бакунине писал: «в начале мая 1848 г. Бакунин витийствовал в Богемии, окруженный староверческими монахами, чехами, кроатами, демократами...» Позднее Алимпий выступил защитником Окружного Послания, даже напечатал его за границей. В шестидесятых годах он неоднократно приезжал в Москву по поводу споров между окружниками и противокружниками, неизменно отстаивая сторону первых. Затем, слухи о нем совсем запали, и вот он умер, забытый раскольниками, для которых совершил не мало отважных подвигов. А между тем Алимпий очень любил похвалиться этими подвигами и был неравнодушен к тому, что их недостаточно, по его мнению, ценили. Он хлопотал об известности, по крайней мере такой же, какою пользовался

Павел. Когда в 1874 г. явилась «История Белокриницкой иерархии» с портретами Амвросия и Павла, Алимпий прислал нам собственный фотографический портрет большого размера, конечно, в том расчете, что им будет украшен следующий том истории. Портрет этот хранится у нас доселе. Теперь, по смерти Алимпия, из участников и очевидцев событий по учреждению Белокриницкой иерархии остается один о. Онуфрий, бывший потом наместником Белокриницкой иерархии, ныне мирно доживающий свой век в Москве, в Никольском единоверческом монастыре...

Учредители Белокриницкой иерархии сходят со сцены, быв свидетелями, как на их глазах, в течении с небольшим сорока лет, эта учрежденная ими иерархия раскололась на части и как разделившиеся раскольнические иерархи обличают друг друга в еретичестве и предают друг друга отлучениям и проклятиям. А между тем легко может случиться, что в расколе возникнет и еще новая иерархия, с Белокриницкою не имеющая ничего общего, ведущая начало не от беглеца Амвросия, а от самозванца Аркадия. Давно мы слышали об этом Аркадии, именующем себя архиепископом Беловодским, получившим якобы поставление в Японии (в «Опоньском царстве», по легендарным раскольническим сказаниям, которыми, как видно, и воспользовался этот проходимец), от какого-то «древлеправославного», не знающего никоновских новоприменений, патриарха: имели даже копию его ставленной грамоты, подписанную и этим мнимым патриархом и великим множеством митрополитов, архиепископов и епископов. Дикость и нелепость этой грамоты, как и всех рассказов Аркадия об его поставлении в Японии, в каком-то вымыщенном Беловодском царстве, а по другому документу «в царствующем граде Левеке Камбайского царства», так очевидны для человека с здравым смыслом и имеющего некоторые географические и исторические познания, что мы совсем не придавали значения появлению этого Аркадия, в котором следует признать или помешанного, или (и это вернее) проходимца и обманщика, – мы только когда-то мимоходом упомянули об нем в наших летописях²³). Сами раскольнические власти, принадлежащие к Австрийской

иерархии, только на первый раз смутились известиями об основателе новой иерархии в расколе – Аркадии Беловодском, а потом, издав обличительную против него грамоту, повидимому, совершенно успокоились. Однакоже Аркадий не бездействует, и простота российских старообрядцев так велика, что у него может явиться (да и есть уже) не малое число преданных последователей, которым он поставил несколько попов, а затем поставит со временем и епископа, или нескольких епископов. И вот начало новой иерархии, пред которой притом Австрийская должна оказаться совершенно несостоятельной, – иерархия, учрежденная не от ереси принятым беглым митрополитом, а архиепископом, получившим якобы появление от «древлеправославного» патриарха (какого именно желательно было отыскать при учреждении Белокриницкой митрополии), имущего непресекаемое преемство от дониконовских древлеправославных архипастырей. Для этой иерархии не понадобятся хитросплетения, придуманные Швецовым и Перетрухиным для оправдания Австрийской, – ее правильность и законность очевидна будет для каждого старообрядца: нужно только увериться, или поверить, что Аркадий действительно поставлен в Японии «древлеправославным» патриархом. И что, если поверят? А есть уже поверившие и есть расположенные верить. У нас перед глазами письмо одного старообрядца Пензенской губернии, писанное на Дон к его другу, в октябре нынешнего года: в нем идет речь именно об Аркадии, и оно-то навело нас на эти мысли. Письмо в высшей степени интересно для характеристики наших старообрядцев, и мы приводим его вполне, не изменяя ни единого слова.

«Любезнейший друг! Всепокорнейше мы вас просим, вспомните нашу прежнюю любовь и дружбу к вам, не откажитесь побеседовать с нами хоть заочно, Господа ради, в чем мы вас попросим. Мы считаем вас, что вы одарены от Господа талантом разума, и притом вы более имеете свободного времени, живете, как мы частно слышали, в достатках, не имея ни в чем нужды, более свободное время занимаетесь чтением Божественного писания, почему мы и

сочли нужным обратиться к вам с покорнейшею иросьбою, — поимейте с нами возможную переписку, в чем мы вас будем просить.

«Именно: в наших краях появилась новая вещь, чудная и для нас не безопасная!

«В Пермской губернии, назад тому лет шесть или семь, появился архиепископ Аркадий. Сказывает про себя, что он пришел из Японии Индийской, где какое-то есть Беловодие, и там он хиротонисан во архиепископа, и послан к нам в Россию в 1851 году; с ним пришли еще четыре митрополита, — два из них постриженные в схимники, а два непостриженные, а просто митрополиты, и пришли они из Беловодия в Россию, первоначально в архангельские леса, где и построили монастырь и утвердив в оном свою кафедру; когда узнало о том местное начальство, донесли государю Николаю Павловичу. Государь немедленно сделал распоряжение, немедленно послал в оные леса два батальона солдат, и в том же году разорили тот монастырь, а народ едва-едва кто уцелел, всех побили. Архиепископ Аркадий остался раненый, получив две раны: в руку и бедро. После чего его взяли и послали в заточение. И потом он был в разных заключениях и острогах. И потом, когда он освободился из-под ареста, приехал в Пермь, а из Пермской губернии привезли его старообрядцы в Богураслан, в деревню Коваевку. И тут местным начальством был преследован и пойман, и посажен в острог, где сидел он более года. И потом судим был Ржевским окружным судом, после чего освободился, приехав опять в деревню Коваевку. И мы, услыхав о нем, ездили к нему за триста верст от нас, и разговаривали с ним три дня. А в нынешнем текущем 1890 году, прошлого августа, он приезжал к нам, побеседовал с нами один день, и обратно уехал в Перму, где много есть ему последователей, для которых он хиротонисает им своих священников. Жизнь его чудна, как и древних святых постник и воздержник; за требы, крещения и исповедь не берет ничего. Человек он пожилых лет. Про себя сказывает: родился он в 1814 г. И он сказывает, что та страна не последовала Никонову новшеству, и не соединяются с ними: как мы старообрядцы

считаем и признаем российскую церковь, так и они, тамошние епископы. Сказывает он, что там, в Беловодии, есть и патриарх благочестивый, именем Мелетий; сказывает и то, что священницы там не то, чтобы откуда прибегли, а тамошние природные, имея рукоположение приемственное от Фомы Апостола. А на вопрос наш: как тот город зовется? Он сказал: город тот Левек, где находится патриарх, а королевство Камбайское, а короля зовут Григорий Владимирович. Приходящих от грекороссийской церкви принимает вторым чином, и нас обещал принять вторым чином, если последуем ему. Недавно мы ездили спрашивать человека деревни Черных Ключей, который послан был нами на окружный суд посмотреть и послушать, что будет говорить и показывать на суде Аркадий, и он рассказывал нам про окружный суд, как судили Аркадия. Когда, — говорит, — дело дошло в обвинении Аркадия, его спросил секретарь окружного суда: Что ты за человек? Аркадий отвечал: я архиепископ. Потом спросил: где ты ставлен? Он отвечал: в Беловодии, в Камбайском королевстве, в городе Левеке. Потом спросили: кто тебя рукополагал? Он отвечал: патриарх Мелетий с митрополиты и архиепископы. Потребовали от него ставленную грамоту и мирноотпускную, и в окружном суде секретарь читал онья грамоты громогласно, во услышание всем, и эти грамоты, ставленная и мирноотпускная, не были возвращены Аркадию и остались отобраны Ржевским окружным судом, где и теперь там находятся. И мы, любезный друг, после того в большом сделались сомнении насчет новоявившейся иерархии, потому что не можем увериться и испытать в действительности, есть ли там в Японии, или, как он говорит, в Беловодии, от Апостол проповеданное православие, так как он показывает на весьма дальнейшую страну. Мы паки покорнейше вас просим, вы может быть не слыхали ли: что это за архиепископ? Или по ведомостям что вам неизвестно ли про него? Или в особых каких-либо журналах не пропечатано ли про него? И вправду ли есть такая земля — Беловодие и такое королевство? И вы что знаете, и что вам известно о том, то, ради Господа, пропишите и нам. Затем простите Христа ради. Ждем с нетерпением письменного ответа».

На какие грустные мысли наводит нас, читатель, это письмо, выполненное простоты и искренности, горячего желания обрести истину и прямой путь ко спасению! Подумайте, – какие невероятные явления могут еще происходить среди русского народа, темного, необразованного, но верующего и пекущегося о душевном спасении, по крайней мере ищущего истинной веры и спасения! Прежде всего сам этот Аркадий, выдумавший какое-то Беловодское царство в индийской Японии, с царем Григорием (не Георгием ли?) Володимировичем²⁴, с древлеправославным патриархом Мелетием и множеством митрополий и архиепископий, объявивший себя ставленником этого небывалого патриарха, прибывшим вместе с другими такими же ставленниками в Россию, основавшим здесь в каких-то горах и вертепах целый монастырь, пострадавшим после того в гонительные, сделавшиеся легендарными для раскола, времена императора Николая Павловича, который будто бы посыпал даже войска против беловодских архиереев, и все эти нелепые сказки смело, с убеждением проповедующий не только темному народу по деревням и острогам, но и в окружном суде, просвещенным и конечно либеральным представителям российской судебной власти, – этот невероятный Аркадий не представляет ли из себя действительно невероятное, но тем не менее действительное, явление, возможное только у нас среди нашего народа?! И Аркадий, как видно, знает в совершенстве этот народ, в свою очередь представляющий из себя столь же невероятное, хотя и действительное, явление: народ слепо верит диким рассказам Аркадия, радуется, что нашел истинного «древлеправославного» епископа, и без всякого опасения принимает от него попов, обращается с требованиями к этим попам!.. Наконец и автор письма, с целым своим обществом, какое примечательное явление! По свидетельству друга, к которому он пишет, – это беспоповец, «выдающийся среди своих начитанностию в старопечатных книгах, славящийся знанием писания, и управляющий местным беспоповщинским обществом в звании наставника»; самое письмо показывает в нем человека весьма толкового, религиозного, но, очевидно, не уверенного в правоте беспоповства. И вот первые же слухи о явившемся

«древлеправославном» епископе, – о такой «новой вещи, чудной и небезопасной», – пробуждают в нем живейший интерес, который от него, очевидно, передается и прочим беспоповцам, всему их обществу: они едут к этому «чудному» епископу за триста верст, три дня ведут с ним беседы; посылают нарочных узнать, что говорил он на суде; потом и сам Аркадий приезжает к ним, проводит у них день, старается склонить их к себе, предлагая принять их вторым чином, как принимает и православных (но откуда у него миро?). После этих сведений и справок беспоповцы пришли в великое сомнение: все влечет их на сторону Аркадия, – и то, что «жизнь его (будто бы) чудна, как древних святых постников и воздержников», и то (чрезвычайно важное обстоятельство!), что он «за требы, крещение и исповедь не берет ничего», и самое главное – что выдает себя за «древлеправославного» епископа, – говорит, что получил поставление от патриарха, имеющего «преемственное рукоположение от Фомы Апостола» и непричастного никонианству, – в такой стране, где «священники не то чтобы откуда прибегшие», а «природные», поставляемые древлеправославными епископами. Но об этом-то, главном, пункте у них и возникает сомнение: Аркадий указывает уж слишком далекую сторону! – справиться не возможно, и Бог знает, есть ли там действительно древлеправославные патриарх и царь, архиереи и священники, – Бог знает, есть ли даже и страна Беловодие и царство Камбайское!.. Если бы знать, что все это есть, они сейчас бы, ни мало не думая, подчинились бы Аркадию. Как узнать? Где справиться? Вспомнился наставнику этих беспоповцев старый друг, к знаниям которого он имел и доселе сохранил доверие, хотя друг этот давно оставил раскол, – и у него-то наставник решился о всем этом спросить, и действительно умоляет его поскорее разрешить их сомнения. Друг этот, приславший нам копию его письма, конечно, откроет ему глаза, обличит обман Аркадия; но что, если бы не было этого друга, или не захотели бы беспоповцы обратиться к нему с своими недоумениями? И кто поручится, что нет и еще подобных старообрядческих (даже не старообрядческих) обществ в глухих наших деревень, так же

заинтересованных Аркадием, но не имеющих друзей, которые разоблачили бы пред ними обман самозванца? Нисколько не мудрено поэтому, что в расколе может явиться новая иерархия, сильная соперница Австрийской... Об Австрийской иерархии нам болезновать нечего; но все эти раскольнические иерархии, существующие и действующие среди русского народа, какой они колючий терн для православной российской иерархии... О, пастыри церкви Христовой! Усильте исполнение вашего великого долга – просвещать светом истинной веры темный народ, окруженный и расхищаемый Австрийскими и Опоньскими волками, Белокриницкими и Беловодскими (не говорим уже о полчищах немецких штундистов), и обратите внимание на то, чем особенно разные Аркадии располагают к себе этот простодушный народ: «жизнь его свята, как древних воздержников... за требы, крещения и исповедь не берет ничего», – было бы сказано, конечно, и за браки, если б Аркадий совершил браки.

7. Сибирские раскольники. – Мефодий и Феофилакт. – Молоканы и странники под покровом Червовых

Мы говорили прошлый раз о раскольнике – проходимце, выдающем себя за епископа, якобы поставленного каким-то небывалым патриархом Славяно-Беловодским Камбайского царства в Опоньском государстве, и о том, что сказки этого проходимца о «древлеправославных» епископах Опоньского царства производят действие на наш темный народ, что раскольники в пензенских, вятских и пермских палестинах готовы принять от него священство, а иные и принимают. Взглянем теперь, что творят наши раскольники, – эти лучшие и вернейшие граждане российского государства, как зовут их некоторые даже из правительственные лиц и какими стараются сами они выставлять себя перед правительством, – взглянем, что творят они еще далее на востоке, в сибирских краях, где на всем просторе могут показать свой истинный характер.

Начнем с поповцев австрийского согласия, почитаемых наиболее близкими к церкви и наиболее верными слугами царя и отечества, во главе которых стоят такие благодетели российского народа, как Морозовы, Солдатенковы, Бугровы... В Сибири наиболее видными представителями австрийского раскола служат: Мефодий, мнимый епископ Пермский и всея Сибири, и Феофилакт, мнимый игумен, и даже архимандрит, как он сам величает себя, настоятель самовольно основанного им около Томска довольно многолюдного монастыря. Любопытно прежде всего, что эти два раскольнические медведя не могут ужиться и в такой пространной берлоге, как Сибирь. Они представляют впрочем только подобие того, что у раскольников примечается повсюду, начиная с самой Москвы. Как в Москве Савватий, истый представитель раскольнического невежества, и его сторонники терпеть не могут «братчиков», ревнителей раскольнического прогресса, высшим представителем которого служит для них Швецов, новый еретик и изобретатель разных теорий для оправдания ложной раскольнической иерархии, так

и в Сибири Мефодий, ставленник и друг Савватия, такой же невежда, как и этот последний, ненавидит Феофилакта, состоящего в самых дружеских отношениях к «братчикам», представителя раскольнической, в духе Швецова, образованности среди сибирских раскольников. Мефодий, в мире Михаила Якимов, крестьянин деревни Выдрихи Бийского округа, был известен Савватию, когда еще этот был Тобольским лжеепископом, – должно быть Савватий еще в то время возлюбил в нем свое собственное подобие; несомненно по крайней мере, что сделавшись раскольническим архиепископом в Москве и прилагая особенное попечение о избрании и назначении в Сибирь достойного себе преемника, он остановил свое внимание именно на Мефодии, и в 1886 г. успел-таки произвести его в епископа «Пермского и всяя Сибири». Избранник Савватия, не смотря на свой мнимо-архиерейский сан, не мог приобрести никакого уважения среди сибирских раскольников, хорошо знающих его прошлое. Им известно наприм., что владыка – Мефодий, когда был еще Михайлом Якимовым из Выдрихи, считался одним из конокрадов и что однажды его, как уличенного в конокрадстве, водили по деревне с хомутом на шее: понятно, что даже и раскольникам нельзя питать к нему уважения, хоть теперь уже вместо хомута, владыка – Савватий надел на него архиерейский омофор. Московские «братчики», зная неприязнь его к их именему Братству честного креста, также отзываются о нем весьма пренебрежительно, – говорят, что архиерейским делом он не занимается и не может заниматься, а качает только зыбку с ребенком у какой-то своей родственницы. Вражда «братчиков» к Мефодию легко объясняется: преданный слуга владыки Савватия, он ненавидит Феофилакта, главного их представителя в Сибири, за которого они и мстят Мефодию. В прошлом году, 24-го октября, Мефодий разоспал даже к местным раскольническим попам, в том числе к попу Григорию Потехину, грамоту, направленную против

Мефодия, и здесь в вину ему между прочим поставляет именно его принадлежность к Братству честного и животворящего креста: «каковой братчик, писал он, не приносит

никакой пользы, кроме раздору и соблазна святой церкви Божией, рассеивает он свой змеиный яд вражды повсюду, по России и нашей Сибири. Эти братчики нигде не приняты, ни нашими духовными иерархами, ни московским Духовным Советом, и ни гражданскою властию (?); о чем нашему смирению пишут уже несколько предписаний: во-первых от его высокопреосвященства г. митрополита Белокриницкого, и московского архиепископа Савватия, и из Духовного Московского Совета, от 16-го июля 1888 г., за № 139 и 12-го мая, за № 105, 14-го марта 1889 г., за № 110, и от 2-го февраля, за № 50»²⁵. Итак Мефодий ненавидит Феофилакта и открыто ему противодействует, – не раз он даже запрещал ему священнослужение. Но Феофилакт, презирая Мефодия, мало обращает внимания на его вражду: как человек бойкого ума, хитрый и смелый, он приобрел влияние на местных раскольников, и пользуясь этим, равно как поддержкою московских друзей-братчиков, которые видят в нем передового человека из своих, нимало не стесняется угрозами и преследованиями Мефодия, совершенно независимо от него в широких размерах ведет пропаганду раскола в Сибирских трущобах. Кто же такой в действительности этот передовой друг московских братчиков? Приведем сначала известие о нем самого Мефодия в той же, упомянутой выше, его грамоте. «Человек этот, пишет Мефодий о Феофилакте, – и сейчас не имеет у себя законного паспорта, а ездит с чужим. Прежде он сидел в тюрьме 4 года, и бежал из тюрьмы, – а сидел за дурные его поступки, а не за религию, как он о себеказывает. А нас из Москвы об этом уведомили. И шатался он около Томска несколько лет и был согласия стариковцев. И когда со всякими изворотами поправил свое состояние и отправился в Россию к нашим иерархам, и они, по незнанию его обстоятельств, поставили его священником. Он прежде по мирскому назывался Филимон, а по пострижении наречен Феофилактом. И за неблаговидный его поступок в 1888 г. архиепископом московским Савватием лишен навсегда игуменства». Итак, по свидетельству самого раскольнического епископа, к епархии которого принадлежит Феофилакт, этот передовой друг

московских «братчиков», Швецова, Брилиантина и прочих, есть не кто иной, как беглый арестант, проживающий с фальшивым, чужим паспортом. Недаром он выбрал и местом жительства привольную для таких преступников Сибирь, где сначала шатался, как бродяга, среди раскольников беспоповских толков, о которых у нас будет речь дальше, и куда опять возвратился, успевши в Москве приобрести священно-иноческий чин. Обойти московского Савватия и московских братчиков ему было нетрудно, – как человеку умному (разве бывают глупцы между беглыми арестантами?), не чуждому некоторого образования (он, повидимому, учился в школе, а это большая редкость и очень ценится у нынешних раскольников), и в довершение горячему ревнителю раскола. Возвратившись в Сибирь с званием раскольнического священномонаха, он и принялся горячо за пропаганду раскола; а приобретя влияние на раскольников, начал с полным презрением относиться и к своему владыке Мефодию, который в свою очередь возненавидел его всей душой. Вот что пишут в местном органе о подвигах Феофилакта: «свою деятельность Феофилакт, по приезде в Сибирь из Москвы со званием священномонаха, прежде всего проявил в устройстве монастыря в глухой тайге, в 80 верстах от Томска, настоятелем которого, конечно, сделался сам, присвоив себе и титул архимандрита. Основанный им монастырь скоро сделался притоком подозрительных и беспаспортных лиц, проводящих далеко не монашескую жизнь. Сам же настоятель монастыря, движимый целями корыстолюбивыми и тщеславными, все свои силы посвятил на служение расколу, получая за это щедрые подарки от таких ревнителей и поборников древлеправославной веры, как знаменитый московский фабрикант Морозов (конечно Арсентий Иваныч?) и рассчитывая в скором будущем сделаться епископом²⁶, хорошо знакомый с книгами, уважаемыми раскольниками, следящий будто бы за современной периодической литературой и владеющий довольно бойким пером, Феофилакт во множестве распространяет свои послания и возвзвания среди старообрядцев»²⁷. Монастырь, совершенно противозаконным образом заведенный беглым арестантом в

70–80 верстах от Томска, в Урманском лесу, и имеющий теперь братства до 30 человек, состоит действительно из разных бродяг – раскольников, переведенных Феофилактом в австрийскую секту. Справедливо и то, что, стараясь всячески распространить эту секту, он пишет в разные места послания, искусно составленные. Мы на это имеем доказательство.

Лет десять тому назад один нижегородский беглопоповец ушел странничать, оставив молодую жену и малолетнюю dochь; после долгих странствований в Сибири, он встретился с Феофилактом, и этот перевел его в австрийскую секту, постриг в монахи под именем Марка и поселил в своем монастыре. Зная, что у Марка есть сестра, которая с мужем держится беглопоповства и расположена к принятию странников, Феофилакт задумал и их перевести в австрийскую секту: с этой целью, в августе нынешнего года, он написал им от имени Марка увещательное послание. Оно в подлиннике находится у нас, – и действительно от начала до конца писал его сам Феофилакт, собственноручно, свободным и довольно красивым полууставом, Марк же только в конце нацарапал свое имя. Мы приводим вполне это письмо, интересное как образчик рассылаемых Феофилактом посланий, и еще в том отношении, что дает понятие о сибирских бродягах-раскольниках, жизнь которых хорошо известна Феофилакту, так как к числу их он и сам принадлежал:

«Боголюбивые сродники мои по Бозе...

«Приимите от Мене, брата вашего священноинока Марка душевный привет и поклон до земли. Благодарю вас за уведомление и за все добрые ваши чувства. А затем прошу вас, о возлюбленнии, потщитесь ноне отселе истинное православие хранить беспорочно, оставьте ваше сомнение, которое господствует давно над вами. Знайте одного пастыря и учителя, законом (!) определенного вам о. Иоанна²⁸, слушайте его, одного его, и покоряйтесь всегда ему и рукоположившему его епископу. А самозванцев и лжеучителей беспоповских, льстивых, лицемерных и нечистых, бегайте, отвращайтесь и не приемлете (не приемлите) их в дом, и радуйтесь им не глаголете (не глаголите) по гласу св. Апостола Иоанна

Богослова, зане они Христову учению не следуют и других правоверных развращают. Вечное Христово священноначалие уничтожают, ему же обетование Господь положи до скончания века пребывать²⁹; а они, преокоянные, дерзают хулить и унижать оное законное домостроительство, а свое нечестивое, скверное, не омовенное и ничем законно не очищенное сонмище восхваляют и утверждают, как новые еретики лютераны, богомилы и строгольники. Поистине все беспоповцы есть ни что иное, как враги Христовы и Его священного закона, противу которого они борются злее всех еретиков, лукаво и льстиво уловляют сердца незлобивых в свои сети, а особенно малосведущих, как вас, о возлюбленные, путают сетьми, яко ловец птиц. Всегда эти нечестивцы говорят всем и везде: нынешние попы – волки, они слабо живут и любят мзду и делают неправду. А сами, омраченные слепцы и прелестницы, жизнь проводят хуже скотов и зверей, и горше всех еретиков, и самих жидов и магометан и язычников. Все еретики имеют у себя по одной, по две, или по три и много по семи жен: а сии скверные числа не знают в своих наложницах, и с ними всегда живут, сквернятся, родят и морят, и все мерзости делают, о них же срам есть и глаголати. И за все это покаяния законного не имеют и никогда об этом не заботятся, как истинные христиане, а притом же и прочих всех хотят вринуть в ту же пропасть безбожия и содомства. Все это я говорю истинно и неложно: все эти мерзости нам хорошо известны, потому что эти нечестивые странники-бегуны, ярославские, турецкие, часовенные, близко от нас живут, и часто ссорятся и дерутся из своих любезных в нашем виду. А если кто не поверит, – то потрудитесь приехать посмотреть, мы укажем это исчадие ехиднино: забились в лес и живут хуже медведей и волков, и чрез это срамят и чернят – других. Вот поэтому, возлюбленные, прошу вас, Христа ради, со слезами, бойтесь этих скверных людей и больше одного дня не давайте им жить у вас в доме»...

Таков обращик красноречивых посланий сибирского Швецова, рассыпаемых им ради утверждения и распространения австрийской секты. Феофилакт, действительно, искусный и красноречивый, в раскольническом

смысле, сочинитель; но для нас в его сочинении особенно интересно описание нравов и жизни сибирских раскольников, сделанное им, как видно, на основании личных наблюдений и собственного опыта...

На родственников Марка красноречивое послание Феофилакта не произвело желаемого им действия; напротив, они возмутились наглым лицемерием Феофилакта и ответили Марку очень резко. Приведем место из их ответного письма:

«Весьма скорбехом доднесь душею о тебе, братец, жалея многолетних твоих суэтных трудов во лжеименитом оном монастыре. Лучше бы тебе, братец, самому себе повесить на шею жернов ослий, нежели оставить молодую жену свою ввергнуться в прелюбодеяние и дочь твою, достигшую теперь 18 лет, с юных лет скитаться по чужим работам. Вам бы с вашим лжеигуменом Феофилактом не чужие грехи разбирать, а лучше бы помянуть свои. Писано есть в Беседах апостольских: аще кто о своих домашних не печется, таковый веры отвергся, горше неверного есть; и паки писанию глаголющу: прилепился жене, не ищи разрешения. Этот суд падет тяжко на вас с Феофилактом... Ох, братец, до чего вас довели ваши безблагодатные учителя! Письмом вы зовете нас к себе для показания нам живущих около вас содомлян, творящих всякие преступления. Зачем нам ехать столько тысяч верст к вам за Томской смотреть такие беззакония? Надо бежать и от слуха того; таковые преступления подлежат смотрению только полиции. А ваше преподобие их знаете и описуете, и нам обещаете показать! Мы жалеем тебя, братец, что ты покорился под власть тайного волка, антихristova слуги Феофилакта лжеигумена вашего: последнее слово видим на письме подписано твоей рукой – Марк, а все письмо – рука Феофилакта, его слог и разум...»

И так поповцы по австрийскому священству, признаваемые наилучшими гражданами российского государства, имеют своими главными представителями на сибирском приволье – конокрада, именующегося епископом, и беглого арестанта, проживающего с чужим паспортом и именующегося игуменом, даже архимандритом, устроившего из разных бродяг целый

монастырь, в котором и игуменствует! Каких еще нужно доказательств, чтобы убедиться, что наши старообрядцы по австрийскому согласию наилучшие граждане российского государства, свято исполняющие его законы? По Феофилакту мы не стали бы, конечно, судить о целом обществе раскольников австрийского согласия (какое же общество свободно от преступников?); но ведь этот Феофилакт почетное лицо в австрийском расколе, он друг самых видных, «интеллигентных» его представителей – Швецова, Иголкина, Брилиантина со всеми его «собратчиками», – это соль австрийского раскола, его «зеленеющие древесы»... Да и сам Швецов, сами «братчики», пользующиеся подпольными типографиями для печатания своих клевет на церковь, много ли лучше Феофилакта?..

А каким гнусным развратом и какими вопиющими преступлениями заявляют о своем существовании на сибирском просторе раскольники разных других сект, это читатели могли видеть отчасти из того, что говорит в вышеприведенном письме Феофилакт, в этом случае свидетель, достойный полного доверия. Дополним сказанное у него рассказом еще одного близкого свидетеля, бывшего странника. Вот что он пишет нам о себе самом и своей жизни среди сибирских раскольников, странников и молокан:

«Малолетним сиротою я поступил в услужение к ростовскому (Ярослав, губ.) купцу Павлу Куликову. Он был раскольник поморского безбрачного толка. У него были еще два брата, Федор и Семен. Жили на три дома, каждый с своим семейством, но без раздела. Все любили принимать странников, особенно раскольнических. Сын Павла Куликова Иван и сам ушел странствовать под именем Василия, сделался бегуном по Сапелковскому согласию: здесь он приобрел влияние и известность, – после Никиты Семенова был едва ли не первым учителем. Павел Куликов был очень расположен ко мне; но сын его Иван, посещая иногда отца, своею проповедью увлек и меня в странничество. Он наговорил мне, что мир есть темный Вавилон и что всякий, кто желает спасения, должен из него бежать, и бежать невозвратно, как Лот из Содома, не

оглядываясь назад, чтобы не сделаться, как жена Лотова, столпом сланым. А как живут эти странники, удалившись якобы из Содома, об этом страннический учитель, Василий, или Иван Павлов Куликов не говорил мне. Уже потом, увлекшись его проповедью и странствуя, увидел я, что там-то, в обществе странников, и есть настоящий Содом и Вавилон. Не найдешь у них наставника, который не имел бы при себе помощницы, да и редкий странник не имеет их, иногда по две и больше. Из-за этих сожительниц происходят между ними постоянные споры, драки и нередко убийства. Сам Василий, или Иван Куликов, из-за женщин едва не поплатился жизнью, – и его, учителя, едва не посадили на нож, как он сам говорил мне. Насмотрелся я всего этого, странствуя 7 лет, и решился бежать из этого действительного Содома.

«Большую часть страннической жизни я провел в Сибири. В 1870 году пешком пришел я в Каинский округ, Томской губернии, на верховье речки Коргата: здесь в степи, или, по сибирскому, в лесном урмане, жил тогда, года за два перед тем поселившийся здесь, 70-летний старик Макар Яковлев Чернов с своей «стряпухой» Катериной Дмитревной. Эта Катерина Дмитревна была великой проповедницей и сильной распространительницей молоканства в сибирском крае: в течение 80 лет она совратила в молоканство больше тысячи человек. Прежде Макар Чернов жил с семейством верст за 500 от Коргата, по сибирскому тракту к России, в Карасульской волости Омского, или Тюкалинского округа. У него четыре сына: старший, Вонифатий, имеет большой капитал, прочие трое – Петр, Ефим и Степан занимаются скотоводством в огромных размерах и живут с семействами. По их фамилии и заемка зовется Чернова; она известна по всей той стороне, – теперь как большая, богатая деревня, домов в двадцать. Лет сорок тому назад к Макару Чернову явилась какая-то неизвестная странница, вступила с ним в связь и осталась у него на жительство: это и была упомянутая Катерина Дмитревна. Кто она такая и откуда пришла, – в точности неизвестно, – толкуют, что она какая-то важная преступница, бежавшая из Петербурга, и что Чернову она принесла много денег, откуда и началось его богатство. И по

всему видно, что она не из простого звания и, должно быть, ученая, – Библию знает почти всю наизусть и толкует ее хорошо и искусно, особенно разные пророчества, все на молоканский лад; говорить большая мастерица. Черновых она скоро обратила в молоканство. Лет тринадцать Макар держал ее секретно; потом слухи о ней прошли в народе, как о великой начетчице, и она уже открыто начала распространять молоканское учение. В конце шестидесятых годов Макар Чернов с своей «стряпухой» переселился на Коргат, где я и нашел его. Здесь он с своей Катериной сильно распространил молоканство, – много живет вокруг богатых молокан, – живут больше однодворками. Таковы напр. Павел Егоров, Чернов же по фамилии, и Аверьян Павлов, большие ревнители молоканства: оба они лет по пяти скрывались в бегах, скитаясь с другими беглыми молоканами, а теперь живут в известности, занимаются скотоводством и Павел Егоров считается богачем. Макар Чернов жил на Коргате лет пять; потом с своей Катериной переселился верст за 300, в Урманские леса, к своему младшему сыну Степану, который ушел сюда с семейством, скрываясь от воинской повинности. И прочие три сына его также продали свои заемки и из-под Омска переехали жить в Колыванский округ, на верховье речки Шагарки, построили здесь три дома и завели скотоводство. Место здесь было совсем пустое, – от самой деревни Черемшанки верст на 30 не было жителей; а теперь, при помощи Черновых, много развелось здесь молокан. Черновы нарочно и выбрали это место для заемки, чтобы можно было удобнее скрывать беглых и пропровождать их дальше вглубь лесов: там живет теперь беглых более 200 человек, – все молокане и странники; главное место их жительства верстах в полутораста от заемки Черновых – Шагорки и дорога к ним от этой заемки идет все глухим лесом. Даже сестра Черновых, Марья Макаровна, ушла к беглым молоканам. Чтобы дать понятие, что за народ живет здесь под защитой Черновых, приведу один пример. У барнаульского купца Меншикова приказчик Дмитрий Павлов украл 6000 руб. денег и на хорошей его лошади уехал к Черновым: эти спровадили Павлова в лес, где он скорешенько нашел

любовницу и обзавелся домом. Между тем мать Павлова возбудила против Меншикова дело о пропавшем сыне, обвиняя его чуть не в убийстве приказчика. Сын прислал матери письмо,— уведомляя, что живет в лесах и женился; однако мать не прекратила дела, в надежде получить с Меншикова хорошее вознаграждение. В 1888 году, по просьбе Меншикова, которому также сделалось известным, что Павлов живет в лесах у молокан, томский губернатор сделал распоряжение, чтобы произведены были поиски в населенных молоканами лесах. Более сорока понятых две недели ездили по лесам, видели множество построек и проложенных дорог: будучи закуплены Черновыми, никого не тронули. Но между понятыми были люди Меншикова, и им-то одна женщина указала, где живет Павлов: его взяли и представили начальству. Меншиков рыдал от радости, что освободился от всякого подозрения, — это дело стоило ему расходов более 10.000 р.. Что же стало с Павловым? — при содействии Черновых он успел уйти опять в лес, где и живет теперь с своей мнимой женой. Живя около Черновых я и насмотрелся, какие дела творят эти странники-молокане. Сколько там всякого разврата, даже противоестественного! сколько убийств из-за любовниц, которых отнимают друг у друга! Последние годы я поселился на Шагорке, верстах в пяти от Черновых. Тут шла дорога, по которой беглые имели сообщение с Черновыми, и я просил, чтобы мимо меня не ездили, так меня едва не убили и грозили сжечь вместе с избой. Обратился к Черновым с просьбой о защите; они отвечали: если не будешь с нами, так тебе и надо! После этого я бросил все, и ушел на родину»...

Корреспондент наш приложил и стихи, в которых описал гнусную жизнь сибирских странников и молокан. Приведем некоторые:

Не следят ведь прокуроры,
Что творят в Урмане воры.
А урманский-то народ,
Больше с каторжных работ
.....
И от этих грехов ад

Сам попятился б назад;
Сатана-то не решится
То творить, что там творится...

Вот, два достоверные свидетеля, – раскольнический лжеигумен, друг г. Швецова с «братьчиками», и бывший странник, приподняли край завесы, за которою цветет и ширится на сибирском просторе наш многоглавый раскол, имеющий здесь полную возможность показать себя во всей омерзительной наготе. Беглый арестант, называющийся игуменом Феофилактом, имеющий связи с «интеллигентными» московскими старообрядцами, заводит в лесу неведомый правительству многолюдный монастырь из таких же бродяг, как и сам, и посредством проповеди и посланий распространяет австрийский раскол; целая семья богатых молокан заводит на разных местах займки, собирает вокруг себя молокан и странников, большую часть которых составляют беглые каторжники, и в непроходимых лесах Сибири устроются ими притоны, где господствует гнуснейший разврат, совершаются убийства и всякие преступления. И, конечно, Феофилакты с Черновыми не единичные явления. Уже ли и после этого может быть сомнение, что наш раскол, во всех его видах, от австрийцев-окружников до молокан и странников включительно, есть великое зло, с которым следует бороться, и не духовными только средствами? Духовные средства, разумеется, прежде всего; они ведут к уничтожению зла в его корне; но самые преступления уже ли должны оставаться безнаказанными и тем самым, так сказать, поощряться? А между тем... между тем у нас господствует убеждение, что раскольники самые лучшие, верные и честные граждане российского государства, и даже преступления, совершенные во имя и под знаменем раскола, пользуются привилегией ненаказуемости, точно как в известных государствах Европы так называемые политические убийства...

8. Швецов на пути к свободе. – Встреча и разговор с посетителем Швецова. – Московские друзья его и недруги. – Дружеский адрес Швецову. – Любопытный документ. – „Две встречи»

Первый акт швецовской драмы окончен, и именно так, как следовало ожидать: г-н Швецов отдан на поруки одному из местных богатых раскольников, внесшему за этого драгоценного арестанта немалую сумму денег, может быть своих, а может присланных из Москвы, так как известно, что из Москвы, именно с целью хлопотать о взятии Швецова на поруки, ездили родственник и сотрудник этого последнего, известный читателям раскольнический поп-ругатель Дмитрий Смирнов и два какие-то купца. Надобно ожидать, что так же счастливо для Швецова разыграются и два остальные акта его драмы: «пребывание на поруках» ознаменуется, конечно, приездом раскольников с разных мест на поклонение «страдальцу», а сей мнимый страдалец, в этом звании, еще с большим авторитетом будет утверждать посетителей в своих еретических учениях о церкви и о «подлетном» рождении Сына от Отца, да займется на досуге изложением своих ересей в новых сочинениях, которые его «подмастерьями» будут воспроизведены на его же собственном нижегородском (или, пожалуй, на московском, под наблюдением Брилиантова) «инструменте для удочек» в то самое время, как он будет прохлаждаться в доме своего богатого «поручителя»; а затем, вероятно, и «суд» больше внимания обратит на достойную якобы безусловного уважения свободу совести и убеждений, а не на то, что свои «убеждения», то-есть свои ереси и лжи о церкви, г-н Швецов распространяет посредством найденных при нем сочинений, противозаконно напечатанных им за границей и в подпольных типографиях, так что из суда раскольнический лже-апостол выйдет, пожалуй, с поднятой головой, и еще смелее будет распространять подпольные издания, которые к тому времени будут

приумножены его «подмастерьями» – Смирновыми, Брилиантовыми и компанией. Так мы предполагаем; а что будет, увидим.

Кстати о посетителях Швецова. Поп-ругатель Смирнов не ограничился тем, что имел свидания в Сураже с заключенным другом и учителем своим, но ездил и в Чернигов разузнавать о положении его дела у губернских властей, и кроме того похлопотать об открытии вновь построенной в Воронке раскольнической моленной. Значит в посадах этот московский посол явился лицом авторитетным, ходатаем по раскольническим делам. Он вел также беседы в слободах для утверждения среди раскольников ложной австрийской иерархии, и таким образом восполнил то, что не удалось сделать Швецову, в духе которого и даже словами которого он обыкновенно ведет пропаганду раскола. Любопытно, что в Гомеле он встретился с назначенным в священники к Новозыбковской единоверческой церкви калужским миссионером Рябухиным, ехал с ним в дилижансе до Чернигова, часто видался в Чернигове, и все это время вел с ним оживленные беседы о церкви и расколе. Отец И. Рябухин прислал нам любопытное описание этих бесед с Смирновым³⁰. Ученик Швецова, разумеется, излагал швецовские «теории вселенской церкви», якобы обнимающей собою все времена и народы, и церковь небесную и церковь земную, и праведных и грешных, и правоверных и еретиков, от которых поэтому, как принадлежащих к церкви вселенской, и могла заимствовать священством лишенная оного старообрядческая «древлеправославная» церковь, – что лишиться православного епископства может вся церковь, как будто бы и бывало на самом деле, – и прочие, и прочие безумные глаголы... Когда же собеседник потребовал доказательств в подтверждение этой швецовской премудрости, то Смирнов уклонился от приведения доказательств, извиняясь неимением нужных для сего книг. Собеседник предложил ему – явиться на публичную беседу в Воронок, где в его распоряжение будут предоставлены и книги. Но вот что сказал ему на это г-н Смирнов: «а мне одной участи со Швецовым не будет? в тюрьму не упрячут»? Слова

интересные и часто употребляемые теперь раскольниками, — самые современные и модные! Их провозгласил уже с особенным, заранее рассчитанным эффектом какой-то раскольник на московских публичных собеседованиях; повторяет Смирнов; повторяют, конечно, и многие из раскольников. Смирнову очень хорошо ответил его собеседник, что «Швецова за беседы с миссионерами нигде не брали (он свободно витийствовал даже в Петербургских аудиториях), и взят он не за беседы, а за подпольные сочинения его, которые без дозволения правительства печатал и распространял». У Смирнова-приведенные слова звучат скорее насмешкой, нежели действительным опасением. Он произносил эти пустые слова, смело являясь ходатаем не только за арестованного, но и по другим делам раскольников пред незнакомыми ему даже губернскими властями, и смело рассчитывая на успех своих ходатайств, — произносил, имея уже решительное намерение — вести беседы с слободскими старообрядцами для утверждения между ними австрийского раскола; эти пустые слова служат и являются только удобным предлогом, уловкой, чтобы уклониться от бесед с православными миссионерами, на возражения которых не так легко отвечать, как проповедовать раскол темному народу. Если бы и Швецов явился в стародубские слободы беседовать с миссионерами, он не подвергся бы никакой неприятности; но с своим попом Максимом он составил какую-то таинственную, ночную сходку и этим возбудил подозрение местного полицейского начальства. И тут дело обошлось бы без неприятности для него, так как паспорт его оказался в порядке, — в нем он значится тем, что есть в действительности, т.-е. крестьянином Владимирской губернии, а не каким-то соломенным священноиноком Арсением. Но при нем оказались в большом количестве разные подозрительные документы и подпольные книги его издания, — и вот он в силу законов подвергается суду. Каждый благонамеренный российский гражданин должен радоваться, что закону дана хоть в этом случае сила, и желать, чтобы он исполнен был до конца. Весьма любопытно также замечание Смирнова по поводу найденных при Швецове книг: «или

несладки вам его (швецовские) сочинения? – сказал он; хороша же ваша церковь и сильна, когда не справится духовным мечем с одним Швецовым и берется опять за старую азбуку – истязывать и в тюрьму сажать!... И опять очень верно заметил ему на это его собеседник: «церковь тут не при чем и не церковию он взят, а полицейскою властию, которая обязана арестовать всякого, кто хотя бы и басни, или сказки стал печатать и распространять без дозволения правительства». Яды не страшны и не опасны для тех, кому известны их свойства и действия, и кто знает, какое нужно употребить противоядие для устранения их действия; но они гибельны и убийственны для тех, кто не знает их и употребляет вместо целебного средства; знающие должны предохранять неведущих от неосторожного обращения с ядами, а имущие власть должны способствовать всеми мерами изъятию их из употребления. Так и сочинения Швецова, пропитанные тонким, убийственным раскольническим ядом, для православной церкви и верных сынов ее, хорошо знающих ее учение и лжеучение раскола, нимало не страшны и не опасны; но они опасны и крайне вредны для людей малосведущих: долг пастырей церкви предохранять этих людей от заражения ядом швецовских лжеучений, а долг власти – заботиться об изъятии этого яда из обращения и употребления в народе. Этой простой истины не могут понять только Смирновы, Иголкины, Брилиантовы, сами до мозга костей пропитанные ядом швецовских лжеучений. А что Смирнов в арестовании Швецова винит духовное правительство и по сему случаю изрыгает на него всевозможную брань, этого нельзя ничем объяснить, кроме свойственной ему грубости и дерзости. Отец И. Рябухин пишет, что Смирнов произносил на Святейший Синод и православных архипастырей такие ругательства, которых невозможно и повторить. И это в разговоре с православным; а что же говорит он, беседуя с раскольниками? Лаяния Смирнова, конечно, относит ветер; но не позор ли для наших старообрядцев австрийского согласия, с их глаголемыми архиепископами, епископами и священниками, что они спускают с цепи таких лаятелей, да еще под именем священников, ездить повсюду и лаять на церковь? Мы хотели прибавить: не стыдно

ли за таких лаятелей интеллигентным представителям австрийского раскола в среде именитого московского и всероссийского купечества? – но вспомнили, что первый из сих представителей, пресловутый Арсентий Иваныч Морозов, и сам не уступит Смирнову в ругательствах на церковь... Г-н Смирнов и нам сделал честь своими ругательствами. Это по крайней мере понятно: выражаясь его языком, можно сказать, что мы очень «не сладки» для него со Швецовым, и на нас он может лаять сколько угодно.

Есть однакоже и такие старообрядцы австрийского согласия, которые по случаю швецовского ареста, сетуя и жалуясь на строгие якобы меры правительства, в сущности довольны и рады, что Швецова припрятали. В Москве к таким принадлежат даже заправители раскольнических церковно-иерархических дел – сам Савватий, Петр Драгунов, Перетрухин. Одни рады этому по личной вражде к Швецову, другие потому, что считают Швецова и его деятельность, особенно его еретические сочинения, не полезными для старообрядчества. Завзятыми, слепыми его почитателями должно считать собственно «братчиков» и всю их партию в австрийском расколе: пропитанные ядом швецовских лжеучений, свыкшиеся с постоянным употреблением его в свою духовную пищу, они и действительно считают его за здоровую пищу. У нас давно имеется копия некогда поднесённого «братчиками» адреса Швецову: считаем не излишним напечатать теперь этот адрес, чтобы читатели могли видеть, до какого, можно сказать, идолопоклонства пред Швезовым дошли эти жалкие «братчики», утратившие действительно самую способность отличать здоровую пищу от ядовитой, истину от лжи, правое учение веры от ереси.

Адрес.

«Благоревностный защитник святого древнего благочестия достопочтеннейший отец Арсений!

«Христолюбивое братство наше, воспоминание приемля о сущей в тебе нeliцемерной вере, которая свидетельствуется в вас неусыпными трудами вашего преподобия, служащими на благо и пользу св. Христовой церкви, из числа таковых трудов

вашего преподобия братство наше множество имеет под руками, и прочитывая оныя не может не мыслить, чтобы таковое медоточивое собрание слова Божия (?), учения вселенский церкви (?) и отец ее (?) могло вытекать из победоносного пера вашего, без внушения вам Св. Духа (!), а потому таковые богодухновенные (!) труды ваши, в особенности последний, заключающийся в издании вами «Истинности старообрядствующей иерархии», считаем яко манною, сходящею с небесе для утоления духовного глада истинных христиан³¹, и наоборот имеющими силу ободруострого меча против врагов древнего благочестия, которые при нападении на оное, посекаются ими, как первородные в домах, в которых не покраплены были праги кровию агньчью³². Кроме сих почтенных трудов ваших, братство наше имеет в памяти ваши устные состязания с таковыми же врагами древнего благочестия, в особенности же происходящие в северной столице С.-Петербурга, на которых вы, во очею всех присутствующих показали себя истинным патриотом Христовой церкви³³, и раскрывали, с подобающей вам честию, истинный, здравый и правильный смысл священного и святоотеческого писания, чем и отражали, как воин Христов, все их кривотолкованные и хитросплетенные обвинения, направленные ими к уничтожению Христопреданной иерархии и содержимого нами святого древнего благочестия³⁴. Благодарение Господу Богу, что враги древнего благочестия в духовных сих состязаниях понесли полное от вас поражение, с причинением смертельно духовных им ран, которые едва ли возможно когда либо считать излечимыми³⁵.

«Имея в виду все вышеизложенное, братство наше усматривает в Боголюбезных трудах вашего преподобия нетолько чтоб вы искали в них пользу свою, но вы, как апостолы Христовы ищете пользы многих да спасутся³⁶, за что и благодарение Господу Богу, что силен же Бог всяку благодать изобиловать в вас, да о всем всегда всяко довольство имуще избыточествуете во всяко дело благо, и да умножит Господь духовное семя ваше, и да возрастит жито правды вашей по всей земле³⁷.

«В заключение же всего, братство наше дерзает сим принести душевную свою вам благодарность за премногие, многотрудные, многополезные и душеспасительные и служащие в защиту св. древнего благочестия труды ваши, которые будут сиять на страницах истории и переходить от потомства к потомству в незабвенную память вашего преподобия, и вместе с сими пожеланиями молим Господа Бога о продлении вашей драгоценной жизни на многие и многие лета, и да ниспослет вам Вседержитель силу и мужество во многотрудных и душеспасительных делах ваших, служащих на истинную пользу святой Христовой церкви, аминь».

За сим следуют подписи председателя, его помощника и членов «Старообрядческого братства имени честного п животворящего креста Господня в Москве».

Прочитав этот удивительный адрес, легко понять, что арест Швецова никому не был так прискорбен, как московским «братьчикам» со всей их партией, и что один из сих «братьчиков», наиболее яростный, лже-поп Смирнов, не мог иначе, как с злейшими ругательствами, говорить даже о Святейшем Синоде и православных архиастырях, нисколько не виновных в постигшей Швецова участи.

Но и участь эта совсем не плачевна; Швецов, как мы сказали, находится на пути к полной свободе. Все сетования старообрядцев на стеснение их свободы, все расточаемые Смирновыми за это мнимое их стеснение дерзкие ругательства на совсем невинных людей, – все это напрасно, не к месту и не ко времени. Как свободно чувствуют себя раскольники в настоящее время и какими широкими правами пользуются, по их собственному сознанию, это очень хорошо показывает один весьма любопытный документ, с которым мы также намерены познакомить читателей. Документ сей есть свидетельство о бытии на исповеди, официально выданное одному мальчику, поступавшему в гимназию, для представления гимназическому начальству, – и кем бы вы думали выданное? Настоятелем и уставщиком беспоповщинской поморской моленной! Вот подлинный текст свидетельства:

«Выдано сие от молитвенного дома христиан-старообрядцев поморского законообразчного согласия г. Тулы, в том, что (такой-то) от рождения принадлежащий означенному по вере согласию, в говение Страстной недели настоящего 1890 г. совершил таинство покаяния (мальчик совершил таинство!), с исповедью, по обряду означенных старообрядцев, в чем удостоверяем. Марта 30-го дня 1890 г. г. Тула. Настоятель Григорий Семенов Пальцов. Уставщик Денис Васильев Батов».

Дело, разумеется, не в этой нелепости, что мальчик будто бы «совершил таинство покаяния», которого у беспоповцев и «отцы» их не совершают и совершать не могут,— важно то, что раскольники считают себя в праве выдавать подобного рода свидетельства для представления оных в правительственные учреждения. Можно было бы даже усомниться в подлинности подобного документа, если бы нам доставлена была лишь копия с него: но пред нами самый подлинник, с нацарапанною подписью настоятеля и бойкой, прикащической почерка, подписью уставщика, и даже с приложением сургучной печати, на которой в средине, под всевидящим оком в треугольнике³⁸, помещена следующая надпись славянскими буквами: «Молитвен. дома старообрядцев поморского согласия в г. Туле», а вокруг: «Бог нам прибежище и сила помощник в скорбех обретших ны зело». О вольных скорбях совсем некстати говорят раскольники в печати, приложенной к документу, о котором идет речь; он служит, на против, несомненным свидетельством, что наши старообрядцы живут безбедно, пользуются всеми правами,— не только посылают детей своих в гимназии (и хорошо делают), но и снабжают их подобного рода документами. Будет же вам, г-да старообрядцы, кричать о гонениях; перестанем и мы говорить пока о ваших неуместных сетованиях... ³⁹

Две встречи (Письмо священника И. Рябухина.)

В половине сентября, на пути из Калуги к месту моего нового служения, в Черниговскую епархию, именно на железной дороге между Калугой и Тулой, в вагоне встретился я с иноком Белокриницкого монастыря Ипатием, ехавшим в Москву, и имел с ним продолжительную беседу. Сначала шел у меня разговор с одним боровским раскольником. Он утверждал, что православная грекороссийская церковь приняла и содержит все ереси. Но когда я поставил ему вопрос: в чем же именно погрешает грекороссийская церковь против евангельского и апостольского учения, также против постановлений седми вселенских и девяти поместных соборов? – то борович раскольник не нашелся, на что указать, и принужден был со стыдом замолчать. Тогда-то и вступил в беседу другой спутник, оказавшийся иноком Ипатием, как потом он сам себя назвал. Желая именно поддержать своего собрата, он говорил приблизительно так: «Ваша церковь при Никоне столько наделала убавлений и прибавлений против вселенских соборов, что и перечесть невозможно». Я попросил и его указать, что же именно православная церковь прибавила к соборным постановлениям, или убавила из них? Ипатий ответил: «Да мало ли! Вот например хоть о кресте сказать, – ведь истинно-древнее перстосложение было двуперстие, а ваша церковь отменила его и ввела троеперстие; еще – вместо сугубой аллилуией трегубить повелела; вместо седми просфор пять установила. Да всего и трудно перечесть, что она убавила и прибавила». Выслушав это, я попросил собеседника указать, какой именно собор из седми вселенских и девяти поместных установил двуперстие, сугубую аллилуилю и седмипросфорие. Ипатий сказал: «о двоеперстии свидетельствуют книги: Кириллова, Великий и Малый Китихизис и другие; о седми просфорах и о сугубой аллилуилю есть писано в Служебниках и Потребниках.». На это я заметил собеседнику, что в поименованных книгах о всем этом действительно говорится; но разве эти книги – постановления вселенских, или поместных

соборов? И разве, говоря о двуперстии, сугубой аллилуйи и семипросфории, они назвали их установлением какого-нибудь из семи вселенских и девяти поместных соборов? Нет, это не соборные установления древней вселенской церкви, а обрядовые обычаи, принятые русскою церковию, и притом незадолго до патриарха Никона. И те обряды, которые взамен их приняла грекороссийская церковь при патриархе Никоне, не Никоново нововведение, а всеобдиржно употреблялись и употребляются издревле в восточной церкви. В подтверждение этого я привел несколько свидетельств. Затем я постарался раскрыть, что перстосложение для крестного знамения, сугубое аллилуйя и проч. не догматы веры, а обрядовые установления, которые находятся всецело во власти церкви, которая может по благословной вине изменять их и отменять. В заключение я снова попросил собеседника указать, в чем погрешает православная церковь против Евангелия, апостольского и святоотеческого соборного учения. Ипатий ничего на это не ответил. Тогда я перешел к вопросу о церкви. Сказав, что истинною Христовою церковию может быть только то общество, которое имеет все существенные ее признаки, как-то полноту церковных таинств и строителей сих таинств, – таких, которые ведут свое начало непрерывно, через другопреемство апостольское, от самого Христа, с которыми сам Господь обещался пребывать во вся дни и до скончания века, – сказав это, я попросил старообрядца-собеседника ответить: имели ли старообрядцы, по отделении своем от грекороссийской церкви, полноту церковных таинств, в частности же: совершалось ли у них таинство священства и были ли строители, или совершили сего таинства? Ипатий вынужден был сознаться, что таинства рукоположения и строителей сего таинства – епископов старообрядцы не имели; но этот недостаток, говорил он, нужды буди пополнялся у них от ереси приходящими иероями. На это я заметил ему, что у Христа, или, что то же, в Его церкви вселенской, которая есть тело Его, нужды и недостатка быть не может, ибо Христос церковь свою, создав, освятил кровию своею, соделал чистою, не имущею скверны или порока, или нечто от таковых, и обещал сохранить ее

таковою, непорочною, от врат адовых не одоленною, до скончания века. Приведя несколько свидетельств о вечности церкви, я объяснил слушателям (их собралось около нас до 20 человек), что это за нужда старообрядцев, о которой упомянул мой собеседник и которая заставила их обращаться за священством, как они сами говорят, к еретикам. Потом, обращаясь к собеседнику, я сказал: у Христа и его церкви не было и не может быть нужды; а у вас не стало и не может быть святых таинств, ни строителей сих таинств, – и вот вы недостаток святыни, по вашему, пополняли еретическим священством. Хорошо пополнение! Правда святые отцы установили правила для принятия еретиков; но устанавливали таковые, сами не имея никакой нужды в еретиках; не церковь нуждалась в еретиках, а напротив еретики нуждались в общении с церковью, и для их спасения церковь установила разные способы примирения их. Собеседник мой на это ничего не возразил; а борович-раскольник, видя, что инок не в силах защищать старообрядчество, стал ему говорить: «отвяжись от него, ведь это отступник из нас же, – разве его переговоришь». Инок Ипатий заинтересовался этим известием и стал у меня расспрашивать, что понудило меня оставить старообрядчество. Я объяснил ему. В свою очередь и он рассказал мне, что родина его за границей, что он много времени жил там и постригся в иночество; хорошо знает лже-епископов Анастасия Измальского, Афанасия Белокриницкого, Феодосия Боровского – проживающего теперь на острове Вилке, и друг. Видел и знает Верховского, Швецова, Пафнутия. Обо всех этих лицах он отзывался очень не одобрительно, да и об русских раскольнических епископах говорил с укоризною. На мой вопрос: почему старообрядческие власти не ставят на Калужскую епархию никого в епископы вместо двух выбывших (Феодосия и Тарасия)? – Ипатий ответил: «а для чего ставить? чтобы ссориться и вражду иметь друг на друга? – какие и наставлены, так не знают что с ними делать!.. Какое теперь архиерейство! – только бесчиние одно творят да проклинают друг друга». На это я заметил своему собеседнику: при таком мнении о своих епископах, которые и на самом деле незаконны

и безблагодатны, как вы можете надеяться получить чрез них разрешение грехов в наследие жизни вечной? Иноч Ипатий отвечал: «Не верю я им и ничего не надеюсь получить чрез них... Время теперь последнее, и имущему разум остается следовать учению священно-инока Аввы Дорофея: спасаяй кожно да спасет свою душу».

Но тут поезд остановился, и мне пришлось прекратить беседу с Ипатием, продолжавшуюся около пяти часов сряду, и расстаться с этим откровенным раскольническим иноком. Сей собеседник мой между разговорами объяснил мне, что вследствие бесчиния, распрай и междоусобий, происходящих в Австрийской иерархии, оставил навсегда свою родину и едет на постоянное жительство в Москву, где у него есть благодетели, которые обещали дать ему покойное и уединенное жилище, где он предастся размышлению, какой путь избрать себе для удобнейшего достижения спасения души. Я советовал ему искать успокоения в монастыре о. архимандрита Павла.

В Гомеле случай свел меня с другим любопытным собеседником, раскольническим попом Димитрием Смирновым. Мне пришлось ехать с ним в дилижансе до Чернигова, и всю дорогу мы вели разговор о религиозных особенностях между православием и старообрядчеством. В Чернигове мы остановились на подворьях не подалеку один от другого и в течение четырехдневного моего пребывания там мы также все вечера проводили в беседах. Смирнов нарочно приехал в Чернигов с воронковским купцом Макаровым проведать по гражданскому начальству о ходе дела относительно новоустроенной в Воронке раскольнической маленкой и особенно о судьбе Онисима Швецова.

В беседах со мною Смирнов уклонялся от рассмотрения вопросов о церкви, а старался более вести речь о клятвах собора 1667 г. и о прежних полемических книгах, содержащих якобы «страшные порицания и злохуления на святую старожитность». Один раз только мне удалось настоять, чтобы Смирнов побеседовал о церкви, и вот в каком порядке происходила эта беседа.

Я просил Смирнова ответить мне прямо: старообрядцы, по отделении своем от грекороссийской церкви, в продолжение 180 лет составляли ли святую соборную, т.-е. вселенскую церковь? Смирнов ответил: «Вселенская церковь не объемлется ни местом, ни временем. В состав ее входят все святые на небесах и все верующие на земли. Небесной церкви дано торжествовать, а земная по временам может колебаться». На мою просьбу объяснить: как и в чем может колебаться на земли вселенская церковь? Смирнов отвечал: «это вопрос обширный; решить его по пальцам нельзя; для сего нужно иметь под руками различные истории христианской церкви, и по ним можно видеть жизнь и колебание церкви». Я спросил: но может ли церковь в своем колебании, выражусь вашими словами, лишиться полноты церковных таинств и богоучрежденной иерархии? Смирнов ответил: «таинства церковные совершаются такими же смертными людьми, хотя и священными, которые ни чем не акредитованы от греховного падения, или еретического заблуждения; а посему церковные таинства сами по себе святы, совершили же таинств, как люди, могут заблуждаться, падать и опять восставать». – О строителях церковных таинств, – заметил я, – поговорим после; а теперь скажите мне: совершились ли у старообрядцев в продолжение 180 лет все богоустановленные церковные тайства, которые и по вашим словам всегда остаются святы? Смирнов сказал: «Совершились». – Кто же, – спрашиваю, – совершал у старообрядцев таинство рукоположения в священные саны? Смирнов задумался и, помолчав немного, сказал: «Чтобы показать вам, кто совершал у старообрядцев таинство рукоположения, надобно прежде хорошенько уяснить понятие о церкви. Из истории видно, что в состав церкви входят все христиане, и праведные, и грешные, с здравым понятием о вере, и погрешающие в некоторых предметах. Иерархические лица, как я уже говорил, наравне со всеми не свободны от заблуждения, могут падать и восставать; но при заблуждении своем они также могут быть строителями церковных таинств. Таковые примеры мы находим в древней истории, – крещенных и рукоположенных заблуждающимися пастырями вновь не

перекрещивали и не рукополагали. Теперь поняли, кто совершил у старообрядцев тайну рукоположения». Я сказал: нет, – вы все-таки не ответили мне на вопрос: кто совершал у старообрядцев таинство рукоположения? и я прошу вас прямо ответить на этот вопрос. Смирнов сказал: «я ответил, да вы, должно быть, не поняли меня.» – «Действительно, говорю, не понял, да и понять вас трудно. Я спрашиваю: кто у старообрядцев совершал таинство рукоположения? а вы мне отвечаете, что христиане и священные лица могут заблуждаться, падать и восставать. Вы ответьте прямо, кто совершал у старообрядцев таинство рукоположения, и тогда я пойму вас. Смирнов сказал: «нечего вам отвечать; вы сами знаете, что у старообрядцев хиротонии не совершалось, и что они довольствовались хиротонисанными лицами, приходившими от великороссийской церкви и познавшими свое заблуждение». Я ответил: Теперь я понимаю вас, – сколько вы ни уклонялись, а вынуждены признаться, что таинство хиротонии у старообрядцев не совершалось; но если так, то общество старообрядцев не могло и не может быть истинною Христовою церковию: ибо в церкви Божией, по свидетельству св. отец (Симеон. Солун. кн. 2, гл. 88) и старопечатных книг «не две точиу тайны, но всесовершенно седмь» и «сии тайны устава и предаде сам Господь наш И. Христос, ихже святая соборная и апостольская церковь всегда употребляет, ими бо вси освящаемся и спасение содержим... оправдываемся и всыновление божественное приемлем... не ведый же и не брегий о них сей погибнет» (Вел. Катих. 72 гл.). Итак, один вопрос мы кончили, и для нас выяснилось, что старообрядчество, не имея полноты церковных таинств, церкви Христовой не составляло. Смирнов возразил: «Ничего особенного не выяснилось! Погодите торжествовать победу! Я говорил и говорю, что иерархические лица и при заблуждении своем могут быть строителями церковных таинств. Разве не было таких случаев падений предстоятелей церковных, что трудно даже было во всей церкви найти не поколебавшихся епископов?» Я сказал: Вопрос о таинствах у нас решен. Вы сами сознались, что у старообрядцев таинства хиротонии не

совершалось, а мною доказано, что по учению св. отец и старопечатных книг Христова церковь всегда должна иметь все семь церковных таинств, и что не имеющие их, погибают. А что касательно того, что якобы во вселенской церкви могут заблудить, или впасть в ересь все епископы, и что будто бы когда-то были такие случаи падений, то потрудитесь это доказать от писания. Смирнов ответил: «Если говорю, то надеюсь доказать; только от писания-то сей час не по чему доказывать, – у меня с собою не имеется книг». Я сказал: не угодно ли вам явиться в посад Воронок на публичную беседу 14-го октября, – там всякие будут книги. Смирнов: «А мне одной участи со Швецовым не будет? – в тюрьму не запрячут?». Я заметил Смирнову, что Швецова за беседы с миссионерами нигде не брали, и взят он не за беседы, а за подпольные сочинения его, которые без позволения правительства печатал и распространял. Смирнов сказал: «Или не сладки вам его сочинения? Хороша же ваша церковь и сильна, когда не справится духовным мечем с одним Швецовым и берется опять за старую азбуку, истязать и в тюрьму сажать!» Я заметил Смирнову, что церковь тут не при чем, и не церковию он взят, а полицейскою властию, которая обязана арестовать всякого, кто хотя бы басни, или сказки стал печатать и распространять без дозволения правительства. Смирнов стал укорять православную церковь и ее архипастырей всякими непристойными словами; укорял и бранил вас, что вы будто бы пишете «всякую ложь и кляузы» о старообрядцах. Я попросил его прекратить укоризны свои, и решить остающийся за ним вопрос: могут ли во вселенской церкви впасть в ересь все епископы? Я требовал настойчиво, чтобы он или теперь же доказал мне писанием возможность падения всех епископов, или явился бы для этого на беседу в посад Воронок. Вместе со мною и купец Макаров стал упрашивать Смирнова побеседовать в Воронке по книгам. Смирнов подумал немного, и как бы нехотя сказал: «Отчего же? можно побеседовать! Не знаю только, успею ли я вернуться из Киева; я завтра (4-го октября) отправлюсь в Киев». При этом он стал подсчитывать дни предполагаемой поездки в Киев и подсчитавши сказал: «пожалуй не успеешь обернуться».

Я объяснил ему, что если не успеет он возвратиться, то беседу можно устроить 21-го октября. Смирнов согласился прибыть на беседу 21-го октября. На этом и кончена была наша беседа о церкви. На другой день опять мне пришлось с ним увидеться и беседовать. О поездке в Киев он и теперь говорил: «завтра надо ехать». Да так целых четыре дня откладывал поездку в Киев с завтра на завтра, и в конце концов, вместо Киева, отправился прямо из Чернигова путешествовать с проповедью по Стародубским слободам и в г. Сураж к страждущему за мнимо-древнее благочестие г-ну Швецову.

После описанной беседы о церкви, Смирнов, при свидании со мною, старался выпытать у меня: кто я, и откуда, и что побудило меня оставить старообрядчество. Я рассказал ему о себе по всей справедливости, и между прочим объяснил, что первые семена сомнений в старообрядчестве посеял во мне Ксенос, а к окончательному убеждению в чистоте и святости грекороссийской церкви привели беседы православных миссионеров, калужского Иоанно-Богословского братства, особенно о. Василия Смирнова, и чтение старопечатных книг и новых сочинений о расколе. Смирнов не поверил тому, что я сказал Ксеносе. «Чем же, говорит, мог он поселить в вас сомнение насчет старообрядчества?» Я объяснил, как Ксенос сознавался мне лично, что сомневается в законности белокриницкого священства. «И во всю жизнь свою, прибавил я, Ксенос не принимал, даже и пред смертию не принял никакого напутствия от белокриницкого священства. Смирнов отвергал это; но мои слова подтвердил старообрядец Макаров. Последний Ксеноса называл человеком «скрытым», и между прочим передал о нем следующее: «У Ксеноса, говорил он, первым другом был Фаддей Юдин Фролов. С ним они вместе водворяли и утверждали Окружное Послание. Впоследствии Фролов усомнился в старообрядческом священстве, и когда заболел, то убедительные письма писал Ксеносу, прося его совета: напутствоваться ли ему белокриницким священством, или присоединиться к православной церкви, – такие убедительные, что даже каменный бы мог расчувствоваться и ответить на них; но Ксенос ни на одно письмо Фролову не

ответил. Я как сейчас помню, продолжал Макаров, одно письмо, в котором Фаддей Юдин писал: «Друг мой! я нахожусь на смертном одре и объят великим сомнением. Со слезами тебя умоляю: Бога ради, скажи мне последнее свое слово, – что я должен делать: напутствоваться ли белокриницким священством, или присоединиться к единоверию? Твоего слова жду, и как ты мне скажешь, так и поступлю». Этот рассказ Макарова очень не понравился Смирнову. «Что-нибудь не так было! – возразил он, – почему бы Ксеношу не ответить на письма Фролова, и что тут было хитрого?» Макаров ответил: «Стало-быть нельзя было Ксеношу сказать ни того ни другого, – ни: иди к белокриницким, ни: не ходи». – «Чем же кончил Фролов?» спросили мы. Макаров ответил: ушел в единоверие. Смирнов спросил еще: «а глубоко сведущ был Фролов в писании?» Макаров ответил: по моему мнению, этот Фаддей Юдин не уступал по начитанности самому Ксеношу»⁴⁰. Смирнов замолчал и более не заводил речи о Ксеносе. Со мною же при дальнейших свиданиях и разговорах чрезвычайно дерзко поносил Святейший Синод и православных епископов, так что и повторять его брань невозможно. А на беседы, происходившие в Воронке 21-го и 26-го октября, так и не явился.

Примечания

¹ - Невольно припоминается при этом недавно нанечатанное письмо митрополита Филарета, писанное еще в 1822 году, к московскому обер-полицеймейстеру Шульгину, известному своими поборами с раскольников. Митрополиту донесено было, что в Москву привезено из раскольнических типографий много богослужебных книг, употребляемых старообрядцами, печатание которых было воспрещено в этих типографиях, существовавших даже с ведома правительства, после того, как была учреждена в Москве единоверческая типография, которой предоставлено исключительное право перепечатывать с старопечатных богослужебные книги. По сему случаю митрополит просил обер-полицемейстера «поручить кому следует, с поверенным единоверческой типографии, при депутате с духовной стороны, учинить изыскание запрещенных книг в местах, на кои сделано будет указание, с такою немедленностию, которая бы не допустила виновников злоупотребления скрыть следы злоупотребления, и о последующем его уведомить» (Душеп. Чт. 1890 г. кн. I, стр. 120).

² - См. Летопись за 1889 г. стр. 183–185.

³ - Все, доселе исчисленные, обвинения церкви в мнимом отступлении от Евангельского учения не новые, – они заимствованы у Денисова и из книги Никодима; а это обвинение церкви в мнимом „погрешении против Евангелия“ через „учение о церковной непогрешимости“ есть уже собственное измышление Швецова, который проповедует возможность всеобщего уклонения в ересь и епископов и мирян, т.-е. отвергает неодоленность церкви, засвидетельствованную неложным обетованием Христа Спасителя: созижду церковь мою, и врата адова не одолеют ей.

⁴ - Г-ну Перетрухину надлежало бы эти вопросы (разумеется, кроме вопроса об отделении от белокриницкого митрополита), а также и приведенные слова св. Киприана, обратить к себе самому, или вообще к старообрядцам, принявшим Австрийскую иерархию. Пусть он подумает, от кого в

самом деле получили эти старообрядцы «дозволение устраивать епископские кафедры», «чего ради отделились от единства церковного» и проч. Пусть покажут и оправдят свое положение, воистину плача достойное и погибельное». Ред.

⁵ - Противокружник, разумеется, искусно ловит здесь окружника, явившегося в защите Окружного Послания не раскольником уже, а православным; но ему следовало разобрать возражение и «по существу» независимо от того, кем оно предложено. А в таком случае он оказался бы несостоятельным. Перетрухину же нельзя было требовать этого разбора слов его «по существу», когда ему было указано, что он и сам не разделяет того, что теперь вынужден говорить, что и сам все это забудет, когда станет говорить с православными миссионерами, сам выступит тогда защищать противокружническое понятие. Таким образом слова, имеющие всю силу доказательности в устах православного, делаются бессильными, когда ими пользуется, по нужде, раскольник, и даже удобно обращаются против него самого. Ред

⁶ - В приведенных местах имя Спасителя пишется сокращенно ИС; а это еще не значит, что здесь должно произносить Иисус, а не Иисус; напротив, как по-гречески, так и по-славянски здесь правильнее произносить Иисус, о чем уже многократно было писано и говорено. А что „имя Иисусово“, на каком бы языке оно не писалось и как бы ни произносилось с правою мыслию, «Бог, есть», – это несомненно; но здесь идет речь о имени, а не о звуках, и литерах, не об его произношении, которое у различных народов различно. Ред.

⁷ - Ксенос допустил явную филологическую ошибку, утверждая, что будто бы самое слово Иисус, слово греческое, в переводе на русский язык означает «Спаса, врача, и исцелителя», о чем также не раз было ему замечено. Ред.

⁸ - Здесь Пуговкин только уклоняется искусственным образом от правильного замечания Перетрухина и самым этим уклонением показывает, что замечание Перетрухина действительно справедливо и сильно, то-есть невольно сознается, что противокружники несправедливо называют Иисуса иным богом, в которого якобы и верует российская церковь, даже как

будто отрицает, что противокружники содержат такое учение о церкви, что его будто бы держится только один Кирилл. А если так, то зачем же они восстают против Окружного Послания, в котором именно говорится, что великороссийская церковь под именем Иисуса верует не в иного бога, а в истинного Христа Спасителя?

⁹ - А перед этим сам же утверждал, что имя Иисус не есть имя иного бога, как думают противокружники, но имя истинного Сына Божия. За это противоречие и достается ему далее от Пуговкина. Ред.

¹⁰ - И опять Пуговкин только отстранил, хотя и очень искусно, возражение Перетрухина; но ему все-таки следовало рассмотреть его по существу. Теперь же остается несомненным, что и он сам, вместе с еретиком Швецовым, не верит и старопечатным книгам, изданным до патр. Никона и доселе пользовавшимся полным доверием старообрядцев. Значит и он еретичествует, как Швецов, или же допускает такое еретичество только ради победы над противником. Ред.

¹¹ - Вот как сами раскольники публично говорят об еретичестве своих главных богословов! Пусть обратят на это внимание г-да братчики. Ред.

¹² - Весьма любопытно это откровенное признание старообрядца, что допустить присутствие благодати в церкви грекороссийской – значит, «ввалить все старообрядчество в великую беду». Ред.

¹³ - Этим правилом руководится и православная церковь в отношении к раскольникам: почему же за это так восстают против нас старообрядцы, предоставляющие себе именно право им руководствоваться? Ред.

¹⁴ - Рудня – православный приход.

¹⁵ - Справедливо; а так как в суждении о Захарии Копыстенском вы должны следовать отзыву о нем списателя Книги о вере, а не еретика Швецова, то и должны исполнить, чего требует похваленный сим списателем Захарий Копыстенский. Или в самом деле и для вас, г-да Пуговкины,

еретик Швецов авторитетнее древне-православных учителей?
Бедное старообрядчество! Ред.

¹⁶ - См. „Летопись“ 1889 г. гл. 12.

¹⁷ - Из Манычской станицы один православный нам пишет: «В настоящее время здесь раскол очень ослабел. Многие из почетных стариков говорили мне: «если бы дали нам священника служить на правах Единоверия и устроили единоверческий храм, мы все пошли бы в православие». Я спросил их: «Почему же вы не хотите к нам, в православную церковь, идти? Ведь церковь одна, – что единоверческая, что православная! А у вас в церкви все казаки, как вы знаете, молятся двуперстно». На это мне ответили: «У вас в службе многое опускается, а поют так, что и не слушал бы, – крики да визги из всех сил, точно в лесу»... В этом отношении, – прибавляет наш корреспондент, – оправдаться нам пред раскольниками нечем». И справедливо. Не только раскольников, но даже православных, не утративших чувство благоговения, возмущает иное «партисное» пение в наших церквях. И будет ли конец этому безобразию?! Хотя бы в тех местах, где вокруг много раскольников, позаботились об его уничтожении, чтобы не давать им нового повода порицать православие и не полагать новой преграды для них на пути к соединению с церковью.

¹⁸ - См. Летопись 1889 г. гл. 12 и 14.

¹⁹ - В Нижегородской губернии, где раскольники пользуются покровительством гражданской власти не меньше, чем в Москве, был такой случай, на вокзале железной дороги, в зале второго класса. Раскольнический поп Федор провожал своих прихожан, богатых подрядчиков, и вместе с ними сидел на видном месте, опоражнивая бутылки: он был с длинными волосами и в картузе, так что невольно обращал на себя внимание. Возмущенный его поведением, один пассажир, человек преданный церкви, подошел к нему и потребовал, чтобы он снял шапку, так как в зале есть святые иконы. Поп не хотел слушаться; но когда пассажир пригрозил ему, что сам сбросит с него картуз, то обнажил голову. «Кто ты такой? – почему носишь длинные волосы по-священнически?» – спросил

его пассажир. Поп Федор ответил, что он местный крестьянин, а длинные волосы привык носить с детства. – «Врешь! заметил ему пассажир, – ты раскольнический поп, а эти собутыльники – твои духовные дети! За эти волосы тебя следовало бы в полицию свести...» Раскольники, пристыженные между прочим и тем, что их поп так скоро отрекся от своего звания, оставили свои бутылки и поспешили уйти. Такие случаи, неприятные для самих раскольнических попов, не будут повторяться, если они перестанут носить длинные волосы.

²⁰ - См. Брат. Сл. 1890 г. т. II, стр. 237.

²¹ - Даже и не верится, чтобы Швецов мог дозволить себе говорить такую наглую клевету о достопочтенном о. архимандрите Павле; но так как в письме передается то, что говорилось публично, при нескольких десятках свидетелей, то не верить не возможно. Итак озлобление еретика Швецова против о. архимандрита Павла доходит до того, что он бессовестнейшим образом, публично возводит самые наглые клеветы на этого сильного, и потому ненавистного ему обличителя его еретичеств... Что о. Павел, бывши беспоповцем и прусским подданным, печатал в Пруссии сочинения в защиту браков и другие, это всем известно, об этом и сам он говорил не раз в печати. И такие из напечатанных им книг, как напр. «Царский путь», могли быть с пользою распространямы не только между старообрядцами, но и среди православных. К чему же тут контрабанда? История же обращения о. Павла в православие, происходившего на наших глазах, – история, в высшей степени назидательная, представляет очевидные доказательства несомненной его искренности. Не говорим уже о том, каким неотразимым свидетельством ее служат двадцатилетние неустанные труды о архим. Павла на пользу святой церкви. И о таком-то человеке Швецов имеет наглость публично говорить, что он присоединился к церкви поневоле, избегая ссылки в Сибирь, будто бы угрожавшей ему за печатание книг в Пруссии и контрабандную их перевозку! – тот самый Швецов, который, будучи русским подданным, столько раз ездил заграницу печатать там свои сочинения, наполненные клеветами на церковь и разворачивающие самих старообрядцев

дотоле не бывшими у них еретическими мнениями, печатает их также в своих подпольных типографиях, и сам, как истый контрабандист, распространяет их повсюду! – тот самый Швецов, у которого тут же неподалеку был целый чемодан, набитый этими контрабандными книгами!... Когда подумаешь, что такую клевету на невинного человека он произносил всего за несколько часов перед тем, как сам был арестован с этим чемоданом книг заграничной и подпольной печати, то невольно верится, что это было достойным возмездием клеветнику. Г. Швецов утверждает, что о. Павлу грозила Сибирь за то, что он будто бы „попался» с контрабандными книгами; любопытно знать: что угрожает самому г-ну Швецову, когда он действительно попался с целым чемоданом таких книг?

²² - О бегстве Геннадия за границу и первоначальных его подвигах там, см. «Летопись» 1885 г. (Братск. Сл. т. 1, стр. 571).

²³ - Потом в «Церковных Ведомостях» за 1889 г. (№ 24) была напечатана краткая заметка об этом Аркадии. Для ознакомления с его грамотой, приводим из нее титул, с которым подписался под нею мнимый патриарх Мелетий: «Божиею милостию Мелетий патриарх Славяновеловодский, Индостанский, Индийский, Комбайский, Японский, Англо-Индийский, Африки, Америки, Ост-Индии п Фест-Индии и Юст-Индии, и Террафирмы, и Парагвая, и земли Хили, и Магелланских земли, над Патагонами, и Бразилии и Абаснии».

²⁴ - Любопытно, что этого царя он внес даже в свою ставленную грамоту, хотя ставленных архиерейских грамот, как известно, и древлеправославные цари не подписывали. За патриаршей подписью следует: «Божиею милостию мы Григорий Владимирович, царь и краль Камбайского царства, Индии и Магелланских земли».

²⁵ - Этот, и еще один приводимый далее отрывок из грамоты Мефодия напечатан в «Томских Епарх. Ведомостях» (№ 14-й, 1890 г.). То самое, что здесь указаны №№ за которыми последовали распоряжения, изданные раскольническими властями против братчиков, дает основание не сомневаться в подлинности Мефодиевой грамоты и приведенного отрывка из нее. И так братство и братчики существуют и действуют без

разрешения, и не только без разрешения, но даже в явное противление распоряжениям их же собственных духовных властей, и это в делах, касающихся религии! Где же, г-н Брилиантов и К⁰, где ваше пресловутое повиновение вашему якобы «древлеправославному» архиерейству, для оправдания которого вы, с вашим Швецовым, строите разные ходульные теории? И ваш Швецов, лжеучениям которого вы верите больше, нежели слову Божию, как первый ваш «Братчик» не находится ли прежде всех под этими запрещениями ваших духовных властей, приведенными у Мефодия?

²⁶ - Конечно, в Сибири же? Вот за это, может быть, особенно и не взлюбил его Мефодий. Почему же однако не сделаться архиереем у раскольников и беглому арестанту, когда есть у них архиерей из конокрадов, проведенный по улице с хомутом на шее?

²⁷ - Томский Епарх. Вед. 1890 г. № 14.

²⁸ - Этот «пастырь и учитель, законом определенный», есть известный нашим читателям ставленник Швецова и Кирилла Нижегородского Иван Иголкин, проживающий в Городце. Очевидно, что Феофилакт состоит в дружбе со Швецовым и всеми его почитателями – Иголкиным, Смирновым, братчиками.

²⁹ - Но сам-то Феофилакт разве не «уничтожает вечное Христово священноначалие», когда, со своим Швецовым проповедует, что лица, составляющие это священноначалие, могут все уклониться в ересь и что так действительно было в продолжение двух сот лет, т.-е. вечное священноначалие 200 лет не существовало, или существовало в еретическом священноначалии, значит не Христовом, которому именно, и ему единому, обещало вечное существование? Не отвергают ли поэтому Швецов и Феофилакт «обетование Господне» точно так же, как отвергают беспоповцы?

³⁰ - Письмо его далее печатается вполне, под заглавием «Две встречи».

³¹ - Итак московское раскольническое братство объявляет Швецова пророком, или апостолом, вешающим и пишущим «по внушению Святого Духа», и еретические сочинения его

«богодухновенными», и «в особенности признают таким «богодухновенным» творением его «Истинность», где он проповедует злейшие ереси о подвременном рождении Сына Божия от Отца! Могут ли безумие и кощунство доходить до большей степени дикости и нечестия? Не ясно ли, что идолопоклонствующие «братчики» действительно утратили способность различать истину от лжи, когда яд швецовского еретичества считают «яко манну, сходящую с небеси для утоления духовного глада»?

32 - Если этой красноречивой бессмыслицей «братчики» хотят сказать, что будто бы против еретических сочинений Швецова бессильны возражения православных писателей, то они говорят явную ложь. Достаточно напомнить им возражение о. архим. Павла против «Истинности» Швецова, которую считают они «в особенности богодухновенною».

33 - Что такое «патриот Христовой церкви», это известно, должно быть, одному г. Брилиантову.

34 - Удивительное извращение понятий в уме идолопоклонствующих «братчиков»! Кому не известно, что именно Швецов в своих толкованиях писания всегда прибегает к хитросплетениям и самоизмышленным лжетолкованиям, которые и обличаются со стороны православных ясными, не требующими и толкования, святоотеческими свидетельствами? А «братчики» утверждают, будто не Швецов, а православные прибегают к «хитросплетениям и кривотолкованиям»! Кому не известно, что именно Швецов проповедует возможность «уничтожения Христопреданной иерархии» в церкви Христовой, чтобы оправдать действительное ее уничтожение у старообрядцев? А „братчики“ утверждают, что будто бы Швецов ратует против учений, «направленных к уничтожению Христопреданной иерархии»! Ясно, что бедные „братчики“, напоенные ядом швецовских книжек, совершенно помрачились умом...

35 - «Братчики» своим примером и опытом показывают, что ядовитые Швецовские учения действительно могут «причинять смертельные духовные раны, едва ли исцелимые», таким доверчивым и слепым почитателям Швецова, как они –

«братчики», наконец признавшие его даже «богодухновенным» проповедником. Люди, пораженные такою зияющею язвою идолопоклонничества пред Швецовым действительно не надежны к исцелению. А тем, кто обличает ложь Швецова, он безвреден и никак не опасен. Говоря о мнимых поражениях, какие будто бы наносит им Швецов, г-да «братчики» обнаруживают только обычное им и самому Швецову хвастовство, на сей раз доведенное до крайних пределов, как и следовало ожидать в «адресе».

³⁶ - О бескорыстии Швецова, по дорогой цене распределяющего свои подпольные сочинения, не напрасно ли говорят «братчики?» А приравнивать его и в этом отношении к «Апостолам Христовым» есть новое кощунство, за которое, полагаем, не похвалят г-д «братчиков» и сами старообрядцы. И если произведения Швецова суть «богодухновенные писания апостола», как называют их г-да «братчики», то почему же Духовный Совет не издаст постановления, чтобы старообрядцы почитали оныя наравне с Евангелиями и Апостольскими посланиями?

³⁷ - «Братчики» молятся, чтобы еретические учения Швецова распространились «по всей земли!» Какая недобрая молитва! Поистине, сбывается на «братчиках» слово пророка: и молитва его да будет в грех.

³⁸ - Как же это, г-да поморцы, – ведь ваш любимый писатель, автор «Щита веры», ставил в великую ересь, в ересь первого чина, употребление такого треугольника великороссийскою церковию, а вы поместили его даже на своей печати?

³⁹ - Когда настоящая «летопись» была уже кончена и напечатана, мы получили два след. известия: 1) Швецов, освобожденный на поруки, поселился в Полосе у Сильвестра, и к нему действительно раскольники собираются толпами; 2) умер раскольнический епископ – Пафнутий Казанский, смерть которого, несомненно, будет иметь влияние на положение дел у австрийских– поповцев. О том и другом событии следующий раз скажем подробно.

⁴⁰ - О Фаддее Юдиче Фролове довольно говорится в «Воспоминаниях о Ксеносе» В. Е. Кожевникова (Брат. Сл. 1885 г. т. II, стр. 444 и след.).